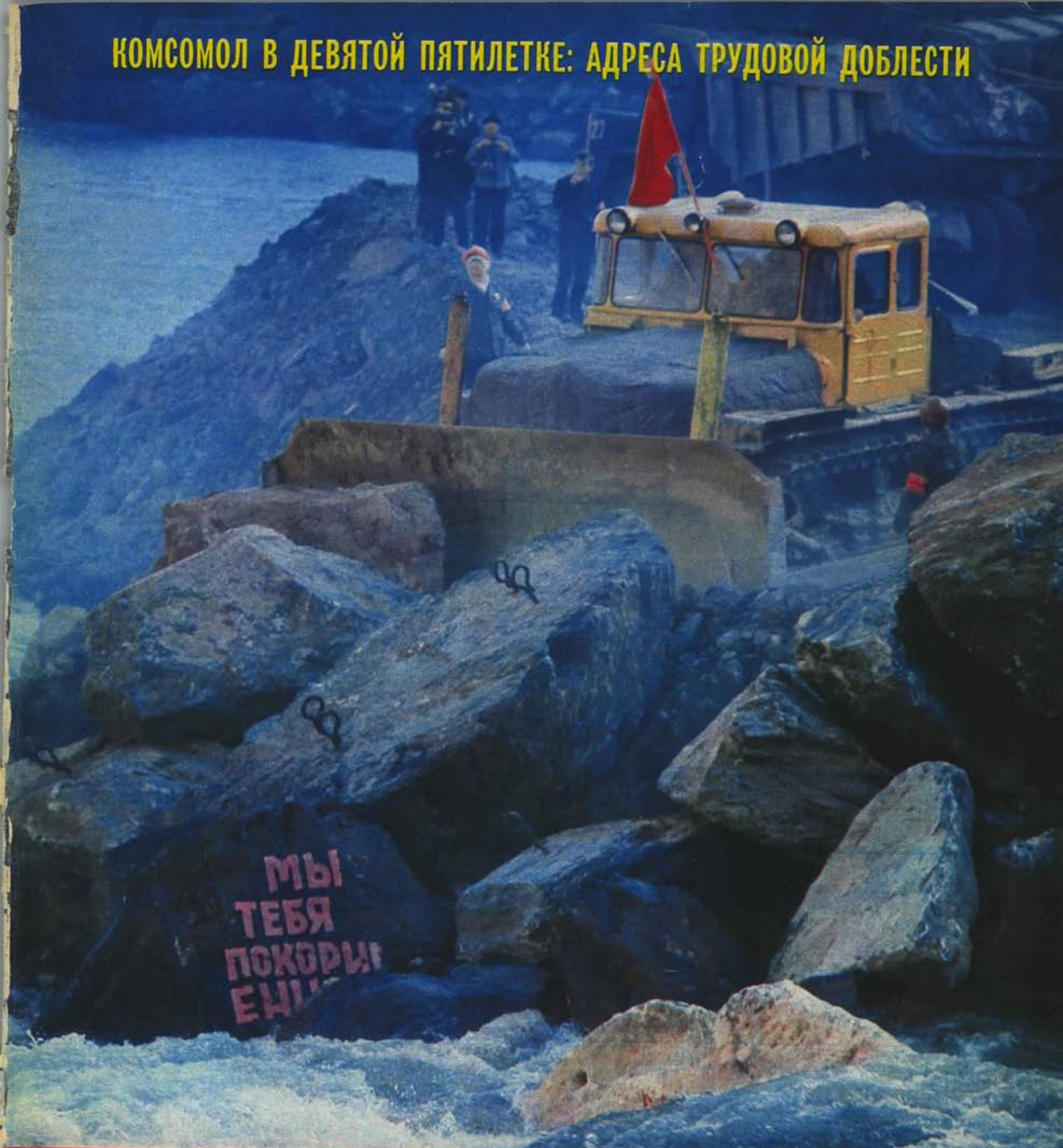

КОМСОМОЛ В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ: АДРЕСА ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

МЫ
ТЕБЯ
ПОКОРИ
ЕЩЕ

№ 24 ДЕКАБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОМЕНА

Пять точек на карте...

Всего пять адресов из многих тысяч

заводов и строек.

Но их пульс — четкий и бесперебойный пульс

Страны Советов.

Их ритм — победный ритм девятой пятилетки,

успешному завершению которой

посвящен этот номер «Смены»

ЖОЗЯДЕВА

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
секретарь правления Союза писателей СССР,
член комиссии Верховного Совета СССР
по работе с молодежью,
делегат XXIV съезда КПСС

Весной 1971 года мы, делегаты партийного съезда, единодушно приняли Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на девятую пятилетку. Кто из наших недругов за рубежом говорил о несбыточности советских планов, но наш народ был уверен, что величественная программа пятилетки будет успешно выполнена. А народ никогда не ошибается.

На календаре сейчас последние дни завершающего года девятой пятилетки. И каждый день мы узнаем приятные новости: выполнила пятилетний план еще одна фабрика, еще одна область, еще одна отрасль. Многие труженики нашей страны живут и работают по собственному календарю, обгоняя время на месяцы, а то и на годы.

Мы уже как-то привыкли оценивать рабочие минуты количеством выпущенной стали или выпущенных станков. Но, наверное, и рабочую смекалку, душевный порыв, желание сделать больше и лучше, хозяйственное отношение к своему делу и делу всей страны тоже можно выразить цифрами? Не эти ли качества советского рабочего помогают получать сверхплановые миллионы тонн стали, нефти, угля, тысячи автомашин, тракторов, станков! И все это для нас, для каждого из нас, для всего советского народа. Счастье человека — цель всей политики КПСС. И мы гордимся, что слова «счастье человека» имеют в нашей стране силу закона. «Наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме», — подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. Значит, каждый сверхплановый станок, каждый сэкономленный день, каждое рационализаторское

предложение являются вкладом в достижение этой высшей цели Советского государства. А у нас в стране есть тысячи, сотни тысяч рабочих, сэкономивших не день-два, а один-два года. И среди них немало молодых. Почти все они стали кавалерами знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». В названии комсомольской награды явственно слышится переключка поколений, связь с трудными и героическими днями войны, когда родилась советская гвардия. Работать по-гвардейски, так же как и воевать по-гвардейски, не просто. Кроме мастерства, нужны еще и смекалка и талант.

Разве можно отказать в таланте молодой бакинской швее Сакине Акперовой?! В начале пятилетки она была всего-навсего ученицей, но очень быстро заняла достойное место среди самых опытных рабочих, первой на фабрике выполнила пятилетнее задание.

Иван Щербак свой первый гвардейский знак получил во время службы в армии. И оправдал звание гвардейца, не дрогнув в трудную минуту. В ноябре 1970 года газеты сообщили: «...военнослужащий комсомолец Иван Щербак тяжело ранен на посту у памятника советским воинам в Западном Берлине...» И, раненный, он не покинул пост, пока не пришла смена. О чем он думал в тот миг? О матери, о Родине, о тех, чьи имена навеки высечены на каменных плитах, на которые пролилась и его кровь? Может быть, это они, пехотинцы и летчики, саперы и артиллеристы, отдавшие жизнь за нашу свободу, за счастье Ивана Щербака, вдохнули в него силы, помогли свято выполнить свой долг... После демобилизации Иван вернулся домой, стал помощником машиниста в локомотивном депо станции Гребенка. Он и работал, как служил, по-гвардейски. Свое пятилетнее задание выполнил в апреле 1974 года, и на груди молодого

коммуниста рядом со знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» засиял и золотой знак «Молодой гвардеец пятилетки».

За годы девятой пятилетки на карте страны появились десятки новых городов, выросли новые заводы и фабрики. Мы по праву гордимся такими гигантами, как ВАЗ и КамАЗ, такими месторождениями, как в Западной Сибири, такими гидроэлектростанциями, как Красноярская.

Недавно мы со старым товарищем говорили о перекрытии Енисея, о строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. «Я удивляюсь», — сказал он, — удивляюсь тому, что нынешнее поколение не удивляется такому чуду». И действительно, помню, с каким восторгом мои сверстники рассматривали фотографии, сделанные во время перекрытия Днепра. А нынешняя молодежь смотрит цветные телепередачи из космоса, рассматривает фотографии далекой Венеры и вовсе не считает чудом перекрытие даже такой могучей реки, как Енисей. Но это совсем не значит, что юноши и девушки стали скупер на проявление своих чувств. Просто на шкалу сегодняшних человеческих возможностей нанесены совсем другие деления. И грабарки строителей Днепрогэса не идут ни в какое сравнение с мощными самосвалами, а лопаты — с экскаваторами и другими умными и сильными машинами. Зато остался прежним замечательный энтузиазм советских людей, их желание сделать родную землю богаче и краше, их стремление ни в чем не отделять личную судьбу от судьбы Родины. Коммунистическое сознание народа, его идейная убежденность, его неисчерпаемые силы — не в этом ли самое главное богатство нашей Отчизны!

Помню, как прямо с комсомольского съезда отправлялся на БАМ первый эшелон строителей, ударный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Москва торжественно провожала

добровольцев, и огромная площадь у Ярославского вокзала вдруг показалась маленькой, не смогла вместить всех, кто хотел пожелать счастливого пути первым бамовцам. Над молодыми людьми, одетыми в строгие костюмы защитного цвета, плыли лозунги. Среди них был и этот: «Героический энтузиазм корчагинской узкоколейки — Байкало-Амурской магистрали!» И в лозунгах — переключка поколений, нынешние строители продолжают дело корчагинцев. Они едут на восток, чтобы взять запасы Удокана и Чульмана, чтобы построить новые станции, заводы и города.

С первым отрядом приехал на БАМ и московский шофер Александр Шатунов. Но потребность в шоферах была меньше, чем в плотниках, и Саша стал плотником, потом бетонщиком. Недавно он приехал в отпуск и несколько дней провел... на стройке.

— Еду в автобусе к своей станции «Каширская», — рассказывал он, — и все по сторонам оглядываюсь: как тут без меня Москва меняется? И вдруг вижу: укладывают строители бетон... без опалубки. Еще остановки три проехал и все думаю: «Неужели померещилось?» Не выдержал, вернулся. Все просто оказалось: вместо деревянной, трудоемкой опалубки натягивается металлоческая мелкоячеистая сетка. Она и бетон отлично держит и позволяет легко создавать любую конфигурацию стены или фундамента, а главное — скорость, производительность! Поработал я с московскими бетонщиками, ну, и, понятно, наматал на ус их приемы.

Именно такие ребята, как Александр Шатунов, стали инициаторами движения, развернувшегося на всех точках будущей магистрали. Оно получило очень точное название: «Я хозяин стройки!» Это движение воспитывает у молодых строителей не только чувство бережливости, но и гражданственность.

За год-полтора очень изменились ребята, уезжавшие на восток из Кремлевского Дворца съездов. Юношеская восторженность, желание многих «тайгу посмотреть и себя показать» сменились деловитостью настоящих хозяев, к ним пришли опыт и мастерство. Тот же Шатунов, например, не стал ожидать конца отпуска и о новинке, примеченной у московских коллег, сразу же написал в бригаду подробное письмо, похожее на инструкцию: как применять металлическую сетчатую опалубку и где эту сетку можно достать. Потому что и в отпуске он помнит о самом главном в своей жизни — о работе.

За годы девятой пятилетки комсомол направил на стройки пятилетки свыше полумиллиона юношей и девушек. Есть их заслуга в том, что на карте страны появились новые города и поселки, начали давать продукцию свыше двух тысяч новых промышленных предприятий. Раньше срока вспыхнул факел на Оренбургском газоперерабатывающем заводе, быстрее, чем планировалось, пришел первый поезд в столицу БАМа — Тынду, выпустила чугун крупнейшая в мире криворожская домна, на полную мощность заработала Красноярская ГЭС, собран первый трактор на Чебоксарском заводе промышленных тракторов...

Невозможно перечислить все, что рождено девятой пятилеткой, но мы ясно слышим ее победные шаги. Это шаги в развитии всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, науки и техники, в подъеме народного благосостояния и росте международного авторитета Советского Союза. Это шаги к коммунистическому обществу.

Девиз молодых рабочих — трудиться по-гвардейски. По-стахановски. В этом году мы отметили 40-летие стахановского движения. Миллионы молодых рабочих подготовили к этому юбилею свои трудовые подарки. Например, молодой донецкий шахтер Анатолий Осыка накануне знаменательной даты установил свой второй рекорд, а через некоторое время завершил и свою вторую пятилетку. Символом трудового героизма для советской молодежи стали имена Алексея Стаханова, Никиты Изотова, Петра Кривоноса, Евдокии и Марии Виноградовых, Прасковьи Ангелиной и Марии Демченко.

Прославленные передовики труда учредили переходящие красные знамена «Герои пятилеток, ветераны труда — лучшему комсомольско-молодежному коллективу». За право быть награжденным этим знаменем упорно соревнуются сотни тысяч молодежных бригад, смен и участков, потому что нет выше чести, чем принять знамя из отцовских рук и понести его дальше.

Все прогрессивное человечество отметило в мае этого года славную дату — тридцатилетие со дня разгрома немецко-фашистских захватчиков, тридцатилетие великой Победы. Молодые люди, не знавшие ужасов войны, все же прекрасно понимают, чем они обязаны старшему поколению, свято чтут память героев, отдавших жизнь за свободу Отчизны, за счастье нынешнего поколения.

Нравственным примером для молодежи стала школьница из пограничного молдавского села Скуляны Валя Савельева.

Валина мама в сорок первом году спасла от плена группу советских солдат, показав им брод через Прут. А в сорок четвертом в доме Савельевых отдали раненому бойцу последнюю луковицу и последний кусок хлеба, а сам дом не пожалели для наведения переправы. Сотни бойцов погибли, освобождая Скуляны, и девочка, никогда не видевшая войны раньше, решила открыть для себя и для всех, кем и какими они были, эти

войны. Валя Савельева восстановила имена и биографии 843 павших бойцов.

По дорогам славы отцов и дедов проходят все новые отряды «красных следопытов». Ими движет не простое любопытство к прошлому, не архивный интерес к страницам истории, что тоже само по себе неплохо, а интерес нравственный, патриотический, социальный. Юноши и девушки проходят по дорогам сражений, чтобы почувствовать ту силу, которая поднимает на подвиг, чтобы в своих делах быть достойными славы старших поколений.

Вот почему получило такой размах патриотическое движение «За себя и за того парня», зачинателями которого стали молодые московские рабочие Ирина Бондарева и Игорь Скрипник. Снова встали в строй десятки тысяч воинов, не вернувшихся с войны: в списках бригад появились имена погибших героев. И молодые рабочие старались не только выполнить за них производственную норму, но поверяли свои дела, свои поступки, свою жизнь жизнью тех, кто навсегда остался в памяти народной. И как высшую награду воспринимали юноши и девушки, победившие во Всесоюзном социалистическом соревновании, право быть сфотографированными у священной реликвии Родины — у Знамени Победы.

Мне много приходится ездить, часто бываю на стройках, на заводах. И всегда спешу встретиться с молодыми, чтобы поговорить с ними не только о проблемах современной литературы, но и о жизни. Впрочем, литературные проблемы часто являются зеркалом проблем жизненных.

На одном заводе я разговорился с молодыми слесарями, участниками Ленинского зачета. Ребята показали мне свои личные комплексные планы. Каждый из них стремится не только повышать квалификацию, но и продолжать образование в школе, техникуме, институте, в системе комсомольской политической учебы. У одного из них в рабочем шкафчике рядом с чертежами лежит томик Ленина. Девиз этих ребят: «Учиться коммунизму».

После таких встреч лишний раз убеждаешься: наши юноши и девушки отчетливо сознают, что они участвуют в великом, историческом деле — строительстве нового, коммунистического общества, понимают, что только самозабвенным трудом можно приблизить прекрасное будущее и воспитать людей, достойных его.

Десятая пятилетка — пятилетка качества. И речь идет не только о качестве деталей, станков и машин, но и о качестве нашей работы в любой области, о качестве наших отношений, о коммунистических качествах советского человека.

XXV съезд КПСС наметит на десятую пятилетку новые планы, еще более грандиозные, но, как всегда, реальные, научно обоснованные, учитывающие не только возросшее могущество страны, но и мастерство, смелость, талант нашей молодежи, планы, отвечающие устремлениям всего советского народа.

Наша страна встала на трудовую вахту в честь предстоящего съезда партии. Комсомольцы стремятся озаглавить каждый предсъездовский день трудовыми рекордами, успехами в учебе и боевой службе. Победители предсъездовской вахты получают почетное право подписать своеобразную клятву на верность делу партии, и я уверен, что каждый молодой рабочий и колхозник, инженер и воин, студент и школьник могут вписать свою личную строку в Рапорту Ленинского комсомола XXV съезду КПСС. Ибо прекрасны их дела. Прекрасны их души. И нам, писателям, радостно создавать книги о нынешнем поколении.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1921 года. Выходит два раза в месяц

№ 24 ДЕКАБРЬ 1975

Наша обложка
перекрытие Енисея.

Фото Виктора САККА

- 1 **ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ** секретарь правления Союза писателей СССР, член комиссии Верховного Совета СССР по работе с молодежью, делегат XXIV съезда КПСС. **ХОЗЯЕВА**
- 2 **ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД. СРОЧНЫЙ ЗАКАЗ**
- 4 **ЭКСПЕДИЦИЯ СМЕНИ — БАМ** Георгий **БАЖЕНОВ** КИЛОМЕТРЫ БЕЗ ПРИВАДА
- 7 **ПЯТИЛЕТКА МОЛОДЕЖЬ ПИСАТЕЛЬ** Леонид **ЖУХОВИЦКИЙ** ПРАЗДНИК В НАШЕМ ГОРОДЕ
- 10 **ЭКСПЕДИЦИЯ СМЕНИ — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.** НАЧАЛЬНИК ГЛАВТЮМЕНЬ ГЕОЛОГИИ. ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА Ю. Г. ЭРВЬЕ. **СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ**
- 12 **ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ ЧАС ПОБЕДИТЕЛЕЙ** Фотоиллюстрация Василия **ЖИЛЬЦОВА** и Виктора **САККА**
- 14 Стихи Бориса **ДУБРОВИНА**
- 18 **ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ** Сергей **АБРАМОВ** **СТОЯНКА Поезда вне расписания**
- 19 Стихи Сергея **ПОДИКАРПОВА**
- 20 **КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ** НА ОКЕ У **ПОЛЕНОВА**
- 22 **НОВОЕ ИМЯ** Стихи инженера Ларисы **ФЕДОСОВОЙ**
- 25 **ПРОШУ СЛОВА!**
- 26 **ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.** Обзор зарубежной прессы.
- 28 **Братья ВАЙНЕРЫ. МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ** Роман

Главные редактор А. А. **ЛИХАНОВ**

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова

© Издательство Правда. Смена. 1975 г.

Пять адресов пятилетки: УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД ТЯЖЕЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Уже не один месяц на бригадном календаре 1976 год. Пятилетку бригада выполнила, как и обещала, к 40-летию стахановского движения. Но стахановская наша вахта продолжается. Вместе со всеми комсомольско-молодежными коллективами — а их на «Уралмаше» десятки — взяли мы перед съездом партии новые, повышенные социалистические обязательства: всю продукцию сдавать только с первого предъявления; разработать и внедрить в производство четыре рационализаторских предложения; план двух месяцев 1976 года выполнить к 24 февраля — дню открытия XXV съезда партии.

В бригаде идет социалистическое соревнование за право подписать Рапорт Ленинского комсомола съезду партии. Кроме этого, мы соревнуемся с бригадой сборщиков из пятидесятого цеха, которую возглавляет мой хороший товарищ Лев Гречихин. Соревнуемся мы с ними не первый год, и скажу прямо: это соревнование нам очень помогает в росте производительности труда. Соревнование с бригадой Гречихина — как бы мощный рычаг, с помощью которого мы берем одну за другой новые производственные высоты. Приведу одну, на мой взгляд, показательную цифру: по сравнению с прошлым годом производи-

тельность труда в бригаде выросла почти на одиннадцать процентов. То есть получается так, что в бригаде вместо девяти человек работает десять. По списку так и есть. Хотя Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова, нашего уралмашевца, легендарного разведчика, нет с нами — не дожил он до Победы, — но его норма выполняется каждый день. Особое внимание обращаем мы на качество продукции. Не припомню случая, чтобы кто-то выдал брак на контроль. Считаем: только так должен работать наш комсомольско-молодежный коллектив. По-кузнецовски! По-стахановски!

Владимир ШИШКИН,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
имени Я. М. Свердлова производственного
объединения «Уралмаш»

Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС

СРОЧНЫЙ ЗАКАЗ

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: ГОРОД СВЕРДЛОВСК. ОТРАСЛЬ: ТЯЖЕЛОЕ МАШИНОСТРОЕНИЕ.

Сергей СМОРОДКИН,
специальный корреспондент «Смены».

Ключ на четырнадцать у тебя? — спросил Курбаков, подходя к Шишкину.
— Около стэнда осталось, там погляди, — ответил Владимир, не оборачиваясь. Он вырезал прокладку из толстой резины и, как всегда, что бы он ни делал, весь ушел в работу. Курбаков почему-то не спешил идти за ключом. Он стоял рядом с бригадиром, наблюдая, как широкое стальное лезвие утопает в резине, скользит вдоль шаблона и медленно разваливает пласт на две черные с зазубринами полосы. Нож был явно туповат...

— Я, Володя, вот что хочу сказать... Ухожу я из бригады... — Курбаков говорил негромко и как-то очень уж спокойно.
— Куда? — машинально спросил Шишкин, не совсем еще понимая, о чем речь, и по-прежнему не поднимая головы.
— Совсем ухожу. В стропальщики. С Крыниным уже толковал. Он, в общем, не против...

— Старший мастер не против, говоришь? Та-а-ак, что же это у нас получается? — протянул Шишкин.
Он бросил резать и посмотрел на Курбакова. Но встретиться с ним взглядом так и не смог: Виктор по-прежнему смотрел на черный резиновый пласт, где, сплотившись на полпути, застыло стальное лезвие.

— Толя, будь другом, дай-ка нож получше! — крикнул он ученику Толе Савченко, который старательно махал медной кувалдой, загоняя штифты в отверстия. — Замучился прямо. Сталь мягкая. Не режет — давит... — Шишкин не то поморщился, не то улыбнулся. — Значит, так решил, Виктор?!

— Так.
— Обиделся на бригаду, выходит?
Курбаков как будто хотел что-то сказать, но махнул рукой и пошел к испытательному стэнду. Может, и вправду ему потребовался ключ на четырнадцать...

Был понедельник. Первая смена бригады Шишкина заканчивала работу. Не очень ладная была для бригады эта смена.

Одно к одному. Как нарочно. Во-первых, заболел и не вышел на работу Язовских. Во-вторых, Никонов уходил в армию и все еще был на медицинской комиссии. В-третьих, до самого обеда возились они со срочным экспортным заказом для Финляндии. Плиту-кондуктор должны были отгрузить сегодня, и они проверяли подгонку девяностосемикилограммовых пробок к отверстиям. Работа не сложная, но кропотливая, скучная и, главное, медленная. Тридцать одна стальная пробка. Столько же отверстий в кондукторе. И каждую пробку тщательнейшим образом надо промерить. Подцепил к крану, опустил в одно отверстие, другое, третье... И так тридцать один раз. И ничего тут не придумать, чтобы дело быстрее пошло. Оговорено в заказе: каждая пробка должна подходить к любому отверстию кондуктора. Знай примеряй. А время дорогое уходит...

Только после обеда взялись за главное — заказ для Курской атомной электростанции. И тут подошел Виктор Курбаков. Конечно, Шишкин полагаю, что какой-то разговор, поздно ли, рано ли, будет обязательно. Но чтобы так неожиданно, по-обидному легко и спокойно сказать: «Я ухожу из бригады», в которой почти что с первого дня, — нет, этого бригадир не ожидал.

А началось все пару недель назад. С прогула. То ли день рождения, то ли свадьба. Так Виктор толком и не объяснил. Три дня прогулял. Первый случай в бригаде за все время ее существования. А тут как раз последние дни месяца. Сборка завалена работой. Только поворачивайся. А Курбаков — отличнейший сборщик — где-то гуляет. Конечно, разговор был тяжелый, крутой, неприятный. Но и ребят в бригаде понять надо: так подвести всех. Ну, и врезали Курбакову...

Курбаков не оправдывался: «Да, виноват... подвел... понимаю...» Так говорил Виктор. И вот на тебе: «Ухожу в стропальщики». Слесарь с золотыми руками — в стропальщики. Кому сказать — не поверят: стропальщик Курбаков! Да у них в бригаде все этой специальностью владеют. Кроме, правда, Савченко. Так он еще ученик. Пройдет немного времени — и обучится. Какой ты сборщик, если стропальщик не можешь?!

Эх, Виктор, Виктор... Значит, подумал, решил и... отрезаешь? Что ж, все эти годы, когда бригада сколачивалась и ребята друг к другу притирались, пустое для тебя? И не было будто тех горячих весенних дней, когда впервые обошли в соревновании сборщиков Гречихина и сам Лева мрачновато и сдержанно поздравил их с победой? Или, может, не были вместе на комсомольском собрании в декабре, когда бригада решила: «Завершающему году пятилетки — стахановские темпы!» — и их поддержал весь цех? А уж свое слово держали железно. Ни одного случая брака. Это же понимать надо: каждый узел, каждый механизм идет с первого предъ-

явления. Весь год. И в этом факте все: и то, что ребята подобрались один к одному, и организация работы, над которой они вместе ломали головы, и класс сборщиков, и ответственность каждого перед бригадой... Да мало ли чего? Нет, Витя, дорогой, мы еще поработаем вместе. И за грибами вместе походим. И на рыбалку. Мы же одна бригада. Как пальцы на руке. Лишних нет — каждый на счету...

Шишкин быстро дорезал последнюю прокладку, выпрямился, не спеша пошел через весь участок к Сереже Корелину — комсоргу бригады. Сейчас бригадир полностью владеет собой. Самое трудное — поиски решения. Но коли решил — все. А он, Шишкин, уже принял решение.

— Слышь, Серега, идея есть, — сказал он Корелину. — Давай лутучку не будем откладывать. Сразу после смены и начнем. Ты газету не забыл?

— Погоди, Володя, — сказал Корелин обескураженно. — Мы же хотели ребят подождать. Мало нас: Язовских заболел, Козлов из отпуска не вернулся, Никонов еще на медкомиссии...

— Знаю, знаю, — перебил Шишкин, — да тянуть нельзя. Точно тебе говорю — нельзя тянуть. Давай сразу после смены соберемся и решим...

...Корелин сидел, устало привалившись спиной к голубому инструментальному шкафу, и читал, не повышая голоса, вроде про себя, как будто находился он не в гудящем и звенящем громадном сборочном цехе, а в тихой комнате. Ребята плотно обступили комсорга, слушали, низко наклонив головы, и издали напоминали баскетболистов, взявших минутный перерыв перед решающей атакой.

«Курская атомная электростанция, — читал Сергей «Правду», — важнейшая пусковая стройка. Коммунисты и комсомольцы пересмотрели сроки пуска. Есть все возможности сдать первый энергоблок в эксплуатацию раньше намеченного...»

— Теперь ясно, почему они нас торопят? — спросил Корелин.

Он сделал паузу, оглядел ребят. Пять человек — половина бригады — собрались сейчас перед началом второй смены, чтобы решить, как быстрее сделать курский заказ... Виктор Баранчиков задумчиво разминал сигарету, Саша Мерзляков и Сережа Крюков что-то уже прикидывали на листке. Курбаков стоял немного поодаль, смотрел куда-то в конец цеха, где монтировали шагающий экскаватор, но слушал внимательно.

— А дальше про нас прямо написано, — сказал Корелин. — Так... Вот это место: «Каждое утро на огромном календаре ударной стройки появляется новое табло. Оно напоминает: время пуска первого блока сократилось на один

день. Курские атомостроители делают все, чтобы сегодня работать лучше, чем накануне. Верится, такой же ответственностью проникнутся и те, кто прямо или косвенно причастен к пуску атомного гиганта».

— Так и написано? — спросил Баранчиков. — Прямо, значит, или косвенно? Дай-ка взгляну.

Баранчиков был самым старшим в комсомольско-молодежной бригаде. Ребята уважительно называли его «дедом», советовались по всяким житейским делам. Баранчиков, как и Шишкин, работал по самому высшему в бригаде четвертому слесарному разряду, и поэтому от него зависело немало.

— Сколько, Володя, осталось нам сделать по курскому атомному? — спросил Баранчиков у Шишкина. — Взгляни-ка, заказ номер 175 263. Так, кажется?..

— Точно, — сказал Шишкин. — 175 263.

Он достал записную книжку, нашел нужную страницу.

— Двадцать три осталось. Срок по плану — следующий вторник.

Баранчиков закурил.

— Помочь надо, — сказал он осторожно. — Вот только как осилить? Двадцать три штуки. Шлюзовые двери. Это ж название одно — двери, а поглядишь на них — прямо бронепоезда. На двух стендах испытываем...

— Радиация, — сказал Крюков. — С ней, брат, не шути...

— Хорошо бы к пятнице успеть, — сказал Шишкин. — Уйдет наш подарочек в самый раз к празднику.

— Не потянуть, — покачал головой Баранчиков. — Нет, к пятнице никак. Ты как, Курбаков, думаешь?

— Я?

— Конечно!.. Ты же у нас главный изобретатель, — спокойно сказал Шишкин. — Тебе и карты в руки, как говорится...

Ребята смотрели на Курбакова. Он зачем-то достал из кармана спецовки гаечный ключ, начал вертеть его в руках. Руки у него были сейчас не очень ловкие, наверное, потому, что делали зрящее дело. А вообще-то пальцы у Виктора как будто специально приспособлены для работы с металлом. Были они сплюснены с боков, с узловатыми, гибкими суставами, с побитыми темными ногтями. Видеть их надо было в настоящей работе: когда Курбаков сверлил, шабрил, строгал сталь или собирал какой-нибудь хитрый узел, к которому вроде и не подступиться. Не было такой работы, к которой не приновились бы пальцы аса сборки Виктора Курбакова.

Коренной уралец был Курбаков. Вся родня его — чуть не десять человек — работала на «Уралмаше». И отец и мать Виктора тоже работали в соседних цехах.

— Я вот что думаю, — медленно сказал Курбаков. — Изюминка нужна. Такое надо сообразить, чтобы хоть немного, да быстрее дело пошло на сборке. Тогда осилит заказ для АЭС.

— Про азот не забыть бы, — напомнил Мерзляков. — На прошлой неделе опять перебои были.

— Азот нас «режет», — сказал Шишкин. — «Комсомольский прожектор» надо направить на снабженцев. Берешься, комсорг?

— Берусь, — сказал Корелин. — Азот добудем. Как и положено, будем детали сначала замораживать...

Шишкин взглянул на часы.

— Смена, ребята... Три минуты осталось. Значит, решаем так: пусть каждый подумает, как ускорить сборку. Завтра окончательно все и обмозгуем.

Бригадир пригладил волосы, посмотрел на Курбакова с веселой решимостью.

— Еще вот что... Личная просьба к Виктору. Пусть он подумает специально, как ускорить подгонку дверного полотна. Много времени на сварке теряем. Идет, Виктор?

Курбаков ответил не сразу. Он о чем-то напряженно думал, щуря глубоко запавшие темные глаза.

— Ладно, — сказал он неопределенно. — Может, что и выйдет.

— Ну, до завтра, — сказал Шишкин. — Мне еще перед техником в детсад надо забежать. Женю своего забрать...

Шишкин двинулся в раздевалку. Вторая смена разошлась по рабочим местам.

Бригаду Владимира Шишкина увидел я сначала на газетной фотографии. То ли фотограф выстроил сборщиков по росту, то ли случайно так получилось, но стояли ребята на фоне колошниковой кольца, которое они тогда готовили для криворожской домны, как на армейской поверке. Руки по швам, взгляд в объектив, лица закаменевшие. Володя Шишкин сфотографирован был почему-то отдельно. И, рассматривая снимок — улыбочное лицо, прямые скулы, подбородок боксера, — я подумал про себя: «Парень-кремень. С таким, поди, и не поспоришь. И советоваться не станешь. Всех, наверное, в жестком своем кулаке держит...» Похожий тип бригадира встречался мне не раз. Среди машиностроителей реже. Чаще среди шахтеров, строителей, нефтяников. Это были люди разной профессиональной квалификации, возраста, опыта, но одна черта объединяла их: хватка. Умели и за горло взять, коли надо, и вырвать какую-нибудь дефицитную метлахскую плитку, или новый турбобур, или лишнюю квартиру для бригады. Но сегодня на одной хватке и напоре далеко не уедешь...

Вот о чем подумалось мне, пока я ждал, когда заместитель главного инженера «Уралмаша» Владимир Кондратьевич Вожагов закончит разговор по телефону. Еще недавно Вожагов был начальником цеха, в котором работал Шишкин, и бригада росла у него на глазах.

Вожагов мягко положил телефонную трубку, взглянул на газетную вырезку.

— Прямо «стальной» бригадир, — улыбнулся Вожагов. — Это уж ретушер постарался. А вообще Володя... Он задумался, подбирая слово: — ...надежнейший человек. Мне кажется, за такими бригадирами будущее нашего «Уралмаша». Бригады, работающие по принципу «Давай, давай!» — это прошлое. Сегодня нужен такой командир, который был бы и отличным организатором, и специалистом первоклассным, и настоящим человеком по своим моральным качествам.

— У нас есть бригады, которые воспитывают других, требуют думать других, призывают к добродетелям тоже других. Как будто все эти требования приложимы только к членам бригад, а не к ним самим. А Шишкин, как и другие молодые наши бригады, — тот же Гречихин, соперник Шишкина в социалистическом соревновании, — прежде всего высокие нравственные требования примеривает к себе.

Они говорят: как можно прогулять или опоздать на работу? Это значит не уважать в себе рабочего человека, свое дело, своих товарищей не уважать. И сам Шишкин — пример точности.

Они говорят: брак — это или недостаток мастерства, или торопливость, или сознательная халтура. Прежде всего — качество. Все ребята в бригаде у Шишкина работают ровно. Если кто-то уходит вперед в мастерстве, к нему сразу подтягиваются остальные. Потому-то на каждой операции, которую выполняют сборщики, как бы стоит бригадный знак качества...

Я слушаю Вожагова, посматриваю на фотографию бригады и думаю: может, прав репортер, сняв ребят как будто на поверке? Поверке мастерства, качества работы, поверке, наконец, упорства, любви к делу и преданности ему. Где же все это проверяется лучше, как не на сборке, где труд слесарей-сборщиков венчает усилия многих сотен незнакомых, но все равно близких тебе людей — горняков, сталеваров, шоферов, прокатчиков, железнодорожников, токарей?.. Рабочих! И вот сейчас от твоих рук, от твоего мастерства зависит, будет ли сталь надежно и долго служить народу?! Только от тебя и твоих товарищей-сборщиков.

— Придумал? — быстро спросил Шишкин, дотрагиваясь до плеча Курбакова. Тот помаялся.

ЧЛЕНЫ БРИГАДЫ ОБСУЖДАЮТ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В ЧЕСТЬ XXV СЪЕЗДА КПСС.

Фото Виктора САККА

СМЕНА 3

— Есть кое-что. Так, ерунда...
 — Ну,— нетерпеливо сказал бригадир,— в чем штука-то?
 — Дай-ка листок бумаги,— попросил Курбаков.— Вот тут у нас планки, которые расплощивают стальное полотно. Верно?
 — И что?
 — Вместо них сверлим четыре отверстия...
 — Точно,— схватил Шишкин.— И четыре винта?
 — Четыре винта.
 — Годится. Я о том же думал. Пошли к Крынину. Согласно с ним изменение технологии...
 — Один сходи, сказал Курбаков, и лицо его опять стало невеселым.— Я уж тут... Вон работы сколько...
 — А успеем, Виктор, до конца смены? Семь дверей всего осталось...
 Тот пожал плечами.
 — Тебе, бригадир, виднее.
 И пошел к испытательному стенду, где работали Корелин и Савченко. У них там явно что-то не клеилось. Сергей носился от приборов к стенду и обратно, и лицо у него было злое, а Савченко стоял совсем растерянный.

— Дует?— спросил Курбаков у Корелина.
 — Ага. Сто раз проверил. И все равно сифонит...
 — Может, ротаметр барахлит? У Рябинина был же летом такой случай.
 — Уже звонил прибористу. Придет сейчас, проверит...
 ...Смена шла своим чередом, без ненужных разговоров, без суеты, и со стороны казалось, что нет в ней ничего особенного, но по тому, как часто подходил к ребятам старший мастер Крынин, как торопились крановщицы подогнать краны на участок Шишкина, было ясно: напряжение достигло высокой точки.
 — Горячо, Сергей?— крикнул бригадир, заметив, что Корелин нет-нет да и смахивает со лба пот тыльной стороной ладони.
 — Жар костей не ломит,— отшутился Корелин.— А спецовку высушит!

Темп работы сейчас был что надо! Двери обрастали деталями, а потом шли на стенды к Шишкину и Корелину. Движения у них были точные, экономные, быстрые. И Курбакова, Мерзлякова, Савченко охватывал тот веселый, легкий азарт, при котором только, пожалуй, по-настоящему спорится дело. «Рука у меня сама думает»,— пошутил как-то Шишкин. Может, это вовсе и не шутка, а четкая формулировка профессионала?

Как обычно, Шишкин и Корелин—бригадир и комсорг—старались работать на разных концах участка сборки. И в этом тоже был свой расчет. Они оба хорошо чувствовали рабочий ритм, знали, когда нужно немного сбросить напряжение, а когда можно и должно поднажать. И уж к этому ритму подстраивалась бригада, действуя в одном размеренном темпе. Иначе на сборке нельзя: забежишь вперед или отстанешь—других собьешь с дыхания.

...Они заканчивали испытывать герметичность предпоследней двери, когда пришли девушки-малыры и моментально покрыли сталь серебристой защитной пленкой. Потом кран начал переносить двери, принятые контролером, к такелажникам в конец цеха, и они медленно плыли под солнечной стеклянной крышей.

— Привет,— поздоровался Баранчиков.— Гляжу, наладили гармонь?
 Мерзляков, Крюков и Баранчиков пришли на участок прямо в пальто, видно, торопились узнать, как идут дела в первой смене.

— Наладили,— сказал Шишкин.— Последнюю дверь сейчас сдавать будем.

— Ну, дайте!— удивился Баранчиков.— Как успели?
 — Курбаков предложил вместо планок, которыми мы двери расплощиваем, винты...

— Мать честная... И верно! Сваркой прихватывать не надо. И точнее... Как это я не скумекал?!

Они подошли к стенду, где заканчивали последние приготовления к испытанию Курбаков и Савченко. Воздух, шипя, заполнял огромную прямоугольную стальную коробку. Утечки нигде не было. Стрелка ротаметра стояла на нуле, как приклеенная.

— О главном-то чуть не забыл,— сказал Баранчиков.— Сейчас Гречихина встретил. Хмурый. За прошлый месяц первое место опять наше. И, знаете, за счет чего мы выиграли? За счет рационализации. А так по остальным показателям идем рядом... Голова в голову.

— Выходит, однако, что наши головы чуть лучше работают,— сострил Корелин.

Ребята улыбнулись.
 Курбаков и Шишкин подцепили последнюю дверь к крану, пошли рядом. Виктор по привычке вертел в руках гаечный ключ.

— Ты Крынину сам скажешь или мне сказать?— спросил Курбаков неуверенно.

— Насчет чего?
 — Да о моем переходе в стропали. Не пойду я из бригады.

— А-а,— протянул Шишкин, будто только сейчас понял, о чем речь.— У меня с Крыниным и разговором-то еще не было. Ты же видел, какая зарплата—заказ АЭС.

— Ну, тогда ладно,— улыбнулся Курбаков.

Они стояли рядом с уже пустым испытательным стендом, смотрели, как последняя дверь из курского заказа плывет к стоящему у ворот цеха вагону, у которых хлопотали такелажники. На одном из вагонов кто-то уже крупно написал: «Наша строка—в Рапорт XXV съезду КПСС!»

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНЫ“
БАМ

КИЛОМЕТРЫ БЕЗ ПРИВАЛА

Георгий БАЖЕНОВ,
 участник VI Всесоюзного совещания
 молодых писателей,
 специальный корреспондент «Смены»

Рассказ о работе комсомольско-молодежной бригады Леонида КАЗАКОВА—монтажников искусственных сооружений БАМа.

Временами накатывало на Любашу жутковатое ощущение, что вот так идешь, идешь по этой бесконечной таежной дороге и вдруг из лесу, во-о-и из-за того кедрача, выйдет навстречу медведь, взревет устрашающе, поднимет кверху передние лапы и засучит ими по воздуху, как по барабану, мотая оскаленной мордой влево-вправо... А что, ведь показывали ей ребята огромные следы в мшистой придорожной хляби и долго внушали, посмеиваясь, что это вот, Любаша, это, мол, мишкины следы, а уж если кто встретится ему на пути, ну, тут держись... видишь, мол, рядом еще след, это лось на водопой шел, на Колпашный ручей, ну, медведь и не будь дураком—за лосем почалал. И хоть жутко Любаше думать о медведях, но легче, светлей становится на душе, как только вспоминаются ребята, слова их, лица, вечные шутки-прибаутки, без которых и жизнь для них уже не жизнь...

А над таежной дорогой, по которой все шагает, шагает Любаша к далекому, но такому родному теперь зимовью, над этой дорогой в синевато-разжиженном просторе неба с несущимися стремительно-наискос перистыми облаками встревоженно и знакомо кворхает птица бекас. Устав, Любаша сбрасывает с плеч тяжелый рюкзак, присаживается на его вздыбленную гористость и, улыбаясь, поглядывает в небо, туда, на птицу бекас. Странная, удивительная птица! О чем бы ни думал и что бы ни переживал, но песня бекаса завораживает, оглушает и поражает тебя. Наблюдая за падающим, а то взмывающим ввысь бекасом, с его странно открытым клювом, в котором встречный, рассекаемый воздух бурлит, булькает и грохочет, Любаша сейчас улыбается. И потому улыбается, что даже в этой песне бекаса есть нечто от чувства родства, которое она испытывает к ребятам: сразу встают перед глазами обеды и перекуры, когда бригада отдыхает и каждый, кто как может, один с усмешкой, а другой с презрением или оторопью, комментирует песни бекаса. И даже когда совсем недавно на 443-м пикете над бригадой нависла угроза внутренней размолвки—редкое для них дело!—ведь и тогда тоже над ними вместе с этой угрозой, как будто ее смысл и символ, кворхал враждебно-угрожающую песню бекас. И правда, не только в единстве, но и в размолвках есть своя, особенная прелесть чувства родства. Да и виноваты ли, в самом деле, ребята, что с раннего утра сидят около смонтированной гофрированной трубы и «травят за жизнь»: хороша, говорят, воблочка в Каспийском море, в море Азовском да и в Черном море тоже неплоха, а того лучше, когда, скажем, идешь по городу, по Одессе, вдоль знаменитой Дерибасовской, по которой, бывало, гулял Василий Шмаровоз, а навстречу—ша!—сам Коля Запорожец. Смешно... но и тоскливо—бывает такое на душе. Травить за жизнь можно, но жизнь за тебя травить не станет.

— Ладно, братва, давай все же кострить!
 — Смысл, Коля? Какой смысл? Ты нам смысл объясни, Коля!

«Дед»—Володя Кучма смотрит на Колю Запорожца своими глубоко-зелеными, вопрошающе-насмешливыми глазами, и весь вид этого здорового, мощного, неистово обросшего парня, внешне похожего на добра молодца лешего, а внутренне познавшего муки Фауста и одновременно безверие Мефистофеля, вид этого человека вызывает к сомнению: Коля, к чему делать-то, не знаю что, или идти туда, не знаю куда?

— Ну ладно, нет бульдозера, но есть лопаты—раз! Нет бурмашины, зато есть лом—два! Не приехали взрывники—и ну их к черту; чего мы, сами не можем кострить? Ведь хоть на полметра, а оттаит грунт?! Три! Все лучше, чем сидеть, ну скажите, нет, что ли?!—Разгоряченный,

Коля запальчиво оглядывает бригаду и как-то не сразу верит, что на этот раз никто не поддерживает его. И хотя востину похож сейчас Коля на самого Чингачука—загорелый, сильный, жилистый, с лоснящимися от пота телом, с венком из таежных лимонно-желтых жарков на голове, который сплели ему две подруги—Любаша Канарева и Люба Кафанова (или Джанка, как звали ее еще в школе),—так вот, хотя и так, хотя и Чингачук был перед ними, а бригада не поддерживает его. Настаивать же Запорожец не мог: внутренне он еще не был готов к тому, чтобы, заменяя бригадира Казакова в дни его вызовов в Звездный, чувствовать полную правоту своих распоряжений.

А над бригадой, то падая, то растворяясь в облаках, неистовствует в своей песне бекас. Его бы крылья да взмыть в высоту—на многие бы километры распахнулась тайга, самые нежные, сочные краски которой—это лиственница вперемежку с кедром, а то вдруг эти краски, как в колодезную чистую глубину, ныряют в распадки и

светятся оттуда уже голубоватой дымкой, над которой, если это утро, в малиновой подсветке плавают солнце, а если день, в свинцово-матовой пелене растворяются его золотистые лучи; кто видел тайгу с высоты, особенно поутру, тот знает эти яркие золотые, малиновые и голубые тона воздуха и солнца, а вместе с ними как будто новорожденную, умытую зелень самой тайги. Но бывает и так, что тайга черна и сурова, и не только в сумерки или ночной порой, а и днем, и утром, даже и при игре солнца.—это там, где прошел верхом лесной пожар: уныло, голо и обреченно смотрит тайга безлистными верхушками в небо, как будто жалуюсь или взывая к небесной справедливости. И как жалко и больно тогда смотреть на такую тайгу!

И все же... все же! Тайга—это тайга, не случайно так ярко притягивает она к себе людей, как бы прося воздать должное за ее красоту и суровость и как бы взывая человека к сотворчеству. И эти ребята, которые сидят внизу у котлована, каждый по-своему приехали сюда творить жизнь и одновременно творить самих себя. Далеко отсюда, в сорока с лишним километрах от их зимовья, есть как бы точка отсчета—станция Лена, или город Усть-Кут, откуда через девственность тайги протянулась уже первая нитка просеки к поселку бамовцев—Звездному, а отсюда еще дальше—к Магистральному, и еще дальше—на Улькан. Этот изначальный, западный участок бамовской жизни, как грудной ребенок, ждет своего вскормления: просеку нужно очистить от леса, напитать ее техникой, материалами, смонтировать трубы для стока грунтовых вод, соорудить мосты через реки, а затем уж вести отсыпку полотна и укладку рельсов.

—...Ты пойми, Коля, ну вчера мы здесь вместо бурмашины пластались, ломом шурфы долбили... так? Тросовой бульдозер мерзлоту взять не может, тогда давай нам гидравлический! А нам что? Нам шив. Ладно, нам много не надо, нам что попроще... Вызвали взрывников, а пока шурфы долбили ломами. Выдолбили. Сегодня что? Сегодня с утра трелевочника нет, взрывчатку к котловану везти не на чем. Мы эту, значит, взрывчатку, по сорок шесть кгз в мешочке,—на плечи и сюда потопали, три кмз. А какое ощущение жизни, Коля? А ощущение жизни, Коля, о-ч-ень интересное. Так? Шурфы готовы, взрывчатка есть, а где взрывники? Их нет, Коля. Ладно, мы себя не ценим, мы что вчера сделали—сегодня в гроб загоним: шурфы завалим—начнем копать, глядишь, сантиметров тридцать мерзлоты оттаяло. А дальше, Коля? Дальше все на том же месте. И еще дальше, Коля, начальство вывод делает: бригада Леша Казакова ломовая лошадь не нужна, они сами вместо нее. Зачем им техника, когда у них широкие спины и крепкие руки?

И что всего обидней Коле Запорожцу, говорит эти слова не кто-нибудь, а лучший друг Леша Камаев, он развалился на гофрированной пластине, как в гамаке, и слегка раскачивается в своих весело-пиконских красных штанах с бахромой, а на теле у Леша ничего такого, кроме доподлинной телесной наружности да медальона с «Незнакомкой» на желтой, под золото, цепочке. Леша—это Леша. Если война, будь спокоен, так же, как Леша,—гвардия для атаки. Нужна лишь ясная, разумная цель, а сила и мужество—в них самих, в печенках, в существе человека. И если усомнился сам Леша Камаев—значит, бригада права. И все-таки, думает Коля, и все-таки при любых условиях действовать—таков девиз мужчины.

— Ну, вы как хотите, а я свое сказал, — так сказал Коля, а больше ему ничего говорить не хотелось, и он замолчал.

Невозмутимо покачивался в своем «гамаке» бывший моряк с Балтики, матрос с борта ледокола «Крузенштерн», человек знаменитой наружности, а также владелец голубых глаз и кудрявых волос Алексей Камаев. И он сказал так:

— Можно, конечно, и ледокол кормой на курс поставить, а черепашку повернуть вперед лапами на панцирь, но что нам будет, Коля? Нам будет, как говорят в Одессе, что мы останемся на месте, Коля...

...И наконец знаковый поворот: с зимника, как в омут, ныряет в тайгу расхристанная, в ямах и колдобинах дорога, родная дорога уже совсем к близкому зимовью. Зимовье... Никогда прежде не думала Любаша, что таежная, в два маленьких оконца избушка, срубленная грубо и лихо охотниками-промысловниками, станет для нее радостью и болью, надеждой и едва ли не смыслом жизни. Все лучшее, что удалось Любаше познать и пережить в ее пока совсем молодой жизни, связано теперь с тайгой, с зимовьем, с ребятами и подругами из бригады. Ну что, казалось бы, за радость жить в этой темной, низкой избушке с нарами из обыкновенных лесин вдоль стены, с печкой-временкой, с длинным шатким столом, с осколком зеркала на картонной перегородке... а она, эта радость, есть, она ощущается всем существом, стучит в висках. Ведь главное—это сами ребята, ставшие такими родными друг для друга.

Уже совсем почти у зимовья Любаша едва не провалилась по колону в болото, но, сбалансировав руками, шагнула подальше, на твердь. Теперь действительно все—дошла! Распахнув дверь, Любаша влетела в зимовье и... растерялась—ребята удивленно смотрели на нее. Чего не ожидали, того не ожидали—что Любаша так быстро вернется из отпуска. Да еще пешком столько протопает одна! Она смотрела на них, они—на нее; первой опомнилась Джанка, бросилась к Любаше, обнялась, расцеловалась, Любаша скинула рюкзак, набитый подарками и гостинцами, и все прижималась, прижималась к Джанке, безмерно соскучившись по ней...

— Ой, ребята, — все повторила она, — я так соскучилась, ну жизни никакой нет—так тянет в тайгу, в зимовье... никогда раньше не думала, что будет со мной такое...

утра—всей бригадой на лежневку. Разделились на две группы: одни—раскряжевывать и чокеровать лес, другие—укладывать лежневку... Рахимовская «Дружба» вязко врезается в сосняк, летят по сторонам брызги опилок, Рахим поддает газа, «Дружба» ревет, смотришь—одна сосна готова, раскряжевана. А там еще, еще и еще... Попробуй скажи Рахиму: «Дай я!»—помогает только головой: нет, мол, нет... Тут же, с ходу, под бревно подкладывают пару лесин и, если идет, ногами спихивают его вниз, а если нет, то сам ли Казаков, или, может, Вова Кошелев, или Андрей Доскач, как выйдет, под бревнышко вагу, и—раз-два, гоп-па!—покатилось бревнышко под горку... Тут Леша Камаев и Коля Запорожец на подхвате, подвернули чуть, подправили—глядя, раскряженное и уложенное, подкладывает бревнышко со своей высоты. Ревет «Дружба», одно за другим, как игрушка, набегает бревно на бревно, смотришь—уже нормальная горка, и как раз оттуда, от лежневки, выворачивает на трелевочнике «батя»—Серафим Баранов, ас трелевочного дела, подгонит трактор, только хруст да стон да ветки по сторонам летят, Вова Кошелев похватывает трос, а там—о-оп-па!—протасили трос под бревнами, перекинули поверху, чокер в петлю, закрепили узел, а «батя» уже газ дает, вздрогнул трос, зашелестел зместо по лесине, натянулся, как струна, «батя»—рычагом вперед, загудел трос, затянутой своей петлей похватил, как пушинку, гору раскряжеванного леса и взгромоздил на серебряную от стертости, широченную лопать-лопату.

— Пошел!—махнет рукой Казаков. Взревел трелевочник, повернул носом влево-вправо, испробовал свою силу, дернул с места и—пошел-пошел новую порцию к лежневке. А Рахим Умаров, как бы не замечая, поспевают за ним ребята или нет, снова и снова врезается режущей пилой в древесину, летят опилки, и кажется иной раз Рахиму, будто он сейчас на просеке работает, на лесоповале, как в прошлом году, что вот врезалась пила в комелек, врезалась, урчит и грозит, а комелек крепок и зол, не хочет сдаваться, но куда там, задрожала сосна, или лиственница, или кедрка, вздрогнула предсмертной судорогой и, раскручиваясь, разбрызгивая по сторонам сучки, ахнула в пропасть... да с такой силой грохнулась о землю, что подбросило ее высоко вверх, а уж только потом уложило наземь, теперь окончательно, намертво. Что более всего ценит Рахим в жизни,—это сладость работы. Работа поднимает человека, делает жизнь—по ощущению—произительно ценной, нужной, а главное—она делает человека человеком. У себя ли, в Орджоникидзе, откуда они приехали вместе с Вовой Кошелевым, в прошлом году ли на лесосплаве, где они тоже вместе работали, или здесь, в бригаде монтажников искусственных сооружений, он твердо верил и верит, что человек—это несколько важнейших принципов: честность, твердость, долг, доброта. Нет в бригаде более доброго и мягкого человека, чем Рахим, но нет в ней и более твердого, «железного» человека, чем он. Рахима, как Рахметова, можно, наверно, уложить спать на гвоздях, но, как и от Рахметова, от него не услышишь жалобы: воля и убеждения делают человека несгибаемым. Рахим знает, что такое жизнь, потому что знает, что такое дыхание опасности и смерти. Турист и альпинист, он не раз рисковал жизнью, взбирался на знаменитую в Осетии гору Голова Ветров. И даже приходилось спасать там людей...

В армии Рахима упорно называли: Леха. Почему Леха? Леха и Леха, и весь тут сказ. Надежный он был человек, свой, потому и Леха.

Родная сестра с детства звала его: Вадим. Рахим ей говорит: слушай, ну какой я тебе Вадим, я же Рахимджан, называй меня Рахим. А она свое: Вадим да Вадим; лермонтовский Вадим запал ей в душу. А то еще и совсем смешно его называла, ласково: Владик...

Имя у него—Рахимджан-Леха-Вадим Умаров. ...Трелевочник, вырвавшись из тайги на просеку, поднимая под себя валежник, коряги и вывороченные с корнем пни, круто разворачивается и несется к лежневке. Без лежневки на просеке нет жизни: дороги расхлябанные и разбитые, вечная мерзлота плачет грязью и слякотью, а зимник, чтобы питать строительство техникой и материалами, должен соединиться с просекой хотя бы чуть сносною дорогой; такая дорога, мощенная в несколько слоев бревен, и есть лежневка.

«Батя», лихо, под сто восемьдесят крутанув трелевочник, сбрасывает газ, и, расчокарованные, бревна по одному, да по два, да по три скатываются в хлябь и жижу, исчезая там, как в прореве. Тут уж забота Васи Шулики с Колей Румянцевым, двух друзей и страстных рыболовов,—подправлять и подгонять бревна плотно, в точку и к месту. А уж где особенная сила нужна, поднавалются Слава Лемехович с «дедом», Володей Кучмой. Работа не из веселых, вторичная по духу, но без нее никуда не денешься. Праздник монтажа труба—а для них это действительно праздник, потому что тут настоящая, а главное, именно их, монтажников, работа,—такой праздник нужно заранее подготовить.

А и были же праздники на их улице! Руки отваливаются, а рот до ушей... бери их тепленькими, ничего не скажут—сил нет рот закрыть. Ну хоть ту трубу взять, на 409-м пикете... что и говорить, хороша получилась труба, первая их настоящая труба. Лежит себе сейчас спокойненько, на солнышке греется, ждет-ждется, когда плотно отсыплют будут и рельсы по нему проложат—побежит поезд, застучит колесами, а труба откликнется, отзовется весело: слышу, слышу, слы-ы-ышу... Это только представлять—и то сердце екает.

А начинали с того, что котлован под фундамент рыли почти вручную. Обыкновенной штыковой лопатой. Но рыть не самое трудное. Вот когда сам фундамент укладывали, тут нужна была тонкость и точность—до сантиметров; труба пойдет под уклон, чуть что не так—не состыкуются блоки—сапоги, не побегут воды по желобу, а будут уходить в грунт. Распльется грунт—распльется насыль, а там и до крушения поезда недалеко. Ответственность за дорогу, за жизнь людей незримо,

насквозь пронзает тебя. Почувствуешь ее—будешь работать как дьявол. А ведь из профессионалов у них один Леша Казаков, бригадир. Остальные—новички.

Лешу они слушались как бога. Сядет Леша за карту, подопрет голову руками, ноги в сапожках расставит по сторонам—сидит, думает. Поднимет глаза—никого не видит, прикидывает, примеряет. Ошибаться нельзя. Подойдет к нивелиру, чуть вправо, чуть вверх покажет—так... кажется, хорошо. Снова сядет за схему. На карте—там все четко, чисто вычерчено и нарисовано, как должна лежать труба, и угол наклона, и толщина подушки с фундаментом, и форма «сапога», и общая глубина насыпи... а земля, она есть земля, капризная, с фокусами, да и вечная мерзлота еще постоянно хлябь и сырость дает, так и ждешь, что фундамент «вызывает». Ну, а уж как махнешь рукой по уверениям, тут ребята зашевелятся—только успевай...

Наверху, у бетономешалки, мечется, как бич перед боцманом фартового траулера, симпатичный такой молодой человек с широкой улыбкой, балагур и весельчак Коля Кузьмич. Однажды Коля так уработался, что, поднимая блок, хотел что-то сказать, а получилось: «Ке...»—хотел Коля поправить, а получилось снова: «Ке...» Так и пошло за Колей: Ке-Ке да Ке-Ке, и нет больше в бригаде Николая Кузьмича, а есть широкой душой человек, шутилка и повеса Коля Ке-Ке. Что делает Коля со своей бетономешалкой, не сделали бы даже три черта, будь они хоть в страшнейшем заговоре. Коля Ке-Ке—это молния без грома, огонь без дыма, взрыв без пороха; ничего такого, что бывает перед или после, с Колей не случается: он все делает сразу, без подготовки, но и без последствий. «Обжалованию не подлежит!»—это работа, которую сработал Коля Ке-Ке. Крутится в бетономешалке барaban, летят вода, сыплется цемент, подбрасывается песок, добавляется гравий, выливается готовый раствор или бетон, это уж когда что нужно, подуют пустые ведра или отдаются ведра раствора—все это Коля Ке-Ке делает один, как маг и волшебник, один, никого не подпуская к своим «волшебным зеркалам». От Коли Ке-Ке даже сам Слава Лемехович, человек иррациональный и серьезного нрава, работающий рядом, у крана, на стропильных блоках, улыбается, как дитя.

А внизу, на дне котлована, на ходу перехватывая стропы, раскручивая и поворачивая еще в воздухе плиты, как это нужно для укладки, орудуя Леша Камаев и «дед», Володя Кучма, два бывших моряка, один—характера веселого и легкого, другой—сын фаустовских сомнений. Но в работе оба, как говорится, «если мы не моряки, то и океан не море». Бывает, даже страшной их силы не хватает, чтобы загнать плиту в нужную точку (коротковата стрела крана), поднавалются Андрей Доскач с Колей Запорожцем или с Рахимом—веселый пошел, помайнают скоренько крановщику, тот чуть отпустит трос, еще поднажат на блок, еще помайнают, Коля Румянцев с Васей Шуликой в последний раз пригладят раствор лопаткой, пройдут по нему острым краешком, а там—хлоп плита на свое законное место, лежи, миленькая, мы тебя долго ждали, сейчас приласкаем, тебе понравится, в бочках подберем у тебя раствора, лопаткой понежим тебя по загривку—ох-ха-ха,—веселая работа, братцы, когда пошутить,—по оголовку твоему посту-чим—может, ты с брачком, пустыбочка—ах-ха-ха! «Эй, там, на вахте, давай вирай, давай, Славоха, подхватывай стропы, давай, Коля, давай, Ке-Ке, гони раствор, раствор, брат, нужен!»

Пятилетка, молодежь, писатель...

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. Фото ЛЬВА ШЕРСТЕННИКОВА.

ПРАЗДНИК В НАШЕМ ГОРОДЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖНОЙ СТРОЙКИ

С чего начать? Наверное, по традиции, со знаменитой цитаты:

А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

В числе многочисленных заслуг Твардовского перед родной словесностью есть и такая: он надежно закрепил в русском разговорном это иноязычное слово—яркое, ладное, веселое и не совсем понятное, что сделало его особенно многозначным. Какие только мероприятия не называют сегодня сабантуем наши скорые на язык современники!

Но вот я еду из поселка КамГЭС через Старые Челны, вот асфальт уходит влево, вот он вообще кончается, сменяясь свежей, пробитой в траве грунтовкой, а навстречу от Камы, от широких и длинных лугов поднимается рейсовый автобус, на лбу у которого типовая табличка с неожиданным маршрутом: «Нов. город—Сабантуй».

Вчера этого рейса не было.

Завтра его тоже не будет.

Но сабантуй празднуется на КамАЗе с камазовским размахом. Ради одного дня не только раскидали по лугам ларьки, буфеты, шашлычные и чебуречные, не только ввели специальный автобусный маршрут, но установили на грунтовке дорожные знаки: вправо—«кирпич», прямо—«кирпич», влево—«кирпич». Наш «газик» остановился, как витязь на распутье. С той разницей, что выбора нет никакого: кругом запрет. Но я корреспондент, при мне бумага с печатью, а инспектор ГАИ—он тоже человек. И вот мы едем вправо.

Кама здесь шириной около километра. Тот берег высок и лесист, а этот низкий—луга, луга... Сегодня эти огромные пространства, медленно поднимающиеся от воды, во всю свою ширину заполнены народом. Вдоль Камы—словно огромная автобаза: сотни автобусов, бортовых, легковых, стоят рядами. Даже один бульдозер приполз сюда, выделяется желтой своей тушей.

Разве что на площади перед Лужниками увидишь одновременно столько машин, да и то вряд ли.

А что делать? Сабантуй не кино, не спектакль, не вечер танцев. Один раз в году! Пропустил—упустил. Ни в какой другой день город не выглядит таким опустевшим.

Сколько тут народу? Одни говорят—тысяч сорок, другие—сто. Кто сосчитает? Да и как сосчитать?

Сабантуй у татар—праздник плуга. КамАЗ не пахнет и не светит—у него другая работа. Но молодежный, спортивный характер сабантуя вполне годится для КамАЗа.

Вот мы стоим посреди праздника, вертим головами, тянем шею. Первая мысль—не упустить бы чего. Вторая—скромнее: увидеть бы хоть что-нибудь. Народу уйма, а сабантуй хаотичен, как любой настоящий

праздник, он живой организм и уже зажил собственной жизнью.

Говорят, где-то парни лупят друг друга мешками с сеном—кто кого сшибет с бревна.

Говорят, вот-вот начнутся скачки. То ли просто на приз, то ли ребята за девушками: догонишь—целуй, не догонишь—дурак: надо скакать быстрее.

Говорят, уже начались состязания по борьбе, победитель которых получит главный приз сабантуя—живого барана.

Бегать от толпы к толпе—занятие бессмысленное: пока будешь суетиться, праздник пройдет, не оставив в памяти ничего, кроме собственной мельтешни. Лучше стой, где стоишь, гляди на то, что перед тобой. Ведь никто не знает заранее, что окажется самым интересным. Никто не знает, кому повезет.

Мне повезло.

Я стоял в стороне от небольшого временного то ли стадиона, то ли ипподрома, густо облепленного толпой. Собственно, только толпа и была видна как следует, остальное больше угадывалось. Время от времени в просветах между затылками мелькали красные куртки наездников или вдруг мальчишка лет двенадцати, кравшийся, расставив руки, по бревнышку, длинному, тонкому и шаткому, как колодезный журавль. Потом паренек, не удержавшись, спрыгивал, и весь аттракцион исчезал, ибо бревна видно почти не было, оно лишь предполагалось где-то на метр ниже балансирующих мальчишеских рук.

Зато неподалеку торчал из земли здоровенный шест, собственно, даже не шест, а столб, круглый и гладкий, утончающийся кверху, похожий на чудовищный, двадцатиметровый бильярдный кий. Уж он-то был отчетливо виден не только мне, но и всему сабантую.

Я многократно читал про этот старый ярмарочный аттракцион—намыленный столб с призом на вершучке. Читал многократно, а видел впервые.

Развлечение это, правда, скорее русское. Но культура и быт двух наций так долго развивались бок о бок, переплетаясь и смешиваясь, что лазание по шесту на сабантуе удивляет не больше, чем, например, исконно татарские беляши на семейном празднике в Москве или Смоленске.

Обобщать всегда страшно. Но, пожалуй, никогда прежде не присутствовал я при спортивном соревновании, так точно и ехидно моделирующем жизнь.

Подножие шеста тоже окружала плотная толпа. И я не знаю, как входили в этот круг претенденты на призы, кто командовал очередью, где скидывали парни лишнюю одежду. Просто я увидел, как над головами внезапно вознеслось мускулистое тело в темных плавах и довольно быстро двинулось вверх по шесту.

Видимо, техника этого своеобразного состязания отработывалась десятилетиями: и этот парень и все последующие лезли примерно одинаково, не хватаясь за намыленное дерево пальцами, а прижи-

маясь к столбу всем телом, как при любовном объятии.

Без видимых затруднений парень добрался до середины шеста, затем одолел еще метра два. Здесь он остановился, помедлил секунд тридцать.

—Отдыхает,—сказал лысоватый мужичок, стоявший рядом.—Спекся.

Парень поднялся еще на вершок и... на вершок сполз. Тогда он досадливо качнул головой и заскользил вниз. Толпа разочарованно вздохнула: парень лез первым, а от первого всегда чего-нибудь ждут.

Потом повторилось почти то же самое, только следующий поднялся, пожалуй, на ладонь выше.

—Верхушку-то мылят от души,—пояснил сосед.—Призы—они деньги стоят, на всех не напасешься.

После лез третий, четвертый, восьмой... Их коллективные усилия кое к чему привели: еще метр шеста оказался освоенным.

—Мыло на себя собирают,—прокомментировал опытный сосед.—Последним-то легче будет. А проstack—он всегда вперед целится...

Парни по-разному расставались с надеждой. Кто сразу сползал вниз.

Кто сидел на шесте с минуту, что морально было невыгодно: он как бы обещал толпе нечто, и его поражение разочаровывало острее.

Один, прежде чем двинуться вниз, по-мальчишески темпераментно погрозил призу кулаком. Но этот залихватский жест никого не обманул. Из толпы крикнули:

—Ползи быстрее! Слабак...

Вообще игра как будто затягивалась. Парни появлялись из толпы и сползали в толпу, они боролись как бы от нашего имени, но ничего не светило, а борьба без надежды на успех, увы, быстро надоедает.

—Шест перемылен,—сказал лысоватый знаток,—до вечера проколуваются.—И это объяснение было молча принято стоящими рядом. Не обидно терпеть поражение, когда известно, что победить все равно нельзя.

Я отвлекся, красочное шевеление толпы невольно притягивало.

Чуть поодаль довольно большая компания плясала под гармошку, а плотная женщина лет сорока при этом еще и пела пронзительно высоким голосом... В городе «сухой закон», водкой не торгуют, лишь натуральное вино изредка появляется в магазинах. Мне такой порядок симпатичен: вино и должно быть случаем, праздником, радостью. Но и в «сухом законе» есть щелочки, через которые кое-что просачивается. Видимо, компания при гармошке к такой щелочке приложилась.

Вот остановился неподалеку автобус; привез на праздник актеров «Таганки». Город говорит о театре, ведь театр—мир прекрасного, мир возвышенного. И все же дневные спектакли пришлось отменить, а на вечерних попадают свободные места. Пусть немно-

го, не больше десятка, но актеры малость растеряны. Ведь у «Таганки» свое понятие о полном зале: аншлаг—это не когда заняты все кресла, а когда на перилах балкона безбилетнику некуда примостить локоть. А тут... Юрий Петрович Любимов задумчиво разводит руками:

— Может, для Челнов был нужен другой театр, более традиционный?

Нет, ждали этот и на этот рвались. Что поделывать, специфика города, специфика стройки! На дневные спектакли ходить практически некому: даже те, кому заступать в вечер, не поспеют к началу смены, к четверем. А пенсионеров в городе почти нет, жен-домохозяек тоже почти нет.

Вечерние спектакли—дело другое. Но и тут, увы, специфика. От Дворца культуры до Нового города, где основной жилой массив, около восемнадцати километров. Автобусы кончают ходить рано. Сложности...

Но я слышал, как дней за десять до начала гастролей две отделочницы, уже уволившись со стройки, говорили:

— Вот посмотрим «Таганку»—и на БАМ!

Между прочим, за вычетом расходов на железнодорожные и театральные билеты денег у девчонок оставалось по червонцу на нос...

А на шесте очередной парень. Такой, как и прежде,—худощавый, мускулистый, в темных плавках. Довольно быстро долез до привычного предела и тоже остановился...

Вот подошел к Любимову Алексею Болдыреву, начальник Metallургстроя, один из капитанов стройки, человек яркий, неповторимый—хотя кто из людей повторим? О нем писали и еще будут писать по той простой причине, что писать о Болдыреве—одно удовольствие. В свои сорок лет он руководитель высшего современного класса. Да еще спокойный, остроумный человек, да еще футболист, автолюбитель—призы брал на ралли. Да еще любит современную литературу, а собирает древнюю, но не занудно, не педантично, не жадно, а с философской беззаботностью строителя, привыкшего раз в шесть-семь лет полностью ломать свой личный быт и полностью возрождать его на новом месте. Еще собирает иконы, но опять-таки как любитель, а не как фанатик: хочешь—смотри, хочешь—бери в подарок. Не пойму, когда он столько успевает? Часы у него, что ли, идут медленнее? Ведь чтобы так работать и жить, нужно ложиться в шесть утра, а вставать в четыре...

Вчера у Болдырева был тяжелейший день. И завтра будет тяжелейший. Зато сегодня—сабантуй, и начальник Metallургстроя гуляет с женой по праздничному лугу, говорит о театре, рассеянно смотрит по сторонам—просто человек в толпе...

А тот, последний парень все еще мучается на столбе. Еще на метр поднялся, собрал на себя мыло. Молодец, следующим будет легче. Но, видно, силы на исходе, уже минут пять сидит неподвижно, словно улитка, присосался к скользкому дереву...

Компания при гармошке вволю разошлась, живет своей жизнью, радуется. Изредка кто бросит взгляд вверх—и опять к своему праздничному делу. И чего мало понесло на шест, когда тут, внизу, есть все, что нужно человеку: и общество, и музыка, и солнышко, и река, и пиво в ларьке торгуют...

А парень опять пришел в движение. Лезет—сползает. Лезет—сползает, вытирает скользкие руки о скользкие плавки. Что толку—езде мыло!

Но он изыскал внутренние резервы: вытирает ладони о собственные плечи. И опять тянется вверх. Очень медленно—незаметно даже, что ползет, видно только, как напрягаются мышцы.

Из толпы что-то кричат. Советуют? Комментируют? Слова теряются в общем гуле сабантуя...

Алексей Болдырев смотрит на парня сочувственно: сложно, очень сложно тому, кто на шесте. Каждый его жест просматривается. Что ни сделай—все для кого-нибудь не так. И лезешь не так и сползаешь не так... Говорят, дураку полработы не показывай. Но как не покажешь, если ты весь на виду? Если любое твоё движение тут же обсуждают сорок—или сто?—тысяч человек. Как ни считай, а пять-шесть дураков среди них наверняка найдется...

А малый все страдает, все терпит. Уже минут двадцать терпит. Глянешь на него—у самого начинают болеть руки-ноги. Мышцы сводит из невольной солидарности. Есть же дно у человеческой выдержки!

До приза еще метра три, а конец шеста—в нетронут, первозданном мыле. Уж слезал бы, что ли! Уважение наше он давно заслужил. А приз—черт с ним, с призом. Все равно ж не дотянется, чего же мучиться зря...

Нет, приклеился к столбу, сидит, ждет... А чего, спрашивается? Что силы восстанавливаются? Это при таком-то напряжении, в такой позе?!

Режиссер Любимов тоже задрал голову, тоже смотрит. Вот парень шевельнулся, вот еще—и опять сполз! На месте топчется.

Снизу кричат:

— Давай!

Нельзя топтаться на месте, надо двигаться. А что

место это на такой высоте, откуда вниз глянуть страшно,—твое личное дело. Что руки дрожат от усталости, что у сил человеческих есть предел—твое личное дело. Лезь вверх, парень, раз уж начал, лезь вверх—другого выхода у тебя уже нет. Ты слишком долго притягивал к себе общее внимание, и, если сорвешься, солоно тебе будет...

А он вытирает ладони уже о волосы. Весь намыленный, лезет по намыленному столбу.

До чего же все-таки суровый спорт! Более сурового, пожалуй, в жизни не видел.

У футболиста или хоккеиста друзья по команде—и поддержат, и помогут, и подменят. У этого, на шесте, нет товарища—сам себе и поддержка, и подмога, и подмена.

У боксера—противник. Также неплохо, все же не один на ринге. Есть кому разозлить. Есть кого ударить. Ты страдаешь, но ведь и он страдает!.. А столб не ударит и страдать не заставишь. Так что терпи один. Столбу что, столб деревянный.

У легкоатлета—и у того кое-что есть: секунды, сантиметры. Ну, не рекордсмен, не прыгнул в высоту на два тридцати. Но уж метр девяносто—твой. Разряд, перспективы. Кто такой? Легкоатлет, прыгаю на метр девяносто... А у этого малого никаких промежуточных результатов—зарубку на столбе не сделаешь. Скользи сейчас парень вниз, и весь его труд, муки, выдумка, терпение не стоят ничего. Враз забудутся, как только более ловкий—или более удачливый!—доберется до приза. Тут «почти» не считается—или добился, или нет. Кто такой? Лез на столб, но не сумел?..

А праздник, пожалуй, уже достиг зенита. Еще немного—и перевалит на вторую половину, на благодущие, на усталость, на вечер. Хотя солнце еще—вовсю, и конца не видно этому длинному теплему дню. И народу не убавляется—как бы еще и не прибыло малость...

До чего все-таки люден сабантуй! Ни на одно собрание столько народу вместе не сойдется, даже на митинг. Да и площади такой в городе нет. Если разобраться—весь КамАЗ, все Челны сейчас здесь, на сабантуе. Стройка века со всей своей славой, со всеми противоречиями тут, на лугах.

Праздничному дню и мысли бы только праздничные. Но мозг не выключишь. И думаю не без горечи, что через год, на следующем сабантуе, публика будет на треть мня. Каждый третий уедет—так предсказывает статистика. Вон трое прикуривают от одной спички—какой-то из них уедет. Человек десять томатся в очереди за пивом—через год из них останутся шесть или семь. Ни рублем их не остановишь, ни руганью, ни почетной грамотой...

А может, не уедут? Может, удержатся? Может, за год, до следующего лета, найдут в Челнах свою личную человеческую радость и станут им хорошо? Тогда останутся. Кто бросит место, где ему хорошо?..

Смотрю, довольно легко проталкиваются сквозь толпу два парня. Плечистые ребята. Идут неторопливо и в лад, привыкли, видно, ходить рядом. Оба в спецовках, прилично ношенных, чуть иного, не здешнего покроя. У каждого в сильных пальцах сигарета. Курят неспешно, задумчиво—уходят к небу два медленных красивых дымка. И сигареты для них не столько источник никотина, сколько деталь внешнего оформления.

Прошли парни... А спины у них, как учебник географии: Мирный, Нурек, Саяны. А внизу, свежими белилами: «Наб. Челны». Красиво смотрится! И ни к чему тебе трудовая книжка, и ни к чему хвастаться, придумывать девчонкам байки про бурную жизнь—молчи, кури да время от времени поворачивайся спиной... Лихие ребята!

А впрочем, стоит ли ими так-то уж любоваться? Кто они, если вдуматься? Кочевники по молодежным стройкам. Это тоже тип, и притом весьма сложный. У таких ребят, как правило, пути схожие: отравились искать свой Зурбаган, не нашли его на одной стройке, не нашли на другой—и давай собирать на спину географию страны. Хотелось романтики для себя, получилась романтика для отчета: смотрите, дескать, сколько повидал! А там недалеко и до разочарований, до похмельной тоски, до сдачи на милость некогда презираемому рублю.

Жаль, не вошла еще в моду привычка писать на спинах не только города, но и даты. Смотрите, как, например, здорово могло бы выйти: «Набережные Челны, 1969—1976»... А простое количество мест, пожалуй, и не должно восхищать... Тут больше—не лучше.

Ладно, будем надеяться, что здесь, в Челнах, парням наконец повезет—приживутся. И поймут, что Зурбаган нельзя найти—можно только построить...

А вон, в сторонке, окровавленные, так сказать, «чистые» новички, совсем еще зеленые мальчики и девочки. Пять человек. Сидят на траве, подстелив новехонькие спецовки. Одна лежит вверх лицевой стороной, так что видна робкая надпись: «Калуга». Вот, мол, откуда мы приехали. Это пока все, что могут

сказать о себе. Впрочем, держатся раскованно, смеются, у толстенькой девочки на коленях гитара, другая бутерброды делит на всю компанию... Ребята как ребята, не хуже других.

Хорошо, что у них компания. Недооцениваем мы этой формы общения, еще и бороться пытаемся сгоряча. А ведь человек без компании одинок, значит, недоволен, значит, неустойчив, рвется уехать. Куда? Туда, где, по слухам, народ веселый да интересный, где легче складываются компании. Скажем, в геологоразведку. Ведь палатка в лесу, одна на всех,—это уже компания, уже весело и интересно.

Кстати, не потому ли, в частности, мы любим и ценим старые, сложившиеся города, что они насквозь пронизаны прочными и длительными человеческими отношениями? Эти связи укрепляют общество, как корни деревьев склон оврага. Вот и не «осыпаются» старые города...

А новички вроде о чем-то заспорили. Долетел хвостик фразы:

— ...До первого автомобиля!

Формула эта в Челнах слышится часто. Спросишь человека:

— Надолго здесь?

Ответит, не задумавшись:

— До первого автомобиля!

И лозунги на стенах домов, на боковинах мостов—все больше про первый автомобиль.

Такую цель провозглашает стройка. Такой рубеж намечают себе многие из молодых строителей, а то и целые бригады. Что, надо сказать, вызывает у меня порядочное беспокойство.

Ну, съедет с конвейера первый автомобиль. А потом? Толпами на пристань?

Но разве люди со всей страны собрались здесь, на Каме, только ради первого автомобиля?

Одна ласточка* не делает весны. Первая плавка—еще не комбинат. Первая нитка конвейера—еще не завод. Это лишь промежуточный финиш.

Но, увы, слишком часто именно первая ласточка заслоняет нам небо. Пошла пробная продукция—ухнем в барабаны и тераем к стройке интерес. Журналисты ищут объект для новой кампании.

Хуже всего, что интерес к стройке теряют и многие молодые строители. Они ведь тоже психологически нацелены на первое изделие, их душевные силы рассчитаны как раз до этого рубежа...

Может, стоит брать задачу посложнее? Такую, например: создать самый совершенный завод и самый лучший город в стране? Ведь на создание города, в котором человеку жилось бы хорошо во всех отношениях, не жаль потратить не только два-три года, но и два-три десятка лет...

Да, кого только не встретишь на сабантуе! Вот, пожалуйста, мелькнула в толпе знакомая физиономия. Неужели Беркутов—энергичный гражданин, ухитрившийся досрочно сдать детский садик и тут же загнать его в долгий дорогостоящий ремонт?

Похоже, Беркутов. Значит, и он тут, тоже строитель КамАЗа... Что ж он тут делает? Небось, опять сдает объекты досрочно—любимой ценой. Ведь что касается цены, он мужик щедрый—цену-то платит не он, а государство. Вообще надо отдать ему должное, исключительно цепкий товарищ. Нужно будет, ухватится хоть за романтику, хоть за сознательность, хоть за встречный план, хоть за досрочную сдачу. К сожалению, этот сорняк способен расти на любом лозунге. И Челны для него не город и не завод, а огромная фабрика карьер. Ему главное—поймать момент раздачи призов и оказаться в тот миг в нужном месте и на самом виду...

Я писал в этих заметках: пусть на стройке каждый получит то, что искал. Так вот, надо бы сразу в этом правиле оговорить исключение. Этот, с птичьей фамилией, пусть не получит ничего...

...Я смотрю по сторонам, а парень на шесте все старается лезет и сползает, лезет и сползает...

Впрочем, не так. Сползает—и лезет. Сползает—и лезет...

Из множества слышанных когда-то сказок больше всего, пожалуй, люблю такую.

Две лягушки упали в горшок со сметаной и стали тонуть. Одна сразу поняла, что гибель неизбежна: от сметаны не оттолкнешься, белая трясина все равно рано или поздно засосет. Так стоит ли мучиться понапрасну? Сложилась лапки и пошла ко дну...

А вторая лягушка попыталась выбраться. Она безуспешно билась в вязкой сметане, прыгала и падала, прыгала и падала. Так пробарахталась всю ночь. А к утру сбила сметану в масло, оттолкнулась от него и выскочила наружу...

Парень на шесте был из вторых лягушек. Он все-таки долез. Достал пальцами главный приз—ковер, уцепился, подтянулся и основательно, неторопливо снял ковер с крюка.

Весь усыпанный людьми луг орал, хлопал в ладоши, свистел. Мы победили! А худощавый парень медленно спускался вниз: быстрее не давал ковер. На земле победителя подхватили болельщики, стали качать. Он и это выдержал.

Позже я узнал его имя. Авкат Камбеев, шофер ТЭЦ КамАЗа...

Путь был проторен, и дальше пошло легче. Вскоре с верхушки усмирленного шеста исчезли оба оставшихся приза.

Правда, выяснилось, что у этого состязания есть еще одно жесткое условие: приз надо не только достать, но и доставить вниз. Выронил — все, потерял.

У нас на глазах и разыгралась такая праздничная драма.

У какого-то парня хватило упорства добраться до приза, а вот удержать его в руках сил не осталось. Что ж, попользуется кто-нибудь другой. Увы, жизненная ситуация...

Я не случайно назвал это состязание ехидной, но точной моделью жизни. Ведь и в ней так. Одни тяжким трудом зарабатывают награду. Что ж, не жалко — заслужили. Другие — те трудиться не охотники, зато ловки и прытки в любой житейской ситуации. Вот полетит в толпу выпущенный усталыми пальцами приз — тут уж они себя покажут...

Ну, а третьи...

Когда все было кончено, награды поделены, выяснилось вдруг, что ничего не кончено. Все новые и новые ребята лезли по столбу вверх. Теперь в порядке не было нужды — взбирались сразу по двое, по трое. Что призы — плевать им было на призы!

Главной наградой, главной «корыстью» для этих парней был не баран, не ковер, а скользкая верхушка шеста и драгоценное чувство уверенности в себе. И тут — духовный стимул...

Борьба, как и любовь, как и доброта, как и внутренняя культура, — сама себе награда...

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА — РАБОТА.

**ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНЫ“
НЕФТЯНЫЕ
РЕКИ СИБИРИ**

С начальником «Главтюменьгеологии», лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда Юрием Георгиевичем ЭРВЬЕ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЕТРОВ.

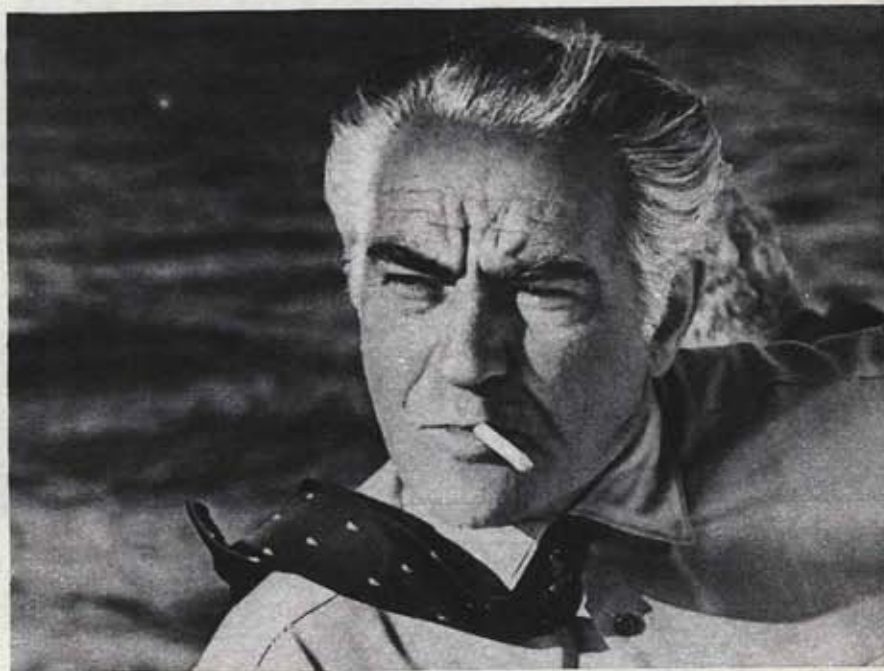

Фото Алексея ЛИДОВА.

году, урусовская «шестерка» заработала только в 1960-м...

— Подсчитав разность, хотите сказать, что я ждал и верил целых восемь лет? Конечно, можно вести подсчет и так. Для точности скажу, что некоторые мои товарищи приехали сюда еще раньше, так что их стаж больше моего. А если и дальше развивать эту тему, то я хотел бы привести довольно любопытные, на мой взгляд, цифры. Сейчас в нашем главке работает более двадцати пяти тысяч человек. Пять тысяч из них приняты в последние два года в связи с расширением геологических работ. А вот остальные в основном имеют стаж 10—15 лет. Стабильные кадры. Но привожу эти данные я как раз для того, чтобы опровергнуть вашу мысль, будто мы только упорно ждали и верили. Каждый шаг вперед давался только трудом.

Вы спрашивали, не мешает ли сегодняшнее знание запасов Тюмени вспомнить представление о ней в канун открытия или сразу же после него. Конечно, можно сказать: да, мы все это предвидели. А можно и так: в действительности все выглядело ина-

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

— Нашему разговору, Юрий Георгиевич, мне кажется, следует предпослать небольшой экскурс в историю. Хотя, разумеется, время, отстоящее всего на двадцать с небольшим лет, назвать историей можно лишь условно. Тем не менее такое отступление необходимо: этот небольшой срок стал историческим в развитии Западной Сибири. Трудно переоценить его значение и для всего народного хозяйства страны. Открытие тюменской нефти и газа уже сейчас стало крупнейшим международным и экономическим событием. С чего же началась новая страница в истории Тюмени? К чему мы должны обратиться в первую очередь?

— По-моему, к документам и фактам. 21 сентября 1953 года начальник Березовской буровой партии Г. Д. Сурков направил в трест «Тюменьнефтегеология» (предшественник нынешнего главка) срочную телеграмму: «Выброс при подъеме инструмента. Срочно ждем самолет. Сурков». Березовский газо-водяной фонтан ударил в 21 час 30 минут в момент подъема инструмента. Он выбросил 200 метров 5-дюймовых буровых труб, долото. Высота его струи достигала 45—50 метров. Специальная комиссия министерства, прибывшая в село Березово, вместе с представителями треста пришла к выводу, что здесь, в песчаных отложениях на глубине 1305—1309 метров, открыта залежь горючего газа, что свидетельствует о большой перспективности северозападного борта Западно-Сибирской впадины. Через шесть лет, 25 сентября 1959 года, на Мульмынской структуре, близ села Шаим, бригадой буровиков Семена Никитича Урусова на глубине 1405 метров был открыт нефтеносный пласт с суточным дебитом свыше одной тонны. Это была первая

нефть Тюмени. И хотя дебит этой скважины был более чем скромным, четвертого октября 1959 года газета «Тюменская правда» сообщила читателям, что Тюменская область в скором будущем может стать новым советским Баку.

— И не ошиблась...

— Да, эти газетные строчки стали пророческими. В июне следующего года бригада Урусова там же, в Шаиме, пробурила знаменитую скважину № 6, которая при испытании дала первый в Западной Сибири нефтяной фонтан—300 кубометров в сутки. Потом нефть открыли в Среднем Приобье. А дальше пошло... Сегодня в Тюменской области найдено и разведано много месторождений, среди них такие, как Самотлорское нефтяное и Уренгойское газовое.

— Со времени первого шаимского фонтана прошло всего пятнадцать лет, а добыча нефти в Тюмени в этом году достигнет 147 миллионов тонн. Давнее предсказание газеты—наверное, в то время многим оно показалось нереальным—теперь выглядит скромной констатацией фактов позавчерашнего дня. Ведь уже в первом году нынешней пятилетки Тюмень вдвое перекрыла производительность Баку, дав стране 44,2 миллиона тонн нефти. А потом за четыре года прибавила к своей мощи еще более ста миллионов тонн, оставив далеко позади прежнего нефтяного лидера—Татарию. Богатство недр Западной Сибири пришло в европейскую часть страны, стало предметом нашего экспорта.

И вот, зная все это сейчас, не могли бы вы, Юрий Георгиевич, вернуться в своей памяти к Тюмени двадцатилетней давности, когда она еще только стояла перед названным открытием?

Скажите, вот тогда вы—я имею в виду и вас лично и ваших товарищей по геологическому тресту—верили в эти 147 миллионов тонн, в десятки миллиардов кубометров газа, в новые города и поселки, в железную дорогу Тюмень—Сургут, в новые авталинии, связавшие глухие углы Приобья и Заполярья со всей страной,—в общем, во все то, что рождено месторождениями, что уже построено и строится в Тюменской области? Вот тогда, у первых фонтанов Березова и Шаима, думали вы, что все будет так, как сейчас?

— Вам, наверное, трудно представить, но мы в это верили...

— А не сказывается сейчас на вашем ответе «груз» более поздней информации? Я имею в виду, что теперь вы уже знаете обо всем открытом и последствиих. И это, наверное, мешает вернуться к тому, о чем думалось 15—20 лет назад?

— Действительно, сегодняшнее знание Тюмени в известной степени «давит», но я не погрешу против истины, сказав, что и тогда мы верили в нее и ее будущее... Я вообще думаю, что у геолога самым главным качеством характера должна быть вера в конечный успех. Без этого у нас нельзя. И я знаю многих, кто сменил нашу профессию только потому, что не умел верить. Они были случайными людьми в геологии и не выдержали испытания неудачами. Когда в проходку скважины вложены месяцы невероятнейшего труда, а она вместо нефти дает воду, поверьте, такое испытание не каждому по силам. Одолеть его может лишь тот, кто уверен, что следующая скважина даст нефть.

— Вы приехали в Тюмень в 1952

че. И то и другое будет верно, потому что, пока идет поиск, диапазон мнений довольно широк, а человеческий субъективизм вообще границ не имеет.

— Придется снова обращаться к цифрам и фактам?

— Думаю, это надежнее и убедительнее. Только предварительно хочу сказать: международное значение открытий нефтеносных месторождений, о котором сейчас много говорят, нам было понятно еще до первого тюменского фонтана. В век моторов нефть—сырье № 1. И это стало ясно давно. Так что мы заранее знали, что мы ищем.

А теперь цифры. О хороших перспективах разведки и добычи нефти в Западной Сибири более сорока лет назад говорил еще академик И. М. Губкин. Но перспективный расчет вещь все-таки условная. Достаточно сказать, что в канун наших открытий геологическая наука—наука своеобразная, далекая от точности в своих прогнозах—оценивала потенциальные возможности запасов Западной Сибири довольно скромно. Да и начальная стадия открытия не давала о нем грандиозного представления. Даже когда нашли нефть в Шаиме и Среднем Приобье, прогнозировалось, что добыча ее в Тюмени достигнет в 1975 году 20—30 миллионов тонн, а еще через пять лет—40 миллионов тонн. Причем эти смелые по тем временам прикидки ставились под сомнение. Теперь же мы не удивляемся 147 миллионам этого года.

— Другими словами, люди нашли нефть, а нефть помогла людям найти уверенность в положительных резуль-

татах дальнейшего поиска, уверенность в себе, в своих знаниях, прогнозах, наконец? Можно сказать, что тюменские открытия в известном смысле были не только открытиями нефти и газа, но открытиями человеческих характеров, что они позволили лучше узнать себя, свои силы и это, в свою очередь, помогло идти дальше?

— Разумеется. Познание — это процесс, и знания, добытые сегодня, — фундамент знаний, которые мы приобретем завтра. Я назвал вам цифры перспективной нефтедобычи в Тюмени, которые мы планировали полтора десятилетия назад. Мы ошиблись в семь раз. И вовсе не по осторожности. Уровень наших знаний в то время был таким, что мы не могли замахнуться на большее. Мы еще недостаточно хорошо понимали, где искать горючее в Западной Сибири и как искать. Да и сил для более интенсивного поиска не имели. Прошедшие годы стали не только нашим путем к нефти и газу, но и к познанию многих геологических особенностей этой земли, которые в ту пору были для нас тайной. Мы тогда вообще ее еще мало изучили. И не открыли Самотлор! А в этом году он даст уже 90 миллионов тонн нефти.

— Тогда мне хотелось бы напомнить вам наш первый разговор о тюменской нефти. Мы, если помните, познакомились с вами в Москве в 1965 году...

— И я настойчиво приглашал вас к нам в Тюмень...

— Где, по вашим словам, разворачивалось большое дело, предстояли такие открытия природного горючего, что они обещали перевернуть не только экономику этого края...

— Да, я говорил это...

— А еще вы говорили, что я должен спешить, потому что мне, как журналисту, нужно поспеть к началу главных событий, пока о них не начали трубить собраты по перу. А в том, что о них будут трубить, вы не сомневались...

— Верно. И я не ошибся...

— Вы не ошиблись, не спорю. Но я kloшу разговор к другому. Все это вы говорили мне до Самотлора и Уренгоя. А уверенность была такой, будто эти и другие месторождения открыты, окуртурены, их запасы подсчитаны, и вы знаете их тайну и только до времени о ней не сообщаете...

— Нет, в то время мы не знали их тайну, но знали, что стоим на пороге главных открытий — уверенность давало то, что уже нашли.

Я говорю «мы». Потому что никто о Тюмени вообще и ни об одном из ее месторождений не может сказать «я»: «Я открыл, я предсказал». Нет таких людей, и не может быть: не тот уровень геологии сейчас... Сначала идут геофизики. Они «отстреливают площади» и готовят карты сейсморазведки. На основании этих карт ведется изучение перспективности тех или иных площадей, намечаются точки для поисковых буровых. Все эти точки утверждаются в главке, доводятся до экспедиций и дальше — до геологических партий. Бригады бурильщиков, осуществляя проходку, только выполняют приказ. Лишь единственный раз за всю историю Тюмени скважина была пробурена партией не в том месте, где ей было указано, — это в Березове, когда получили первый газовый фонтан. До намеченной точки невозможно было доставить оборудование, и бурить стали поближе к реке, прямо на краю села.

— А другие случаи переноса целых экспедиций?

— Легенды. Рожденные сейчас, при живых еще героях... Но легенды. Это невозможно сделать хотя бы по чисто финансовым причинам. Чтобы пройти одну скважину, нужно потратить 700—900 тысяч рублей. Это большие деньги, и банк просто не оплатит ни одного счета, если бурение будет проводиться не там, где положено...

— Но, видимо, людям необходим дух романтики, элемент определенного риска, когда успех дела решает личность. Наверное, поэтому и рождаются легенды.

Точный многоступенчатый расчет, жесткий план, банк, сметы, титул — эта проза как бы заземляет дело...

— Все зависит от того, что считать романтикой... В нынешней геологии «личностям-одиночкам» просто нечего делать. Они ничего не смогут найти. Сейчас это коллективный труд не только геологов, геофизиков, но и авиаторов, речников, строителей. Тюменской нефти и газу повезло, что партийное руководство области сразу оценило по достоинству первые наши открытия и стало самым ярким их защитником. И когда я говорю «мы открыли», «мы думали», то имею в виду коллектив — всех, кто так или иначе был связан с нами. В одиночку никто не может ничего.

— Но вернемся к 1965 году. Я спрашивал, почему вы уже тогда верили в большое будущее Тюмени, хотя главные открытия были впереди?

— К тому времени мы уже поняли, как нужно искать и где нужно искать. Был найден ключ, оставалось только открыть кладовые. А смелость — отнюдь не самоуверенность — дала нам все та же Тюмень. Она дала нам знания, которые разрешили от гипотез перейти к точным прогнозам. Вот пример. Когда мы только «нащупали» Самотлор и посчитали его уже разведанные запасы, то рекомендовали месторождение к промышленной эксплуатации. Нефтяники отнеслись с недоверием к нашим прогнозам и потребовали гарантий. Мы такой документ им выдали. А теперь запасы Самотлора выше первоначальных.

Собственно говоря, это не единственный случай, когда эксплуатация месторождений начинается до окончания полной его разведки. Мы научились видеть перспективу...

— И рисковать?

— Точно рассчитывать... А теперь позвольте мне задать вопрос.

— С удовольствием отвечу, если смогу.

— Почему тогда, в 1965 году, после разговора со мной вы не поехали сразу в Тюмень? Ведь мы могли попасть в таежную глухомань, где через несколько лет поднялись города, поселки, о которых сейчас пишут во всем мире? Ведь причастность к открытию, возможность оказаться у «первого колышка» большого дела — для вас профессиональное везение. Вы не поверили мне?

— Поверил. Как геолог вы меня убедили. Но я раньше бывал в Тюмени и не мог представить, что так быстро можно все там перевернуть. Впервые я приехал сюда в 1956 году...

— Кондовый сибирский город. Почерневшие деревянные дома. Грязные улицы...

— И огромный рынок в центре города: на прилавках горы муксуна, осетры, стерлядь, нельма, ряпушка. Визжат молочные поросята. Мешки с кедровыми орехами, обувь и одежда из оленьего меха. Дуги, сбруя, топорища...

— Рынок располагался как раз там, где теперь стоят здания нашего главка и облисполкома. Когда мы строили главк, нас заставили вместо спесенных здесь лабазов в другом месте города построить магазин...

— Но не это главным образом заставило меня критически отнестись к нашему энтузиазму десять лет назад. Я видел не только город, но Тюменскую область: непролазные болота, бездорожье, малонаселенность. Покорить эти просторы, казалось, невозможно из-за расстояний, хлябей, тяжелого климата. Во всяком случае, не так быстро...

— И все-таки в кратчайшие сроки проложена железная дорога Тюмень — Сургут. Теперь она идет к Нижневартовску и со временем достигнет, я думаю, Уренгоя. Самолет и вертолет быстро перебрасывают вас в любую точку области. Построены новые города, поселки. Проложены нефте- и газопроводы, каких доселе не знал мир, и все это через пятнадцать лет после урусовского фонтана. Вы говорили, что людям нужна романтика... Так разве это не романтично — приходить на голое место, а после себя оставлять месторождения, города, поселки, дороги? Кстати, ведь именно геологи дали имена всем месторождениям, открытым здесь, большинству новых населенных пунктов. Это не романтика?

Когда я говорил, что будут города на Средней Оби, что мы возьмем ту нефть, я просто знал, что там, где сумели пройти и поставить буровую геологи, пройдут и добытчики, и строители, и дорожники. Труден и тяжел только первый шаг, второй сделать уже легче: знаешь, как его делать...

— Скажите, Юрий Георгиевич, какую роль при освоении Тюмени сыграла и играет молодежь?

— Самую важную. Я, в общем-то, не сторонник того, чтобы распределять сделанное между поколениями: у старшего, мол, такая доля труда, а у молодого — другая. Все поработали хорошо, и, как говорится, славою мы сочтемся. Тем не менее должен сказать, что многое, созданное в Тюмени, сделано только руками комсомольцев и молодежи. Без их участия было бы невозможно и сокращение сроков работ. Молодежь подвижна. Ради большой цели она готова идти на трудности, которые в Тюмени не всегда удаются обойти. Первопроходцы приходят на голое место. Они должны вынести на своих плечах все неустоиности быта, холод, жизнь в палатках, в вагончиках и создать уют тем, кто придет позже. С комсомольско-молодежной бригады начинался Светлый, с комсомольско-молодежного десанта — Пангоды, поселок у южной оконечности газового месторождения Медвежье. И железную дорогу Тюмень — Сургут строили в основном молодые путейцы, и магистральные нефте- и газопроводы, и город Сургут, и Нижневартовск.

Тюмень не осталась в долгу, она помогла стать высококвалифицированными специалистами многим, кто пришел сюда после школьной и вузовской скамьи и честно трудился.

Тюмень слишком молода. Ее еще осваивать и осваивать. Так что попрежнему нужны тут и молодые геологи, и нефтяники, и строители, и авиаторы, и речники.

— Если воспользоваться известной поговоркой, то в Тюмени люди прошли сквозь все: огонь, воду и медные трубы. Скажите, какое испытание было самым сложным?

— Когда сейчас вспоминаешь, что пришлось пережить и через что пройти к этим 147 миллионам тонн, то, честно говоря, не можешь выделить что-либо «самое-самое» трудное.

Все было. Трудности, потери людей. Неизмеримо тяжелые условия работы, случались пожары на буровых, бывали наводнения. За свои победы мы уплатили трудом сполна, как и за славу, выпавшую на нашу долю. Наверное, потому, что она досталась так нелегко, медные трубы ее нас не испортили. А может быть, мы не потеряли голову, так как пришла она к нам, когда мы уже знали цену всему в жизни. Я приехал сюда сорока трех лет. Успел и пожить, и поработать, и повоевать. И товарищи мои, мои ровесники, в большинстве своем тоже прошли фронт, а это высшее испытание. Так что мы были достаточно зрелыми. А молодежь, которая приезжала сюда, сумела проникнуться этим духом. Во всяком случае, мне кажется, что все мы выдержали, если можно так выразиться, испытание Тюменью. Тут я спокоен.

Волнует другое. Государство вложило в Тюмень колоссальные средства. И теперь эта земля опсалчивает свой долг. Эксплуатируя здешние месторождения, мы стали богаче. И тут, мне кажется, мы не смогли выдержать экзамен: испытание богатством. Несметные сокровища делают нас бесхозяйственными. Ведь счет на миллиарды рублей, мы не хотим уже замечать миллионы. О тысячах, о копейках — и разговора нет.

Я помню берега Средней Оби лет 15 назад. Сургут, Мегйон. Мы выбирали там места для базирования геологических партий. Непроходимая тайга, кедрачи. Сейчас ничего не осталось. Вырубили. Не из великой нужды — от бесхозяйственности. Сейчас верим, что все восстановим: и не такое нам по плечу. Действительно, можем многое. Но это не дает нам права убивать в себе рачительного хозяина своей же земли.

Мы добываем нефть, гоним ее по трубам за тысячи километров и рядом сжигаем в факелах миллиарды кубометров попутного газа. Сгорает ценнейшее сырье для химической промышленности на миллионы рублей. Сейчас мы еще не можем его утилизировать — не построены заводы. Но почему мы считаем себя вправе уничтожить его? Есть же закон об охране недр. Если мы пока не в состоянии воспользоваться богатствами земли, мы должны их вернуть ей. В частности, попутный газ необходимо закачивать в пласт. Это поднимет давление, увеличит отдачу нефти и, главное, сохранит добро для завтрашнего дня, для будущего поколения.

За добытую тонну нефти — использование недр — нефтедобытчики платят государству определенную сумму денег, которая входит в себестоимость продукции. За добытый и сожженный попутный газ никто никому ничего не платит: мы богаты и так. С каждым годом растет добыча нефти — растет и количество сжигаемого сырья. Нравственный урок, который преподнесло нам наше богатство, мы никак не хотим выучить. А без его усвоения трудно будет выдержать будущие испытания.

Тюмень нам многое дала. И я имею в виду не только нефть и газ. Мы учились здесь искать, добывать, строить в сложных условиях Севера, покоряя огромные пространства. И вот этот опыт, накопленный в Тюмени, неопценим. В дальнейшем он хорошо послужит нам при освоении новых районов Сибири и Дальнего Востока.

Василий ЖИЛЬЦОВ.
Фото Виктора САККА.
Специальные корреспонденты «Смены».

Час

ПОБЕДИТЕЛЕЙ

1. У КАЖДОГО—СВОЯ АНГАРА

ЭТОМУ СНИМКУ ВСЕГО-НАВСЕГО ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НО ОН УЖЕ СТАЛ ИСТОРИЧЕСКИМ: ТАМ, ГДЕ НА ЛЬДУ ЕНИСЕЯ СТОЯЛИ БУРОВЫЕ ИЗЫСКАТЕЛЕЙ, ТЕПЕРЬ РАСКИНУЛСЯ КОТЛОВАН СТРОИТЕЛЬСТВА САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС.

Хранится в нашем редакционном музее небольшая долгоиграющая пластинка с песнями композитора Александры Пахмутовой. Подарила нам ее сама Александра Николаевна, тогда еще просто Аля, двенадцать лет назад, вернувшись из Братска, куда она ездила вместе с поэтами Николаем Добронравовым и Сергеем Гребенниковым по командировке ЦК ВЛКСМ.

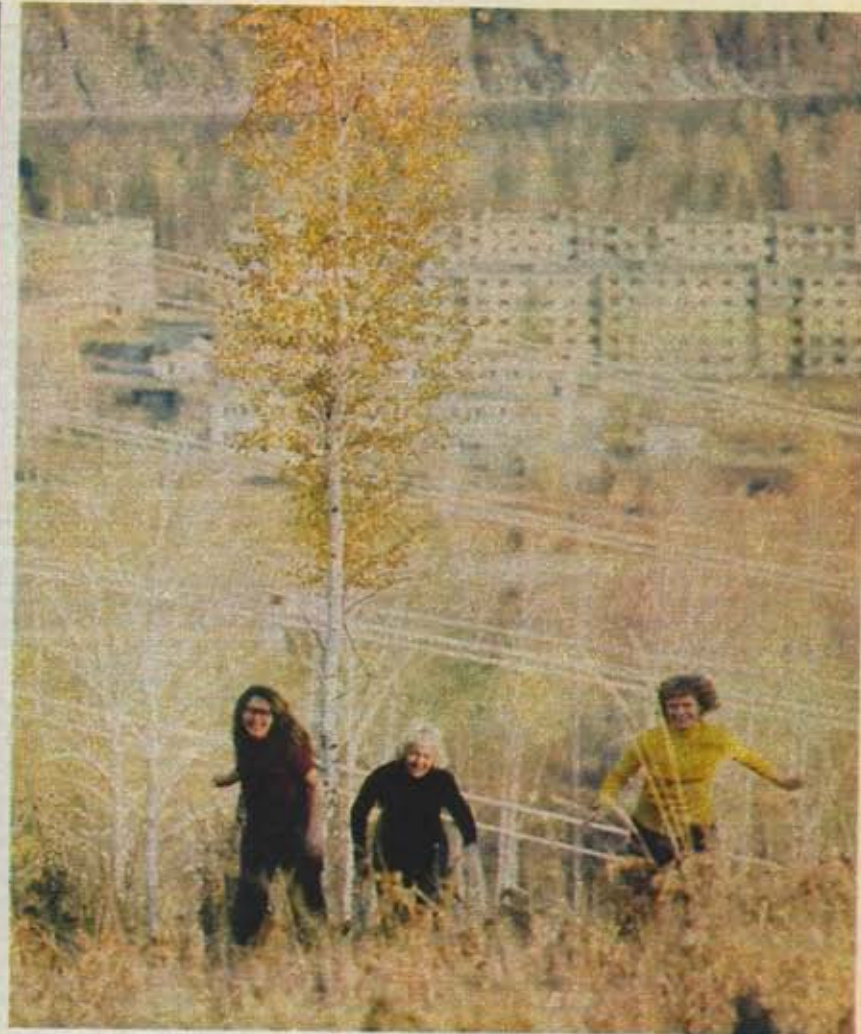
Как они тогда рассказывали о своем путешествии! Взалюб, перебивая друг друга. Каждое их слово, каждая фраза были наполнены восторгом, восхищением молодыми строителями ГЭС («Главное, ребята, сердцем не стареть...»), величием и красотой Сибири («Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги»)...

Сотни комсомольско-молодежных отрядов увозили эти песни с собой на стройки во все края нашей страны—в пустыни и горы, в болота и непроходимые леса... И каждому они помогали найти свой Братск, свою Ангару—неповторимую и единственную.

Теперь все это уже история. Крутятся турбины Братской

ГЭС, счетчики отсчитывают один за другим миллионы киловатт, участие в строительстве стало фактом биографии и строкой в трудовой книжке многих уважаемых отцов и матерей семейств, уже вышедших из комсомольского возраста. И сейчас еще, собираясь изредка дружескими компаниями, вспоминают они песни своей недавней юности и с нескрываемой грустью выводят: «Только кто же придумает новый Тайшет, кто другую найдет Ангару?»—хотя прекрасно знают, что жизнь давно ответила на этот вопрос. «Другой Ангарой» стал Енисей.

Дивные горы, Шумихинский створ, Дивногорск... Кажется, еще вчера мы восхищались трудовыми рекордами строителей Красноярской ГЭС, аплодировали первому космонавту Земли Юрию Гагарину, прилетавшему сюда, чтобы вместе с молодежью отпраздновать начало бетонных работ, следили за «одиссеей» рабочих колес для ГЭС, плывших на специальном лихтере из Ленинграда Северным морским путем к Красноярску. А сегодня, едва сойдя с самолета в красноярском аэропорту, мы наталкиваемся на доску объявлений городского туристического бюро, которое среди прочих экскурсий рекламирует и поездку в Дивногорск на Красноярскую ГЭС имени 50-летия СССР.

2. НАЧАЛО

С чего начинается стройка? С проекта? С открытия счета в банке? С традиционного первого колышка, вбитого с математической точностью геодезистами?... У каждого строителя есть своя точка отсчета, одному ему понятная и близкая. И на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС было много таких начал—разных и единственных. Вот всего лишь два из них.

П. Нагорных, капитан малого теплохода «Кустанай». «Я коренной сибиряк, чалдон, говоря по-нашему. Мне на Енисее каждый камешек, каждый пережат—родственники. Молодой я тогда был, служил в погранвойсках на Амуре, в 61-м вернулся домой, а тут вскоре приезжает бывший наш командир Петр Иванович Бушман. Вышел он в отставку и стал работать начальником партии, выбравшей место для гидростанции. Ну, я, конечно, пошел к нему—помощником бурильщика. Зимой 62-го наши буровые стояли на самом Енисее, там ведь толщина льда больше метра бывает. Сначала работали на Джойском пороге. Место, казалось бы, лучше не придумаешь—гранит, но натолкнулись мы на широкую трещину. Геологи Джой забраковали и перевели нас на 12 километров ниже—к Карловскому створу. Ближайшее большое селение вон оно где—Майна, там лесорубы да охотники жили. А дорога к нему надежная только одна была—Енисей...»

В. Тацкий, экскаваторщик. «В июне 63-го года пришла в Майну наша баржа с механизмами и стройматериалами. Весь поселок вышел нас встречать. Сгрузили на берег два экскаватора, два бульдозера, два самосвала, два автокра-

СЛОВА «РАБОТАЮ В КОТЛОВАНЕ» ЛЮБОМУ ГИДРОСТРОИТЕЛЮ ПОНЯТНЫ БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ—ЗНАЧИТ, ТЫ В ГУЩЕ СОБЫТИЙ, ПРИ ГЛАВНОМ ДЕЛЕ. А В НЕСКОЛЬКИХ КИЛОМЕТРАХ ОТ БУДУЩЕЙ ПЛОТИНЫ РАСКИНУЛСЯ САМЫЙ МОЛОДОЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ ГОРОД—САЯНОГОРСК.

Борис ДУБРОВИН

На болоте осока—
Сверху глянешь—как шелк.
Я летел невысоко,
Но летел, а не шел.
И над этой осокой
С наступлением дня
Там кутили веселье
Подстрелили меня.
Ничего я не понял,
Крылья слиплись в крови.
Я про ненависть вспомнил
И забыл о любви.
Крикам став не внимля,
Выбиваясь из сил,
Тут я вспомнил про землю,
А о небе забыл.
Я охотников видел
В миг, когда утопал,

Видно, я их обидел,
Что в болото упал...
Или это мне снится:
Я живу, не сдаюсь...
Я, подбитая птица,
Вновь полету учусь.
Снова в сумерках серых
И всклокоченных туч
Опираюсь на веру,
Как на солнечный луч.
Может быть, над осокой
Я навстречу лучу
Пусть опять невысоко,
Ну, а все же взлечу.
Может, выживу в буднях
Среди гиблых болот...
Все хорошее будет,
Все плохое пройдет...

Усталость ночи
Чувствует рассвет.
Усталость встречи
Чувствует разлука...
Рассталась с нами
Радость прежних лет,
Но только жить нам нечем
Друг без друга.

на... Стали строить дома, дорогу к створу. Большинство приехало из Дивногорска, с Красноярской ГЭС, так что не впервые начинали на голом месте. А первый дом наш был заложен на нынешней улице Ленина. Там сейчас молодежное общежитие».

Так оно все и было двенадцать лет назад. Первые километры дороги, первые карьеры, первые дома. Годовой объем капиталовложений—четыре с небольшим миллиона рублей, с ними, как говорится, далеко не уедешь. Потом перебрались поближе к створу—в Черемушки, названные так не по аналогии с московскими—весной здесь и вправду все бело от цвета черемухи, перемешанного с густым енисейским туманом.

Уже была Братская плотина, уже набрала полную мощь дивногорская стройка, а здесь все еще властвовало начало и, казалось, не будет ему конца. То, что предстояло сделать, пока не перешагнуло за порог, разграничивающий реальность и фантазию, даже для ленинградских проектировщиков. Еще только предстояло оно, будущее, о котором около восьмидесяти лет назад мечтал на берегу Енисея Владимир Ильич Ленин, посланный царским правительством в известное теперь всему миру село Шушенское под гласный надзор полиции по обвинению «в государственном преступлении».

Шушенский период жизни Владимира Ильича Ленина изучен ныне досконально. Мы знаем, что он здесь читал, с кем встречался, какие работы родились в этом далеком-далеком по тем временам сибирском селе. Когда мы говорим о величии ленинского предвидения, то имеем в виду прежде всего не конкретные адреса, а программу развития всего нашего общества, программу настолько жизненную, настолько точно и детально разработанную, что иного эпитета, кроме как «бессмертная», к ней и не подберешь.

Недавно сибирские журналисты разыскали в архиве письмо крестьян Шушенского, просивших в двадцатых годах построить у них электростанцию мощностью в ... 20 киловатт. Просителям отказали: не было тогда у Советской власти даже таких маломощных генераторов.

Лет через 8—10, когда начнутся регулярные экскурсионные рейсы сюда, в Саяногорск, копии этого бесценного документа следовало бы вручать каждому туристу как напоминание о том великом Начале, с которого ведет свой отсчет социализм.

Есть высшая справедливость в том, что стройка эта называется не просто Саянской (как это делали для краткости в разного рода бумагах), а именно Саяно-Шушенской, хотя само село Шушенское отстоит от Карловского створа километров на 60, да и прямую дорогу пока еще не проложили. Несколько лет назад в лютую январскую стужу молодые строители, приехавшие в Саяны по комсомольским путевкам, укрепили на отвесной скале, нависшей над Енисеем, гордый призыв: «Мечте Ильича сбыться!». Эти три слова превратились в девиз Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Саяно-Шушенская ГЭС, над сооружением которой с самых первых дней шефствует комсомол, станет со временем как бы частью грандиозного Ленинского мемориала, равного которому не сыскать на всей нашей земле.

3. НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Саяно-Шушенская ГЭС сооружается на участке верхнего Енисея в пределах так называемого Саянского коридора. Район стройки—узкий каньон с крутыми берегами, возвышающимися над урезом воды на 800—900 метров. Ширина долины на уровне гребня будущей плотины—900 метров, а на отметке поймы—360. Борты и русло реки в створе сложены прочными скальными породами—метаморфическими сланцами. Климат района—континентальный. Среднегодовая температура воздуха—минус 1 градус (минимальная—минус 42, максимальная в июле—августе—плюс 35—36).

Что должно быть построено?

Бетонная арочно-гравитационная плотина с водосбором и водоприемником, приплотинное здание ГЭС с 10

агрегатами по 640 тысяч киловатт каждый (для сравнения: на Братской ГЭС стоят 20 агрегатов по 225 тысяч, на Красноярской—12 по 500 тысяч), открытое распределительное устройство. Высота плотины—242 метра, длина по гребню—1066 метров. Для ее возведения потребуются 9,6 миллиона кубометров бетона. Сравнительно широкий створ с длиной по гребню, превышающей почти в пять раз высоту, не позволил строить чисто арочную плотину. Расчетами и исследованиями на моделях установлено, что из прльного гидростатического давления, равного 17 миллионам тонн, 60 процентов плотина воспринимает как гравитационное сооружение (за счет собственного веса), а остальные 40 процентов передаются через распоры на скальные берега.

Что нужно сделать, чтобы все это построить?

Внудить мягкого грунта—около 2 миллионов кубометров, скального грунта—3,8 миллиона; сделать насыпи общим объемом 2,8 миллиона кубометров; уложить бетона и железобетона—9,8 миллиона кубометров; смонтировать металлоконструкций—30 тысяч тонн, основного оборудования—67,6 тысячи тонн.

Вот, пожалуй, и все сведения, почерпнутые нами из официальных документов, если опустить для краткости «самую малость»: в эти подсчеты не входит инфраструктура—железная и автомобильные дороги, два бетонных завода (один из них уже действует), множество подсобных предприятий и три городских поселка со всеми современными удобствами. Ну, а для тех, на кого приведенные цифры не произвели должного впечатления, сообщим, что плотина сможет полностью закрыть такое высокое по нашим понятиям здание, как Московский университет на Ленинских горах, и что во всем мире насчитывается чуть больше десятка арочных плотин от 150 метров и выше. К примеру, на Красноярской ГЭС, остающейся пока самой мощной в стране, высота плотины 124 метра. Размах созидания всегда потрясает воображение, а здесь, на Енисее, рядом с нетронутой, девственной природой, в особенности.

Нынешним летом Центральный Комитет КПСС в специальном постановлении особо отметил инициативу 28 предприятий и организаций Ленинграда, участвующих в сооружении Саяно-Шушенской ГЭС. Ленинградцы начали социалистическое соревнование за сокращение сроков и высокое качество работ при строительстве этой электростанции. Действует специальный координационный совет, объединивший все заинтересованные организации. Иными словами, не нужны «толкачи», тревожные телефонные звонки, просительные телеграммы. Все рассчитано по дням и месяцам. Необходимость этого своеобразного «пула» вызвана самой жизнью, ведь почти вся продукция таких известнейших ленинградских предприятий, как Металлический завод, «Электросила», «Электротрактор», завод подъемно-транспортного оборудования имени Кирова, предназначена для Саян, не просто уникальна. Каждый раз—это новое, самое последнее слово в машиностроении.

Мировая электротехническая промышленность никогда еще не выпускала ничего подобного тому, что предстоит сделать, к примеру, ленинградскому «Электротрактору»: весь аппаратный генераторный комплекс, рассчитанный на напряжение 15 750 вольт и номинальный ток в 30 тысяч ампер, предстоит разместить в одном закрытом токопроводе диаметром около метра и длиной 8—10 метров (до сих пор на любой гидростанции для каждого из пяти аппаратов комплекса отводятся отдельные помещения), так что речь идет не просто о новых приборах, а о сложнейшей научной проблеме, над которой в течение нескольких ближайших лет будет напряженно работать весь коллектив завода «Электротрактор». Ведь опытные образцы нужно испытать, а для этого необходимы специальные испытательные стенды, которые тоже предстоит создать, и т. д.

Еще не вступив в строй, ГЭС изменила жизнь огромного сибирского района, где по программе, рассчитанной на несколько пятилеток, должно появиться множество, именно множество, крупных заводов, среди которых вагоностроительный, алюминиевый, несколько электротехнических. Добавьте к этому перечень легкую и пищевую промышленность, высоковольтные линии в Кузбасс, Казakhstan и в другие районы самой Сибири, и вы согласитесь, что энергия Енисея можно не без основания сравнить с Гольфстримом, чьи теплые воды, прорезая Мировой океан, дают жизнь огромному региону человеческой цивилизации.

Но все это лишь видимая часть влияния Саяно-Шушенской ГЭС. А есть еще и другая—не менее важная,

не менее значительная: многие отрасли промышленности получают весьма ощутимый стимул для ускоренного продвижения по пути технического прогресса.

4. КОТЛОВАН—ИЗДАЛИ И ВБЛИЗИ

«Как проехать на котлован?» «Где работаешь?» «В котловане». «Что нового в котловане?» Этот термин—«котлован»—для любого гидростроителя понятен без дополнительных объяснений. Стиснутый отвесными скалами, он здесь не кажется большим—всего-то немногим более трехсот метров в ширину. И только задрал голову к большим белым треугольникам, указывающим будущие верхние отметки плотины, понимаешь, как это все-таки много—242 метра высоты (или глубины, если считать, что ты находишься на дне будущего водохранилища).

Охватить взглядом сразу весь котлован можно только со смотровой площадки, примостившейся над правобережным треугольником. Ведет сюда отличная широкая дорога. Стой и любуйся. Вот прямо под тобой котлован первой очереди, где поднялась над рекой нижняя часть водосборной плотины с донными отверстиями, уже «принятыми» Енисеем у строителей. Обе перемычки здесь давно разобраны, и темно-зеленая вода мчит сквозь эти отверстия со скоростью поезда.

Справа вдали (а если быть точным, то ровню в 600 метрах)—маленький островок посреди реки с непонятным сооружением, вызывающим сравнения с ракетами, радарными и прочими электронными премудростями. Это репер—центр дуги арочной плотины, к нему геодезисты «привязывают» каждый бетонный блок, ведь малейшая ошибка может повлиять на прочность сооружения.

А у противоположного берега все явственнее проступают очертания котлована второй очереди. Скоро воду откачают, и начнется зачистка ложа под пристанционную часть плотины. Ко дню открытия XXV съезда партии строители обязались уложить в этом котловане первый кубометр бетона.

А ведь совсем недавно шумел-гулял здесь большой праздник—день перекрытия Енисея. Может, и не стоило бы возвращаться к этому событию, многократно описанному в газетных репортажах, да ведь не так уж богата торжествами жизнь гидростроителей: всего-то их три за все годы—перекрытие, пуск первого агрегата и окончательная сдача станции.

На память об этом дне сохранились у меня два сувенира—осколок от белоснежной мраморной глыбы, сброшенной в Енисей в первые минуты перекрытия, и листовка, озаглавленная по-инженерному сухо и точно: «Памятка по технике безопасности для приглашенных на праздник перекрытия реки Енисей в Карловском створе». Не могу не процитировать хотя бы несколько строк из этого листка, ставшего теперь историческим документом: «Товарищ! Ты являешься свидетелем великого события в жизни нашей стройки и в жизни всего советского гидростроения. Сегодня будет сделан первый шаг на пути к пуску первых агрегатов самой мощной в мире ГЭС, вслед за которым начнутся работы в котловане второй очереди по возведению станционной части плотины и самого машинного зала. Сегодня навечно соединятся енисейские берега, и богатырь Енисей понесет свои воды по рукотворному руслу. На перекрытие приглашено шесть тысяч гостей, такого количества людей не было на этих берегах, где десять лет назад среди глухой тайги можно было встретить только геологов да рыбаков. Большой праздник у саянских гидростроителей, которые на четыре дня раньше намеченного срока, в честь XXV съезда КПСС, закончили подготовительные работы к перекрытию и только с начала этого года уложили в тело водосливной части плотины 300 тысяч кубометров бетона».

Ну а дальше идут обычные в такого рода памятках советы: «не подходить», «не проникать», «не спускаться», «не бросать» и т. д.

Там, где сейчас пролегла верхняя перемычка, тянулся насыпной банкет, заканчивавшийся весомой отметкой—26-тонной глыбой саянского мрамора, украшенной надписью «Поздравляем с победой». Ее первой сбросили в про-

Улыбнулись уверенно
От печали вдали...
Разве время потеряно,
Если столько нашли!
Если вдруг проясняются
И сердца и глаза
И теплом наполняются
В этот час голоса.
Если что и потеряно,
Это грусть в тишине.
И еще — неуверенность
В трудном завтрашнем дне.
И еще — озабоченность
На тропе снеговой,
И еще одиночество
Потеряли с тобой.

Может сожаление
Привести к любви,
Может удивление
Привести к любви,
Может ночь весенняя,
Звезды, соловьи,
Словно озарение,
Привести к любви.

Может увлечение
Привести к ней вдруг,
Дружбы обновление
И пожатье рук,

Даже и презрение,
Ненависть, испуг
Могут в миг прозрения
Привести к ней вдруг.

Лишь из благодарности,
Жертву принося,
Преданно и радостно
Полюбить нельзя:
Ведь любовь не золото,
И ее, друзья,
Ни продать, как молодость,
Ни купить нельзя.

Почему-то гляжу недоверчиво,
Сияясь строки стволов разобрать:
Даль вечерняя ливнем расчерчена,
Как в косую линейку тетрадь.

Как зловеще чернильною роздымью
Туча
Буквы осин
Обвела...
Показалась осина
Березою
И плакучею ивой
Ветла.

Перья молний прерывисто начали
Перечеркивать рошу вдали:
Все опять переписано
Начерно,
Как история нашей земли.

ран—остававшееся еще не тронутым 20-метровое русло, где Енисей показывал себя во всей красе—бесновался, кипел, напоминая людям, что не напрасно его называют великим. Засыпать этот проран, оставив воде только искусственный путь—через донные отверстия,—в этом и состояла суть перекрытия.

К этому дню готовились загодя. Изюм дня в день расширяли плацдарм, сбрасывая в воду «гирлянды»—связанные тросами многотонные гранитные глыбы, которые даже Енисею было трудно сдвинуть с места.

Сорок сорокатонных чистеньких, ухоженных «БелАЗов», доверху загруженных гранитными «негабаритами», выстроились в два ряда. В кабинках—шоферы в парадных костюмах, при галстуках и наградах. Кое-где сидят даже по двое—не выдержал сменщик, не захотел стоять вместе со всеми за барьером. А за «БелАЗами»—их меньшие братья «КрАЗы» со щобнем и гравием, у них кабины пошире, и почти в каждой по двое и тоже при полном параде. Первым пойдут машина Ильи Васильевича Кожуры, знаменитого на всю Сибирь шофера. Он эту честь завоевал трудом славным, каждодневным. Именно завоевал, потому что на стройке шло упорное соревнование за право личного участия в перекрытии Енисея.

Далеко впереди всех, за алой лентой, перегораживавшей проезд к прорану, стояли два ярко-желтых 250-сильных бульдозера—они должны были подчищать, разравнивать банкет, направляя «негабариты» и щобень в нужном направлении. Бульдозерист № 1 Иван Китов был в тот день выходящим, но он тоже Победитель, и потому сменщик уступил ему место у рычагов—право на первый заход принадлежало Китову, потом он стал зрителем. До старта еще далеко, но все до единого моторы заведены, и казалось, что находишься в самом центре огромной танковой колонны, изготовившейся к атаке.

О, это было великолепное зрелище! Две машины ссыпают свой груз в реку, две разворачиваются, две въезжают на банкет, бульдозеры в паузах утюжат только что образовавшийся кусочек суши... Ни минуты простоя, ни единой заминки, словно бы перед зрителями (а их собралось тысяч пятнадцать, не меньше) разыгрывается хорошо отрепетированный пьеса, где актеры назубок выучили каждую реплику, каждую мизансцену. И ни разу не возникла мысль о неравном бое с природой, о неимоверном напряжении сил, что еще больше усиливало сходство с пьесой, где всегда все заканчивается так, как задумал автор.

Правда, по окончании «спектакля», длившегося три с половиной часа, строители были несколько смущены: рассчитывали уложиться в два часа, а провозились чуть ли не в два раза больше. Но ведь одним из главных действующих лиц был Енисей, с которым всех деталей не согласуешь. Взял он да и создал за несколько дней на месте прорана ямы такой глубины, что многотонные «негабариты» уходили на дно словно игрушечные кубики.

5. СЕРГЕЙ КОЛЕНКОВ, БРИГАДИР...

В тот день мы и познакомились с Сергеем Коленковым. Причем знакомство произошло при обстоятельствах не совсем обычных: на торжественном митинге по случаю перекрытия стояла перед трибуной шеренга празднично одетых, красивых, веселых людей. У каждого через плечо алая лента с надписью «Победители соревнования за право личного участия в перекрытии Енисея». Улучил я минутку, сунул к ним с разговорами, с расспросами, а потом одного из них возьми да спроси: как, мол, ваша фамилия, товарищ?

Тут все стали громко подкашивать: «Коленков это, Коленков»,—и чувствовалось в голосах удивление и даже осуждение: как можно не знать самого Коленкова, который несколько часов назад вместе с комсомолатом Г. Т. Береговым алую ленту перерезал и вообще известнейший на всю стройку человек.

Встретились мы через день. Праздник отошел, начались будни, и бригадир Сергей Коленков, с удовольствием сбросивший с себя торжественность, был занят привычным делом: готовил опалубку под бетон. Что-то не ладилось, кажется, подана тока прекратилась на время, но бригада не простаивала, готовила задел для второй смены. «Бетон мы уже не успеваем принять, это ясно, нужно, чтобы сменщики из другого звена не загорали»,—так мне потом сказал звеньевой Вадим Мазурик. А Коленков с улыбкой, вроде все вокруг его и не касается, объяснял мне секреты опалубки и принцип устройства шатров, под которыми будет застывать бетон в трескучие саянские морозы.

Сергей стал гидростроителем в 22 года, после службы в армии. Приехал в Дивногорск, освоил там специальности арматурщика, сварщика, в общем, стал знающим, квалифицированным специалистом, в работе серьезным и строгим, как и положено коренному сибиряку. А потом переехал в Саяны, работал у самого Владимира Валентиновича Полищукова, бригадира, знаменитого на всю Сибирь. И когда подошел черед создавать новые бригады плотников-бетонщиков, Полищукоев поддержал кандидатуру своего воспитанника. Так в апреле прошлого года молодой коммунист, 29-летний Сергей Коленков возглавил комсомольско-молодежную бригаду имени А. Бочкина, известного гидростроителя, Героя Социалистического Труда.

Впрочем, они все молодцы—лучшие бригадиры «Саянэлектрострой»: и Михаил Полторан, и Федор Горбанев, и Валерий Позняков, руководитель комсомольско-молодежного коллектива имени Ю. Гагарина. Молоды, как положено на Всесоюзной ударной комсомольской стройке.

Не знаю, как уж набирал Коленков людей в свою бригаду, да и вряд ли было у него право на особый выбор, но только с самого начала получилось то, что надо,—коллектив. В самом высоком понимании этого слова. 45 человек, из которых почти 40—комсомолцы, «живут полнокровной жизнью», как выразился бригадир. А результат такой вот жизни самый убедительный: по плану бригада должна была укладывать в месяц 31 тысячу кубометров бетона, по обязательству—36 тысяч, а уложила 40. Вот какие цифры стоят за формулировкой: «Победитель социалистического соревнования за право личного участия в перекрытии Енисея». А впереди новый рубеж—победить в соревновании за право подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии и установить к концу года еще один рекорд—44 тысячи кубов в месяц.

«Передайте, пожалуйста, через «Смену» наше обращение к молодежи, особенно к увольняемым в запас солдатам,—сказали мне на прощание колениковцы.—Пусть приезжают к нам на стройку! И работа интересная найдется для каждого, и невест, если нужно, подберем. Вон вчера только сыграли в бригаде две комсомольские свадьбы. А в подарок от комсомола молодежники получили по однокомнатной квартире со всеми городскими удобствами».

6. ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ

«Каждая из больших гидростанций, построенных в нашей стране, была великой для своего времени. Саяно-Шушенская не является исключением».—Эту фразу главный инженер строительства Александр Георгиевич Бруссе обронил мимоходом во время нашей короткой встречи в котловане. И захотелось узнать, что же означает определение «великая гидростанция» с точки зрения специалиста.

— Думаю, что лет 10—15 назад такую станцию просто не стали бы строить,—сказал Бруссе.—Требовался качественный скачок в методике гидростроительства, в технологии, во всей энергетике в целом. Проект опережал наши возможности...

Вот вы говорите, что перекрытие Енисея превратилось в рядовую операцию, не чувствовалась борьба со стихией, риск и прочие заманчивые для журналистов ощущения... Ангару у Братска перекрывали трое с половиной суток, Енисей в Шумихинском створе—за шесть с половиной часов, мы уложились в три с половиной. И это закономерно. Ведь мы

вооружены не только самой передовой техникой, но и бесценным опытом наших предшественников, самыми последними данными науки, а гидротехника сейчас шагнула очень далеко. Если вас это так интересует, могу сказать, что кое в чем мы пошли на технический риск, даже поконфликтовали с проектировщиками, но истина не в деталях, а в необратимом движении прогресса.

Высотная плотина, рассчитанная на огромные размеры бетонных работ, потребовала принципиально новых конструкций опалубки, отказа от ручного труда и на заводах (в будущем году вступит в строй бетонный завод непрерывнопоточного действия) и на укладке, где требуются не только высокие темпы, но и отличное качество. Первые два гидроагрегата вступят в строй в 1978 году. На них будут установлены временные рабочие колеса, способные работать при напоре воды в 60 метров. Первый ток Саяно-Шушенская ГЭС даст задолго до того, как плотина достигнет проектной отметки. Затем колеса заменят на постоянные, рассчитанные на высокий напор. Хозяйство Сибири получит дополнительно 16 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, а экономия составит десятки миллионов рублей.

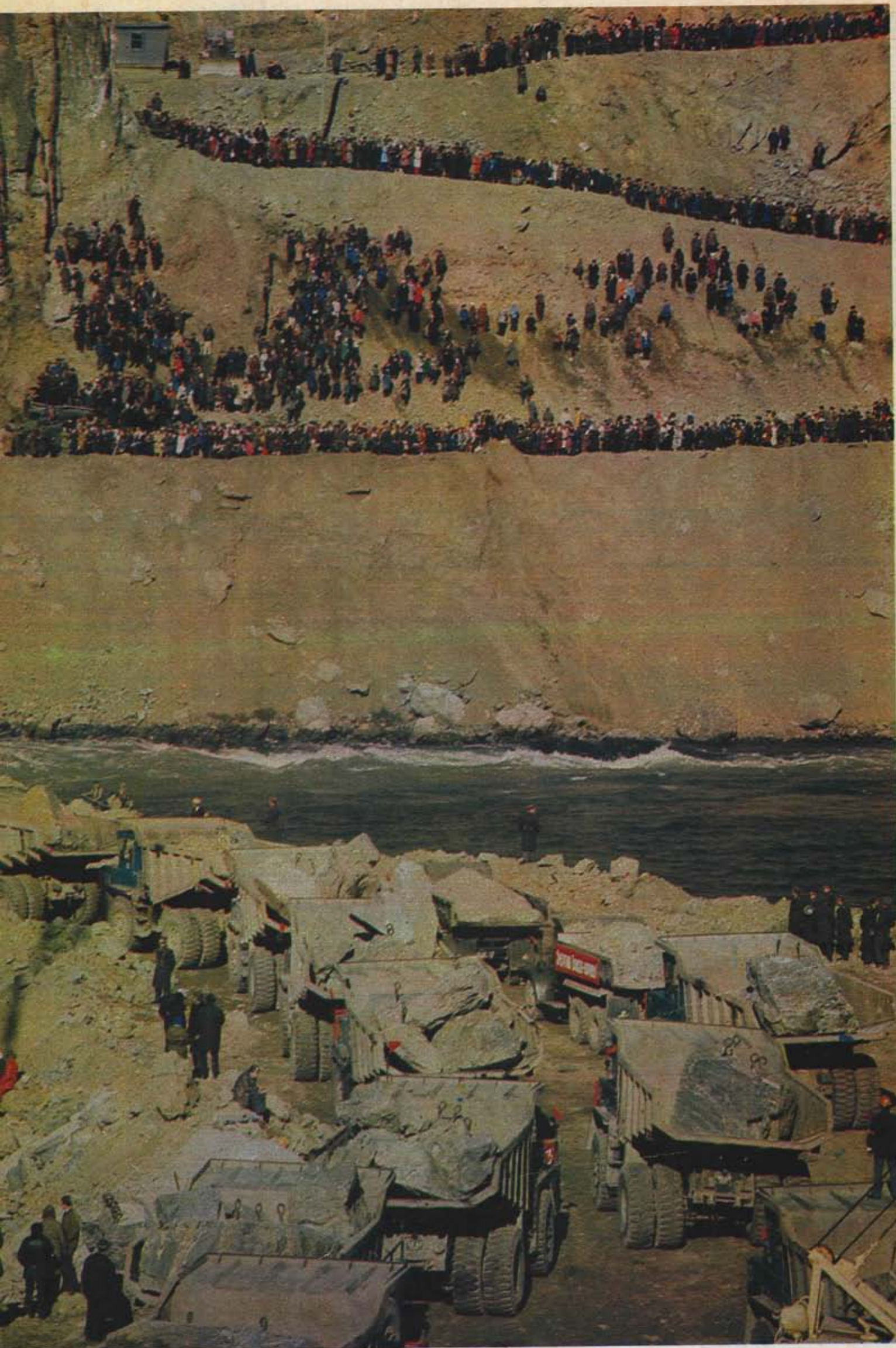
Есть у Саяно-Шушенской ГЭС еще одна особенность—она будет станцией «пиковой». Поступил сигнал о нехватке электроэнергии, скажем, из Красноярска, Новокузнецка, а может быть, даже и из Европейской части СССР, и мгновенно заработали агрегаты. Хотя все десять одновременно. Правда, при этом расход воды будет то резко возрастать, то падать, и, значит, ниже плотины Енисей начнет мелеть или, наоборот, затапливать прибрежную местность. Выход из этого положения найден изящный: построить в 25 километрах ниже плотины еще одну ГЭС—контррегулирующую. Мощность у нее будет небольшая (всего 300 тысяч киловатт), а польза огромная: Майнская гидростанция станет регулятором течения. Ее водохранилище примет всю сброшенную воду, а отправит дальше ровно столько, сколько требуется для нормальной жизни Енисея.

7. РОМАНТИКА ХОРОШЕГО БЫТА

Расхожим стал, к сожалению, в последние годы термин «уроки Братска», под которым подразумевается весь комплекс просчетов в организации жизни и быта на наших ведущих стройках. Романтика палаток и временных барачков (оказавшихся самыми что ни на есть долговременными сооружениями), рожившихся в годы первых пятилеток, впоследствии чуть ли не искусственно подерживавшаяся некоторыми нашими хозяйственниками, пытавшимися скрыть за ссылками на трудовой энтузиазм молодежи и на ее стремление пройти закалку в суровых условиях собственную нераспорядительность и равнодушие к людям.

Три жилых поселка составляют сейчас новый, только что родившийся город гидростроителей Саяногорск: Озариновое, Майна и Черемушки. И ни одного барака! Последний был торжественно снесен в этом году в Майне. Здесь строят только пятиэтажные дома городского типа со всеми удобствами. Даже молодежные общежития представляют собой обычные квартиры, в которых размещают не более двух-трех человек в комнате. Расчет точный: люди, особенно молодые, ни на минуту не должны чувствовать себя временными квартирантами, они имеют полное право на современный комфорт, на бытовое обслуживание, соответствующее городскому. Думаю, что торговому центру в Черемушках (в будущем в этом поселке поселятся эксплуатационники ГЭС) и сейчас позавидуют жители иных больших городов: универсам, универсам, книжный магазин, кинотеатр, кафе, ресторан, чуть поодаль еще два магазина и строящийся Дом культуры. Все это оформлено в едином стиле, со вкусом. То же самое можно сказать и об Озариновом и Майне, где, правда, масштабы посолднее.

Есть, кстати, и экономическое объяснение столь повышенного внимания руководства стройки к социально-бытовым проблемам. Климатические условия здесь мягче, чем в других районах Сибири, а значит, и так называемый «северный коэффициент» невысокий—1, 2. Строительство, насчитывающее всего 9 тысяч работников, отчаянно нуждается в притоке свежих сил. Строится

ПЕРЕКРЫТИЕ ЕНИСЕЯ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ, СОБРАВШИХСЯ НА БЕРЕГАХ ЭТОЙ ВЕЛИКОЙ СИБИРСКОЙ РЕКИ. ДЛЯ СЕРГЕЯ КОЛЕНКОВА (В ЦЕНТРЕ) И ЧЛЕНОВ ЕГО КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ЭТОТ ДЕНЬ БУДЕТ ДОРОГ ВДВОЙНЕ — ВЕДЬ ОНИ СТАЛИ ПОБЕДИТЕЛЯМИ В СОРЕВНОВАНИИ ЗА ПРАВО ЛИЧНОГО УЧАСТИЯ В ПЕРЕКРЫТИИ.

сейчас вся Сибирь, и немало есть районов, где платят куда больше.

— Наш козырь в этой «конкуренции»,—говорил нам начальник строительства Станислав Иванович Садовский,—максимально удобная жизнь каждому новичку, откуда бы он ни приехал.

Есть на стройке и свои проблемы, некоторые из них, на первый взгляд, вовсе не значительные, но, как показывает практика, на великих сибирских стройках любая мелочь иной раз приобретает огромное значение. Вот одна из таких «мелочей»: построили в Черемушках книжный магазин, приделали над витриной роскошную вывеску—«Былина», а продавать там нечего—пустые полки, фонды более чем скудные. Во время праздника, посвященного перекрытию Енисея, прямо в котловане был устроен книжный базар. Видели бы вы, что там творилось! Думается, что книготоргующим организациям, а может быть, и Госкомиздату РСФСР следовало бы взять под особый контроль книжные магазины на таких вот удаленных стройках.

А вот еще проблема, куда более значительная. Скоро в районе Означенного начнется строительство крупного алюминиевого завода. Но вот беда—отдана эта стройка другому ведомству, «чужому дяде», как здесь выражаются.

Со временем появится на этом небольшом, применительно к сибирским масштабам, пятачке еще одна мощная организация—серьезный конкурент «Саянгэсстрой». Нерезбериха, переманивание рабочей силы и прочие хозяйственные неурядицы, как считают тут, просто неизбежны.

А ведь «уроки Братска» имеют не только отрицательную, но и положительную стороны. Там ведь тоже строился алюминиевый завод и вдобавок огромный лесопромышленный комплекс. Возводила и гидроэлектростанцию, и завод, и ЛПК одна организация—«Братскгэсстрой» и справилась со всеми трудностями весьма успешно. То же самое можно сказать и о строящемся сейчас Усть-Илимском комплексе. Это же экономически выгодно—сосредоточить всю строительную технику, все квалифицированные кадры в один мощный кулак: есть возможность для любого стратегического маневра. И строительство обойдется дешевле.

Пройдет несколько лет, и неузнаваемо изменится Саянский коридор. На месте каньона появится еще одно рукотворное море, длиной километров в 300—350. Исчезнет навсегда Большой порог, через который рискуют проходить лишь самые отчаянные смельчаки. Жалко, конечно, расставаться с немислимой красотой енисейских верховьев, но ведь сменит ее иная красота, созданная руками людей.

Они не уйдут из этих мест, не расстанутся с рекой: впереди у гидростроителей новая великая стройка—Средне-Енисейская ГЭС, начало которой намечается на восьмидесятые годы. И кто знает, какими критериями нам придется тогда оперировать, чтобы показать величие и размах создания.

А песни, я уверен, останутся те же, потому что каждому обязательно нужно найти свой Братск и свою Ангару. Найти на всю жизнь.

Почему я тогда выбрал поезд, пусть даже скорый, самый скорый, но все же не самолет с его холодным аэрофлотским комфортом? Четыре часа — не четыре дня, арифметика понятна и первокласснику. Но железнодорожный билет уже хранился в бумажнике, а владивостокский экспресс стоял у перрона, раздумывать не имело смысла, и я с легким сердцем забросил чемодан на полку в купе.

А путь и вправду предстоял неблизкий, и пора было знакомиться с соседями по вагону, и пить без конца традиционный чай, и расписывать традиционную пульту, и выбегать на станциях за газетами, и прочее и прочее, столь же традиционное и бездумное.

В купе со мной ехали молодожены Галя и Юра, новоспеченные врачи, выпускники Московского медицинского. Их ждал маленький дальневосточный город, районная больница, «масса интереснейших операций» (по словам Юры — хирурга) и «какие люди, вы знаете, какие люди!» (по словам Гали — тоже хирурга). Впрочем, больнице был нужен только один хирург, и Галя пока собиралась работать терапевтом. Они везли с собой рюкзак с нехитрым домашним скарбом и два огромных чемодана с медицинской литературой («Что в магазинах было, все купили») и медикаментами.

— А медикаменты зачем? — спросил я.
— А как же? — заспешила Галя. — Там же нет редких лекарств, а Юрин папа помог достать. Он у него хирург, и какой! Он Юрке подарил набор инструментов — закачаешься!

— По наследству, выходит, профессия? — басил четвертый наш сосед, Геннадий Иванович, бетонщик, сварщик, камешник и т. д. и т. п., короче, вечный строитель, возвращавшийся из отпуска домой, в Находку.

— Естественно, — холодно улыбался Юра, гладил

Она коснулась рукой живота.

— Давно?

— Минут десять.

— А раньше?

— Было...

Он откинул одеяло, заслонил от нас больную, видимо, нажал на живот. Она вскрикнула. Юра посмотрел на Галю.

— Симптомы прямо по учебнику. И пульс слабый и боль.

— Думаешь, прободение?

— Похоже.

— Что будем делать?

— Что делать... — Он пожал плечами, оглянулся, увидел среди толпящихся в дверном проеме людей начальника поезда, спросил у него: — Сколько до ближайшего города?

Тот ответил, как отработавший:

— Три часа пятьдесят минут.

— Плохо. — Юра поморщился. — А поближе что-нибудь? Ну, поселок там, разъезд?

— Разъезд Таежский. Двадцать шесть минут ходу.

— Больница там есть?

— Не могу знать, — чеканил начальник поезда.

Ему было боязно, он переминался с ноги на ногу, моргал часто-часто.

— А узнать можете?

— Узнать могу. Радиограмму дадим. Только там остановка не предусмотрена...

— Предусмотрите, — отрезал Юра.

— Так точно, — почему-то шепотом сказал начальник и побежал к своему вагону.

Юра шагнул к выходу. Мы расступились перед ним, пропуская в коридор его и Галю. Меня поразило Галино лицо: осунувшееся, будто постаревшее за эти минуты.

— Что с ней? — спросил я.

— Прободная изва желудка. А результат — перитонит...

вать, то и будешь убийцей. Сам же говорил: ждать нельзя.

— Да поймите вы: не сумею я. Здесь опыт нужен. А что я умею?

— Ты же год ассистировал Коробову, — тихо сказала Галя. — Он не раз оперировал изву.

— Он оперировал, он! — закричал Юра. — А я только ассистировал. Смотрел, понимаете, смотрел!

— Значит, видел, — обрадовался Геннадий Иванович. — Глаза-то у тебя есть! Да и головой бог не обделил. Ну, парень?

— Не могу, — почти простонал Юра. — И потом: почему я? Галя тоже ассистировала тому же великому Коробову! Валдай бери скальпель, режь бабу. А меня увольте. Я боюсь. Боюсь!

Он с силой задвинул дверь нашего купе. Теперь мы смотрели на Галю. Мы уже забыли о Юре, о его криках, о его страхе. Мы даже не осуждали его за трусость: некогда было. Мы смотрели на Галю — я, Геннадий Иванович, проводница, начальник поезда, две девушки из крайнего купе и еще какие-то люди, мне незнакомые. Смотрели и ждали. И, вероятно, потому, что мы молчали, из купе учителя стали слышны короткие приглушенные стоны больной. И еще слышен был стук колес, и свист ветра в открытом окне в конце коридора, и гудок тепловоза услышали мы. И в этой гулкой и полной звуков тишине — голос начальника поезда:

— Разъезд Таежский. Тормозим...

И тогда Галя сказала:

— Хорошо. Я попробую. Только объявите по радио: вдруг в поезде есть настоящий хирург.

Вот так она и сказала: настоящий хирург. Она не считала себя настоящим. А кто, заметьте, сможет так сказать о себе? Маленький мальчик из давнего фильма говорил, что он еще только учится «на волшебника». А на волшебника учатся всю жизнь...

Галя, уже погруженная в себя, медленно вошла в купе. Начальник поезда побежал к своему радио.

Человек среди людей

Сергей АБРАМОВ

рыжую щеточку модных усов, всю изображал из себя этакого строгого профессора.

— Это хорошо, когда по наследству, — по-детски радовался Геннадий Иванович. — Мой-то Папка тоже строителем будет, как я.

Мы расписывали бесконечную пульту, и из соседнего купе приходили болеть пожилой педагог из Уссурийска, учитель географии Семен Константинович, влюбленный в свой край, а потому заранее влюбленный в Галю и Юру, выбравших для работы именно этот край, и геолог Миша, исхивший в свои тридцать пять лет Камчатку, Чукотку и Приморье. Время от времени Семен Константинович изменял преферансу, бегал в свое купе: жена его неважно себя чувствовала, предпочитала лежать и читать о любовных переживаниях королевы Марго. Вот так мы и ехали — беззаботно и весело, перевалили через Урал, катили по сибирским просторам, не ждали беды. А она пришла неожиданно и страшно...

Под утро в вагоне раздался отчаянный женский крик. Крик доносился из соседнего купе, и я сразу подумал, что кричит жена Семена Константиновича. Геннадий Иванович тоже подумал об этом.

— Никак учительша? — сказал он, прыгнул с полки, выглянул в коридор, спросил пробегавшую проводницу: — Чего там?

— Жене учителя плохо! — крикнула она. — Помирает...

— Слышали? — Он обернулся к нам.

— Пустите-ка. — Галя, уже в халатике, отстранила его от двери, бросила на ходу: — Юрка, вставай скорее! — хлопнула дверь.

Юра быстро натянул тренировочный костюм, выскочил в коридор, я поспешил за ним: долгая дорога сближает людей, и любая беда становится общей.

Жена Семена Константиновича, скорчившись, лежала на полке, стонала негромко. Бледный, с дрожащими губами, учитель пытался подложить ей под голову свою подушку. Он посмотрел на нас сквозь очки, сказал почему-то:

— Простите...

Юра властно отодвинул его, наклонился над больной, взял ее за запястье.

— Что с вами? Где болит?

СТОЯНКА ПОЕЗДА

— Она... умрет? — В голосе Геннадия Ивановича был страх.

Юра смотрел в окно, где в сизом мареве рассвета бежали деревья сплошной стеной, черной стеной.

— Не исключено, — помолчал, сказал он. — Нужна операция, сложная операция.

— Когда? Может, успеется до города?..

Юра усмехнулся, только невеселой вышла усмешка.

— До города... До разъезда бы дотянуть. Оперировать надо немедленно. Лучше всего сейчас.

В тамбуре хлопнула дверь, и в вагон вбежал запыхавшийся начальник поезда, вытянулся перед Юрой: ну, прямо солдат перед генералом.

— С разъездом связались. Врача там нет, но есть медпункт, а в нем фельдшер. Они все подготовят, они знают.

— Что они знают? — зло сказал Юра. — Как оперировать? Врач нужен, понимаете? И опытный.

— Будет врач, будет, — частил начальник поезда. — Они с областным центром сейчас связываются. Оттуда врач вылетит. Вертолетом.

Мы все с надеждой смотрели на Юру. Он заметил это, отвернулся к окну, безнадежно махнул рукой.

— Вариант не проходит... Поздно, батя, поздно. Ну, прилетит врач. Только когда? Через час? Через два? Тогда не хирург, а патологоанатом понадобится.

— Это как? — осторожно спросил Геннадий Иванович.

И тут вмешалась молчаливая до сих пор Галя: — Юра шутит, Геннадий Иванович. Глуповато, правда, но уж как умеет. — И к Юре: — Разъезд — минут через десять. Готовься.

— Ты сошла с ума!

— Готовься, — твердо повторила Галя. — Ты начнешь оперировать.

Юра резко оттолкнул ее, шагнул к нашему купе, встал в дверях, облокотившись о косяк.

— Я не хочу быть убийцей...

Он замолчал, смотрел на нас, прищурившись, ждал возражений. И возражения не заставили его ждать слишком долго. Геннадий Иванович подошел к нему, положил руку на плечо.

— Вот что, парень, если ты не станешь опериро-

Девчушки скрылись в купе учителя: помочь ему подготовить жену к переходу в медпункт Таежского. Мы с Геннадием Ивановичем стояли у окна, курили, ждали. Сквозь неплотно прикрытую дверь нашего купе слышался раздраженный голос Юры:

— Ты соображаешь, за что берешься? Это же сложнейшая операция, трудная даже для специалиста, даже в условиях стационара. Придется, вероятно, удалить часть желудка и соединить остаток с двенадцатиперстной кишкой. Ты даже не видела, как это делается.

Галя молчала.

— Ну, хорошо, видела, видела, — продолжал Юра, — да что с того? Опыта у тебя нет. Ты же убьешь ее!

Галя молчала.

— Поверь, — умоляюще говорил Юра, — начинать свою карьеру с неудачной операции глупо. Ты же деморализуешься вконец...

И тогда Галя заговорила:

— Я не хочу начинать свою карьеру, нет, не карьеру — жизнь! — с подлости. Мы врачи, Юра. А врач не может смотреть, как умирает человек. Он должен попробовать его спасти. Если он настоящий врач.

Она снова произнесла это слово. И я подумал, что она уже настоящий врач, потому что хирургом, терапевтом или невропатологом человека делает опыт, а Врачом он должен быть с самого начала своей работы. Вот так: именно Врачом — с большой буквы...

Поезд окончательно остановился, захлопали двери, в вагоне появились две женщины с носилками.

— Где больная? — спросила одна из них.

— Где врач? — спросила другая.

— Я врач. — Галя вышла из купе, сказала нам: — Возьмите мой чемодан. Он тяжелый, я не дотащу. — И к женщинам: — Выносите больную. У вас все готово?

— Мы все стерилизовали. И из области хирург уже вылетел. Будет через час.

— Вот и славно. Пошли.

Жену Семена Константиновича перенесли в медпункт. Мы с Геннадием Ивановичем доставили туда же действительно нелегкий Галин чемодан. Врача в поезде не нашлось, но зато — на счастье! — в седь-

мом вагоне ехала медсестра как раз из хирургического отделения. Она уже облачилась в белый халат, вышла на крыльцо, приказала нам с Геннадием:

— Никого не пускать.

— Сделаем!—кивнул Геннадий Иванович, а я сказал ему:

— А вам-то чего оставаться? Езжайте, поезд сейчас тронется. Опоздаете.

— Не беда,—отмахнулся он.—Другим поезду. А бросать людей не хочется. Им сейчас помощь ох как понадобится. Вы тут постойте пока, а я наши вещички из вагона принесу, лады?

Вместе с ним из вагона вышел Юра, тоже с вещами, подбежал к двери медпункта, не обращая на меня внимания, крикнул:

— Гали!—И когда та отозвалась:—Хочешь, я буду ассистировать?

За дверью помолчали, а потом послышался спокойный голос Гали:

— Конечно, Юра. Спасибо тебе.

...Мы сидели с Геннадием Ивановичем на ступеньках крыльца, курили, смотрели на уходящий поезд, на ребятишек, играющих в железнодорожной полосе отчуждения, на тайгу за рельсами. Чуть поодаль, обхватив голову руками, прямо на траве сидел Семен Константинович. Мы не окликали его, не беспокоили.

Я сейчас не скажу точно, когда прилетел вертолет с хирургом. Геннадий потом говорил, что с начала операции прошло всего двадцать пять минут. Зеленый стрекочущий кузнечик МИ-2 приземлился поблизости от здания разъезда. Винт еще продолжал крутиться, а из вертолета выскочили два молодых парня—немногом старше Гали и Юры—в белых халатах, побежали к нам.

— Где больная?—быстро спросил один из них.

Я показал на дверь медпункта.

— Идет операция.

чи,—тут он присанкисел, покрутил несуществующий ус,—сами видите.

— Вижу,—засмеялась Гали. Она как будто и не устала вовсе, светилась вся радостью.—Да только меня ждут.

— Муж, что ли?

— Люди ждут. Они везде хорошие, не только у вас.

Гали сбежала с крыльца—даже ступеньки закрипели!—понеслась к тайге, сорвала с головы белую косынку: волосы рванулись по ветру.

Хирург из области даже присвистнул от восхищения:

— Ах, хороша девушка!—повернулся к вышедшему на порог Юре:—Вы ее давно знаете или так, попутчики?

— Давно,—сухо сказал Юра.—Она моя жена.

— Вот оно что,—проткнул хирург, критически осмотрел Юру.—И вы, значит, врач?

— И я...—Юра неторопливо пошел по вытоптанной траве к железнодорожной линии, перешел через насыпь, сел рядом с Галей. Они о чем-то заговорили.

— Пора и в путь,—сказал хирург.—А знаете,—обратился он ко мне,—когда она сказала, что это первая в ее жизни самостоятельная операция, я не поверил. Уж больно уверенно работала.

— Сама закончила?—поинтересовался я.

— Сама. С ассистентом. Я только помогал, подсказывал. А руки у нее умелые. И характер есть, видно сразу. Ну, бывайте, путешественники. После завтра за большой вертолет придет, а пока Галина Петровна за ней присмотрит. Все равно вам поезд ждать...

Винт вертолета дернулся, пошел по кругу—начала медленно, потом все быстрее, быстрее, слидя в один солнечный диск. Машина приподнялась над землей, повисела секунду, рванулась вверх и пошла над верхушками елей, едва не касаясь их шасси.

ВНЕ РАСПИСАНИЯ

— Кто оперирует?—удивился врач.—Передали, что в поезде нет хирурга.

— Вот и ошибочка получилась,—сказал Геннадий Иванович.—Хирург-то есть. А вы ему помогите, помогите. У вас, поди, опыта побольше, чем у него.

Когда за ними закрылась дверь, Геннадий удовлетворенно вздохнул.

— Ну, теперь порядок. А то я, честно говоря, малость побаивался за девушку. Муж-то ее правопыта кот наплакал.

— Что же, по-твоему, зря она взялась за операцию?

— Что ты, что ты,—замахал рукой Геннадий.—Как можно!—И улынулся:—Молодец Галочка. Побольше бы таких врачей.

— Да ты погоди,—я и не заметил, как мы перешли на «ты»,—операция еще не кончилась.

— А я и не тороплюсь. Только знаю: все будет хорошо...—И неожиданно спросил:—А может, Пашка мой врачом будет? Черт с ней, с наследственностью!

— Сколько лет твоему Пашке?

— В ноябре шесть будет.

Что ж, подумалось мне, вполне возможно, что шестилетний Пашка будет врачом. Или все-таки строителем. Или машинистом тепловоза. Не суть важно. Важно, чтобы он был человеком—в любой профессии. Как Гали.

Позади нас хлопнула дверь, на крыльцо вышел один из прилетевших хирургов. Он стоял, щурился на солнце, стигивал с ладоней-лопат длинные резиновые перчатки. Посмотрел на Семена Константиновича, по-прежнему сидящего в стороне, крикнул:

— Эй, папаша, выше нос! Жива твоя половина. Тебя еще переживет!

Семен Константинович поднял голову, глянул, будто не понимая, потом вскочил, рванулся к двери, хирург задержал его.

— Погоди, папаша. Пока нельзя. Увидишь еще свою жену, она здесь пару денечков полежит, а там мы ее к себе заберем, в больницу.

Он обернулся к выходящей из медпункта Гале:

— А что, Галина Петровна, оставайтесь у нас. Больница хорошая, больные тоже. А уж вра-

— Пройдемся?—предложил Геннадий Иванович. Мы выбрались на железнодорожное полотно, пошли по шпалам, как в детстве—стараясь не пропустить ни одной. Внизу, у самой кромки тайги, сидели Гали и Юра. Грешен я, но прислушался к их разговору, не мог не прислушаться, поймал отрывок.

— Все-таки злишься, Галка?

— С чего ты взял?

— Что я, слепой? Ну, перенервничала, напряжение сказывается, понимаю. Но зачем же со мной ссориться?

— Да не ссорюсь я с тобой.

— Тебя словно подменили после операции.

— До операции.

— Что до операции?

— Подменили.

— Ненормальная...

И все. Дальше я не слышал. И к лучшему: ведь и эти короткие, гаснущие на ветру фразы не для меня предназначались. Заглянул и в чужие отношения, в щелочку заглянул. А имел ли право?

— И так все ясно,—заметил Геннадий, будто подслушал мои мысли.—А то, что услышали, не открытие.

— И ты слышал?

— Не глухой. Я тебя вот о чем спрошу: как она с ним дальше жить будет?

— Обычно. По утрам—в больницу. Обход, операции, прием больных. По вечерам—лекции в клубе, может быть, кино, книги, телевизор. Как живут в маленьких городах?... Э, нет, брат, хоть сам с собой не крути: не сможет она обычно, не тот характер. Такие предательства не прощают. Не ее он предал—дело свое. Общее дело. Которое—жизнь.

Мог бы и обо всем этом сказать Геннадий, мог бы обсудить с ним ситуацию, поговорить о долге, о чести. Но неожиданно для самого себя произнес:

— Самы разберутся.

И он кивнул согласно:

— Придется.

И опять мы шли по шпалам, по бетонным брускам, и гудели над нами провода, качались провода: гулял ветер над тайгой. Как там в сводках погоды? Умеренный до сильного...

Сергей ПОЛИКАРПОВ

Декабрь сорок первого

Семибалльный заул у метели,
Буйство снега,
Куда ни взгляни...
Словно шерсть в прошлогодней кудели,
Перепутались сивые дни.

Снегом
Окна прочеркнуты косо,
Будто зыбким бумажным крестом...
Давних дней донеслось отголосье,
Закружилось в избе ветровой.

Перепутались песни
И плачи,
На единый напрялись клубок...
Я еще несмыслен,
Полузрячий
И залиivist,
Как глупый щенок.

Мне осмыслить еще
Не под силу
Ледостава пространной беды,
Что под берег московский помилла,
Подбираясь
Под пламя звезды.

Мел декабрь сорок первого года,
Веял стужей
Беды ледостава,
Пролетали сквозь станцию с хода
За составом военным
Состав.

Песня, будто тяжелая птица,
С них взлетала,
Над нами паря:
«Дорогая моя столица...»

И седые пути декабря,
Как от талого ветра,
Теплели,
И солдатки
Вослед поездам
Проясненно,
С надеждой смотрели
И платки подносили к глазам.

Как рассветает в городе большом?
Сперва на весь квартал
Одно окошко
Засветится,
Как глаз пугливой кошки,
Зеленым недоверчивым огнем.

Потом другое вспыхнет.
Погода
Огни,
Как светляки в еловой чаще,
Спокойней загорются и чаще,
Все убыстряясь,
Как напор дождя.

И вот уже
Во все глазища дом
Уставился в стоглазого собрата,
И темь,
В лучах напористых зажата,
Дух испускает
Мыльным пузырем...

И день
Цыпленком желтым семенит,
Из радужной явившись оболочки,
За первым пешеходом,
Как за квочкой,
И не отстать в дороге норовит.

Красота родной земли

Алексей НИКОЛАЕВ.
Фото Виктора КОРНЮШИНА.

НА ОКЕ У ПОЛЕНОВА

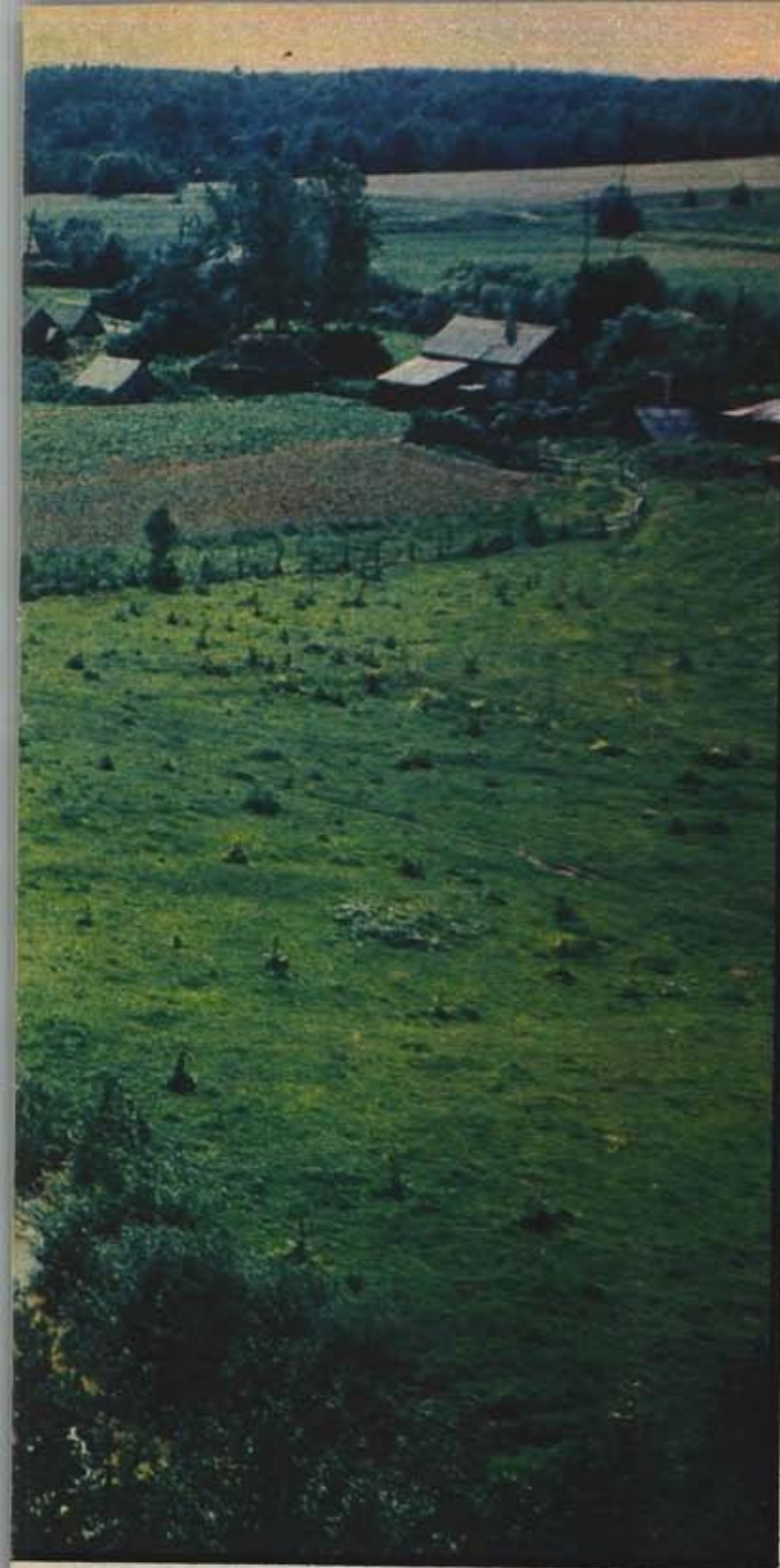
Других дорог нет. Собственно, дорог много, но в поленовские места выбирают одну — по Оке. От Серпухова или Алексина — вверх ли, вниз, но непременно по Оке, потому что без Оки нельзя представить себе Поленова.

На сей раз решил я нарушить традицию и пробираться в знаменитые места берегом речки с загадочным названием Скинжка. Не пытайтесь отыскать Скинжку даже на самой подробной карте: по имени-то величает ее не каждый житель окрестных деревень. Для большинства она безымянная — просто речка.

— А и пройдишь, — говорил мне в деревне Страхово сухой коричневый дед, гревший старость на лавочке возле зеленого палисадника, — Василий-то Дмитрич не одну, поди, пару сапог истрепал, тут хаживаючи со своим ящичком.

Так, когда лето стояло в ранней своей поре, отправился я к дому художника его следом.

Речка, узким овражком перерывшая деревню, пряталась в раскидистых ветлах, орешнике и кустах ивняка и была, по народному слову, кури-

КРАСИВА ЭТА ЗЕМЛЯ НЕ ВЕЛИКИМИ ТОЛЬКО, НО И МАЛЫМИ РЕЧКАМИ.
ВЕТЕР С ОКИ.

це до колена. Но в мутноватой после вчерашнего ливня воде на тихих бочажках стояли терпеливые ребячьи поплавки, и было все так, как бывает в эту пору едва ли не во всякой деревне Средней России.

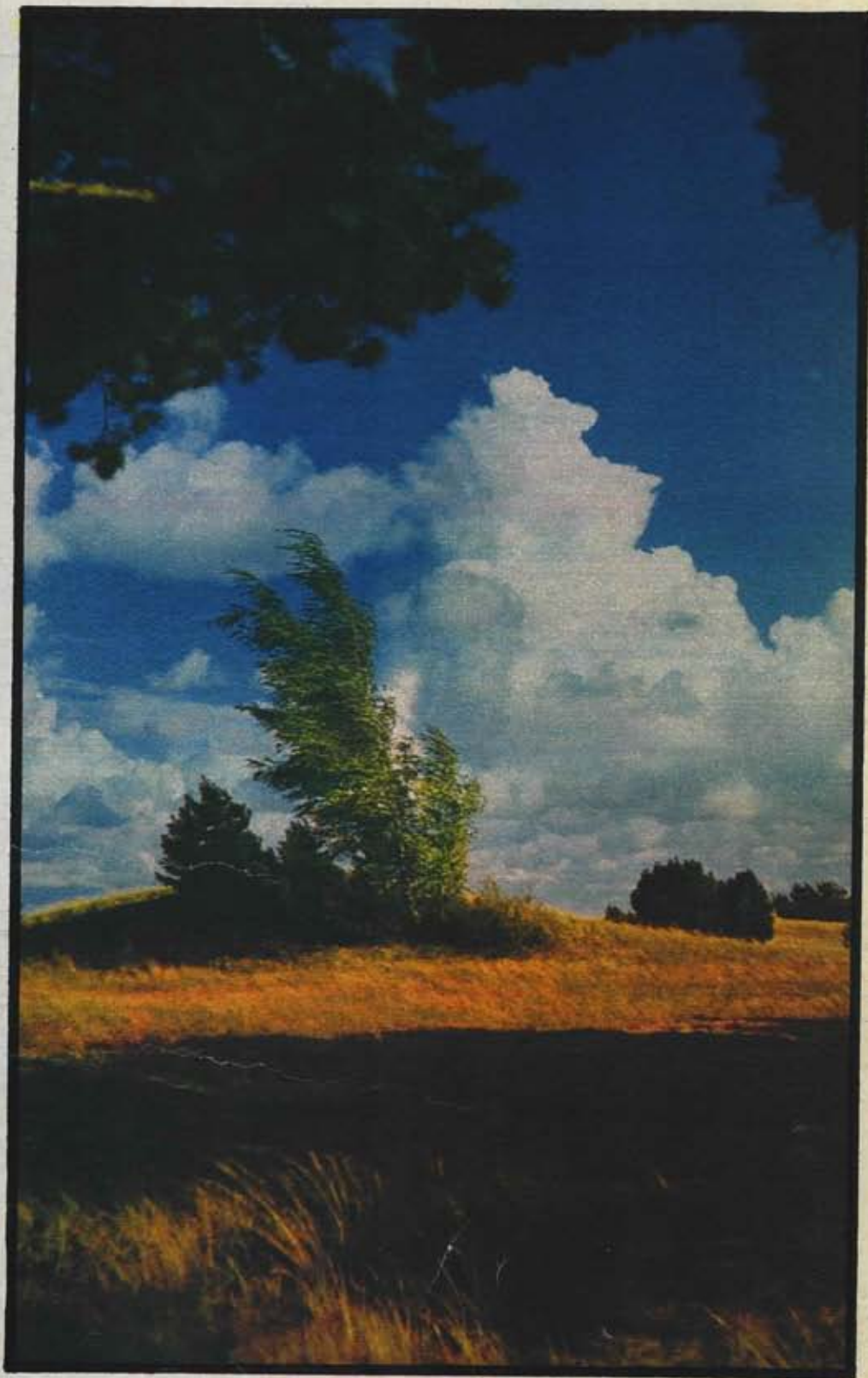
Жаркий полдень разморил деревенскую живность, и потянулась она, не исключая собак, в прохладную тень укрытой зеленью Скнижки. Но день так хорош, тих и спокоен, что и тут каждому лень было проявлять природой данный характер. Собакам не то что взбредить, глаз раскрыть не хочется на чужого прохожего. Блаженствуют в речке гуси. Пестрые коровы, бородатые козы, круторогие бараны лежат на берегу, как львы на старинных воротах.

Но буколическая эта картинка кончается у околицы, где перекинут через Скнижку висячий мост. А правду сказать, будь тут посередке камень или коряга какая, любой мальчишка перескочит речку в два маха. Мостик же такой конструкции устроен в бережение от половодья, которое бывает по весне лихим и на такой малой речушке. И сложен он на диво лов-

ко — с мужицкой простоватой хитрецой. С овражного берега карабкается мостик на развилку старой ветлы, а от нее сбегает шатким сходом кривых дощечек в густое пахучее разнотравье — с гудением шмелей над россыпями фиолетового клевера, со стрекотом кузнечиков, качающихся на тонких стеблях розового горичника, и тихим потрескиванием стрекоз, замирающих над желтыми головками лютиков.

Не стал бы я утомлять читателя и столь обильно славословить скромный мостик через скромную речку, но подумалось тут: будь мостик при жизни Поленова, быть может, имело бы русское искусство теперь такой же прекрасный и по-поленовски тонкий пейзаж, как «Заросший пруд», «Деревня Тургенево», — умел он увидеть неприметную чужому взгляду, но полную чистой поэзии красоту Средней России в самом простом ее проявлении.

Проста, неприметна сразу и маленькая речка Скнижка. Течет она себе, петляет в зеленых берегах, выбежит на открытую луговину, сверкнет уз-

КРУЖЕВА ПРИРОДЫ.

НОВОЕ ИМЯ

Лариса ФЕДОСОВА,
инженер

Сколько людей начинали свою трудовую жизнь у заводской проходной! Через нее входили они в свое будущее, утверждая себя членом безграничного общества создателей.

Мне бы очень хотелось, чтобы Лариса Федосова, входя в большую литературу, чувствовала бы себя так же беспокойно и радостно, как чувствует себя у проходной завода в первый день выпускник ПТУ. Это желание не случайно.

Много лет я знаю молодую поэтессу. Я читал ее первые стихи, когда она была сварщицей на авиационном заводе. Это была первая проба пера. Но сколько человеческих чувств отражалось в проникновенных, хотя еще не окрепших строчках!

Шло время... Сварщица стала инженером-металлургом. И вместе с ее ростом набирали силу стихи, отражающие прекрасный, радужный мир, полный света, красок, счастья и боли. Глубокий лиризм — вот что определяет сегодня главное направление творчества молодого поэта. Потому-то стихи поэтессы заставляют верить в ее искренность, в ее жизненную активность.

*Верни земле горячее зерно!
Паши и сей,*

не ведая покоя.

И день и ночь...

Всему положен срок!

Положен срок и созреванию поэта как творческой личности. Вот почему с чувством удовлетворения хочется представить требовательным читателям подборку стихов Ларисы Федосовой.

Она подошла к проходной большой поэзии, гостеприимно открывающей двери одаренному человеку, за спиной которого сама жизнь.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Вьетнамскому мальчику

*Бабочки мальчишка раскрасивал,
Синие, с веселыми крыльями!
Но упали самолеты страшные,
Крыльями деревню накрыли!*

И летели бомбы,

беснуясь...

*Кто-то пискнул жалобно: «Мамочка!»
И деревня в небо взметнулась,
Будто черная-*

черная бабочка...

*Забуду ли привет родного края?
Как крупен дождь!*

Как слезы солоньи!

*Забуду ли тебя, моя родная?!
Мой бег...*

и ощущение вины.

И смутную,

размытую равнину,

*Где черная звезда меня вела!
В беспамятстве мне было все едино.
Одна тоска: ступить на край села!
Припасть к избе,*

к руке твоей слепой,

*К невянущим лоскутным одеялам.
Пой, мама!*

Пой, святая, надо мной.

Пой весело!

Как прежде мне певала...

кой струей на солнце и тут же, по одной ей ведомой прихоти, свернет в излучину и снова спрячется в густую прохладную тень старых ветел. Только и слышно, как, урча, подмывает она корни деревьев, звонко поговаривает на перекатах, а потом вдруг станет тихим омутом, присмиривает и замолчит. Но куда там! Снова повернула она, юркнула в излучину и заговорила уже в узеньком русле.

Так и бежит себе речка: поговорит, замолчит, отдохнет в бочажке, быстро припустится на перекате, а на взгорках и в сухих гривах роет себе овражки поглубже — все такая же легкая и веселая. Меняются берега по обе ее стороны. На правом кончились старые ветлы с серебристо-сызким подбоем острых листьев, пошли дальше дубки попеременно с березами, липами, кустами орешника и черемухи у самой воды. Левый берег открыт солнцу и подымается чистой, ослепительно яркой луговиной к сквозному сосновому бору с россыпями земляники, своим особым — кафедральным — светом и густым прозрачным воздухом.

Хороша речка, красива! И как-то ясно представилось: а ведь при Поленове иной была Скнижка, не таким щедрым было зеленое ее укрытие. Красота речки была иная, но, конечно, такая же притягательная. За это и любил ее художник, и преподносила она ему подарок за каждой излучкой, как теперь преподносит нам.

На подходе к Оке Скнижка течет в глубоком овраге, плотно укрытая густыми, едва пропускающими солнце деревьями. В низком этом своде стоит над речкой зеленый сумрак. Идти у воды можно теперь только по груди в крапиве, ломая перед собой тугие и гулкие трубки дягиля, вымахавшего выше человека. Надежно прячется за ним Скнижка от чужого взора, точно готовится к какому-то таинству, придумывает всякие хитрости, и, чтобы не съехать в воду по крутому берегу оврага, то и дело цепляешься за ускользающие ветки лещины; иной раз ухватишь ненароком и метелку старой крапивы.

Но рано или поздно вознаграждение приходит. И когда Скнижка окончила свой путь, а я, шагнув все-таки в воду, выбрался из зеленого сумрака ее устья на влажную песчаную косицу, принадлежащую окскому берегу, — трудности дороги окупилась.

Знакомая-перезнакомая Ока предстала как невиданное чудо. Пробираясь к ней под зеленым сводом маленькой речки, я и не заметил, как прошел короткий летний дождик, и теперь Ока сияла, как умеет сиять только она одна, и о дожде можно было догадаться по мокрому ивовому кусту на песке. И сейчас же память откликнулась голосом Константина Георгиевича Паустовского, словами его, которые после первого прочтения не могли не врезаться в сердце: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю прелесть Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки».

Яснее ясного. Величественная Ока бесконечна даже в малых своих проявлениях. Можно долго смотреть, ощущая всем существом, — точно кровь в собственных жилах, — как гладит песок тихая и мягкая ее вода. По законченности художественного образа Ока, быть может, самая совершенная из всех наших рек. Нет в ней ничего резкого, нарочито эффектного, она мягка и пластична даже в грандиозных своих чертах. Вот почему с одинаковым волнением можно любоваться самым просторным ее плесом и тем, как накатывает тихая ее вода на маленькую косицу.

Всякий же раз, когда попадаешь в эти места на правом берегу Оки в двадцати двух километрах от Серпухова, чувствуешь себя у Поленова, человека, посвятившего Оке сорок лет своих трудов. Сама собой приходит потребность подняться на берег, взойти на крутой и высокий холм, самый любимый художником, где простая его могила теперь и где столько раз ставил он этюдник.

А было это и в дни весеннего

ледохода, когда, гулко ухая, отзывается эхом в берегах, ломает Ока покрытый ноздреватым снегом лед, крутит и переворачивает его зелеными, сверкающими на солнце торцами. Было и в пору первых побегов берез с клейкими, едва проклюнувшимися листьями, такими тонкими, что сквозь них просвечивает темная хвоя сосен. И в пору буйного летнего цветения, которому щедро отдает окская поляна обильные соки, и точно в награду за щедрость несомненно звучит над зацветающими овсами песня невидимого, шалеющего от счастья жаворонка. Было это, и когда в слову подоженной с обоих берегов реке полыхает отраженный пожар золотой осени, а колеблемая ветрами Ока сама раздувает пламя. И в те короткие дни с морозящими дождиками, когда приходит любимая им «лиловая» осень, а задумавшаяся Ока слабо светится в тончайших переливах серого. И в те еще более короткие дни с притихшими, стынущими берегами, когда зябнет голая земля в ожидании первого снега. И еще потом — когда приходит этот час природы...

Холм над Окой сам по себе целая история русского искусства. Отсюда написаны многие поленовские шедевры: «Ока с высокого берега», «Первые заморозки», «Ранний снег», «Ледоход на Оке» и жемчужина русского пейзажа — «Золотая осень». Нужно подняться на высокий поленовский холм, чтобы увидеть всю Оку. А Поленов видел отсюда и дальше.

Не знаю, есть ли еще места на земле такого широкого, мягко-задумчивого, пронзительно-тонкого и в то же время ошеломляющего простора. Но, думаю, не отыскать в иных, пусть самых прекрасных, землях таких мест потому, что все, что сошлось в окском пейзаже, выражает и национальный характер нашего народа. Не потому ли Пришвин назвал Оку самой русской из всех русских рек?..

Быть может, в этом и заложен корень любви, которая приводила в разное время на окские берега заме-

чательных русских людей, отдавших ей сыновнюю дань сердца, — поэтов, художников, писателей, композиторов. Этим путем пришел сюда и Василий Дмитриевич Поленов. Но, пожалуй, самое удивительное в его судьбе, что к моменту первого приезда на Оку Поленов был уже прославленным пейзажистом. Уже написаны «Московский дворик», «Заросший пруд», «Бабушкин сад», блистательный цикл абрамцевских пейзажей. Но ведь, чтобы создать такие вещи, кроме бесспорного мастерства, как ни в каком ином жанре, пейзажисту нужно преданно и беззаветно любить изображаемую натуру. Без такой любви не могли, конечно, быть созданы эти холсты, в каждом из которых художник оставил частицу сердца. Но вот поездка сорокатырехлетнего Поленова на юг, случайный, быть может, взгляд из окна поезда, переезжавшего Оку... Этот момент стал началом сладостного плена, в который взяла маститого художника русская река. Затем поездка с учеником своим Константином Коровиным на этюды, всего шесть дней, — и судьба художника решена. Ока взяла его в плен на всю жизнь. Случилось так, что здесь, в Средней России, на Оке, Поленов нашел то, что можно назвать полным счастьем художника, ибо именно здесь, через эту русскую природу, с наибольшей силой выразил он себя, свое отношение и любовь к Родине. Здесь оставил Василий Поленов сердце своего искусства — свое сердце.

Когда видишь в музеях то, что сделано Поленовым на Оке за сорок лет, изумляешься не плодovitости этого периода творчества, не виртуозному мастерству художника, а тому, как же нужно было полюбить и прикипеть сердцем к одному краю земли, чтобы создать эту поразительную по глубине чувства и искренности галерею русского пейзажа на малом ее кусочке и сказать о родной природе все!

И здесь я должен вернуться к одной из поездок в поленовские места. Кроме пиршества красок осенней Оки — с горящим золотом и киноварью на фоне густой зелени сосен, с

*

Эту грозную ночь
напролет
Колобродил над рощей гром!
А к утру
закружил самолет,
Заметался
птицей багровой...
Рвался он к высокому небу
Из-за склочной,
свинцовой тьмы,
Но, в бою неравном
ослепнув,
Он не мог над рощею взмыть!
Бредил он...
он шел на прорыв...
Перед ним светала Россия!
Только грянул в зените взрыв—
И упали дожди косые...
А над рощей
гудел рассвет,
Набухали, как почки,
грозы.
Дымным облаком таяла смерть,
И парили над ней
березы...

*

Голова моя то тяжелеет,
То горит, как солнышко,
огнем!
Ни о ком я нынче не жалею
С нежностью такою,
как о нем!

Кустик,
цветку любиму:
«Милый!—
Я шепчу.— Ты у меня один...»
Никогда в глазах так не рябило
От летящих надо мной рябин.
Никогда мне не было так страшно—
Вдруг могло тебя не быть!
Не быть...
Нынче ни о чем меня не спрашивай—
Я могу лишь плакать да любить.

*

И устанешь,
и все не ладится...
Дел...
А ну их! Невпроворот!
Уродилась я, видно, нескладница,
В самый черный, нечетный год.
Я пойду бродить,
я простыну
И ведунье-звезде вопреки
Свой горячий камень закину
В мутный омут Москвы-реки.
И вернусь—до света сидеть,
Над больною доченькой петь...

*

Протяжной ивой кану в пламень Леты,
Тоской тебя
прощальной
опалю.

Прислушайся:
я вод бродячих лепет,
В горячих струях искрами парю.
О, оглянись...
Едва ль спасешься бегством!
Твой мир стал черно-белым без меня.
В твоей душе
внезапный отблеск детства
Померк печально
на исходе дня.
И синь такая...
будто кто-то умер!
И смерти вопреки
Спаси меня
от поминальных сумерек,
Останови
звонящий бег реки...

*

Памяти Героя Советского Союза
А. Молдогуловой.

И земли родимой
клок не спас!
Между рваным небом
и траншеей—
лоб твой,
страстный росчерк глаз,
струйка крови
тоненько по шее.
Капли?
Нет... то ягоды в снегу,
земляника,
аленький цветочек,
женщина застыла на лугу
и певуче кличет: «А-у, доченька...»
И адали дрожит Булак-гул...
Но рванут оранжевые кони!
И березка, над тобой ссутулась,
ветви обожженные уронит.

голубеющими, за край земли уходящими даями, зеркальным чистым плесом реки и опрокинутым в нее небом,—такими же живыми и волнующе трепетными вставали в памяти два шедевра русского пейзажа — «Золотая осень» Поленова и ученика его Левитана. Именно здесь, на осеннем окском холме, а не в залах галереи я понял, как по-разному могут художники видеть и чувствовать одно и то же состояние природы, одни и те же ее краски и как по-разному, но одина-

ково правдиво выражать истину. Левитан открыл нам тончайшую мелодию русской осени, постоянно ускользающий, но необыкновенно сильный мотив ее. Поленов дал своим шедевром законченный, совершенный, хочу сказать, эпический образ русской осени, расширив его до образа Родины, облек в отточенную, как бы отчеканенную форму, сохранив при том все лирическое обаяние и прелесть этой осени.

«Золотая осень» хранится в поле-

новском доме на Оке, в музее, носящем его имя,—одном из крупнейших мемориальных художественных музеев страны. В стенах этого дома находится самая полная коллекция окских пейзажей Поленова, прекрасное собрание картин его учеников и современников, но этим отнюдь не ограничиваются достоинства дома-музея, музея, прямо скажем, замечательного, посетить который должен каждый, кого влекут искусство, природа, кому дорога русская культура.

Здесь чувствуешь аромат разных ее эпох, а это могут создать только люди, отдающие делу всего себя. Впрочем, горизонты творческой работы музея столь обширны и значительны, что требуют отдельного серьезного разговора. Надеюсь, он состоится. Мы же закончим начатый — о поленовских местах.

Приезжая на Оку, к Поленову, всякий раз ревниво оглядываешь окрестности в поисках перемены и всякий раз не перестаешь удивляться своему чувству к этим местам.

Казалось бы, и не новичок, не раз бывал, возвращался и снова приезжал, давно вижу бесконечные окские плесы за чередой излучин, длинные песчаные отмели посреди реки, на которых важно и терпеливо стоят серые цапли, уже отвыкшие от неторопливого шлепанья пароходных плещ по тихой воде и начинающие привыкать к отрывистому постукиванию дизелей «Зари». Сам ты уже привык к этим переменам. Привык к тому, как чертят белопенные вензеля по окским плесам «Казанки» с «Вихрями» и «Прогрессы» с двадцатипяти-сильной «Москвой». Привык, что редко встретишь теперь долбленную осинку на старом, весельном ходу в две мускульные силы — отжила свой век. Привыкнуть можно ко всему новому, но никак не привыкнешь к Оке, которая, сколько бы ни возвращался к ней, всегда нова. Давно уже знаешь, как после жаркого полдня ударит вдруг ветер, заиграют по реке отрывистые, потом раскатистые волны, посереет Ока, нахмурится и станет синей, словно по самое дно вобрала в себя пугающую темную синеву тучи, закрывшую полмира и половину Оки, потому что вторая половина реки светла, ослепительно блестит под невидимым солнцем, и странно бывает смотреть на неземной этот свет из-под синего свода грозы. Но прокатится гроза — окская гроза, есть ей где

КОЛЫБЕЛЬ ПОЛЕНОВСКОЙ ЖИВОПИСИ — ОКА.

СТОЛЕТИЕ БЕЛЕЕТ УЖЕ ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМ НА ЗЕЛЕНОМ БЕРЕГУ.

разгуляться! — свалится в ту, другую половину, и снова вспыхнет река светом. Не очистилось еще небо, а на мутно-сизых его пологах ходят над Окой радуги — одна, другая, смотри, и третья перекинула коромысло: и страшной грозе и светлым радугам не тесно, не низко — вольготно живет над Окой... Знаешь ты и это. Привык? Да полно! Кто ж привыкнет к Оке настолько, чтобы заново, как в первый самый раз, не радоваться каждой новой встрече с нею?! Одно слово — Ока...

Но есть и другой лик поленовского края — луга. Знакомству твоему с лугами тоже вот уже... много лет. Но и теперь, как раньше, утром до солнца уходишь в луга, где был когда-то твой первый выстрел — неудачный, конечно. Но вспоминать об этом хорошо, когда идешь росным утром по заливному лугу без дороги да без цели особой, а так — смотреть, слушать, думать. Лежит над лугом слоистый туман, верхушки стогов темнеют над блеклым его молоком. (Как это написал бы Поленов?!). Идешь даль-

ше, и тихо, торжественно — как корабли из тумана — выплывают навстречу стога. Сладко пахнет багульник. Потревоженные шагами, завозились где-то в кустах дрозды, значит, рядом должно быть озерко. Не про него ль говорил дядя Прокопий, что в старое время «карасть тут водился о-обширный!». Где теперь Прокопий? Может, по егерской, бакенской, плотницкой или какой другой части — ведь на все руки мужик... Стоп! Что-то новое — пошли хвощи, кажется, раньше не встречал... Кр-ря! Кря-кря-кря! Вспугиваешь уток, забишихся на ночь в крепь. Поднимаются шумно, тяжело (отъелись на окских харчах!), с глухим треском крыльев, с испуганным кряканьем и, как всегда в темноте кажется, из-под самых ног. Нет, место знакомое и не осиротевшее еще живностью. Вот и чащобник темнеет; помнится, тянулся он по пересыхающему в межень ручью прямо к реке. Тут до Оки рукой подать. Так и есть: слышишь не сравнимый ни с чем запах воды и свежих водорослей. Туман посветлел, но не отошел еще, Оку только слышно. Тяжело ударила щука, и эхом отозвалось ей на том берегу:

— Ви-и-тька-а! Жерлицу-то-о приваза-ал?..

Теперь и не сочтешь, сколько раз бывал в этих краях, исходил, кажется, вдоль и поперек и леса, и луга, и берега окские, все видел, все знакомо, а вот тянет поехать. Может, оттого и тянет? Да и как не поехать, даже ради одного последнего вечера на Оке! О нем и рассказать-то невозможно толково: так хорошо... Как расскажешь о закате, когда солнце опускается за Игнатьеву гору на заречной стороне, а верхушки тамошнего леса перекинулись через всю гладь Оки и легли, отраженные, к Скижжину устью? Как расскажешь о соловьиных потемках черемухи на склоне поленовского холма?..

Нет, надо ехать!..

И НЫНЕ БЕРЕГУТ ЗЕМЛЯКИ ПОЛЕНОВА — ЭЗИЮ ПОЛЕНОВСКИХ КРАСОК.

ПОЛЕНОВО — ВЕК МИНУВШИЙ.

ПРОШУ СЛОВА!

Уже близится к концу первый вузовский семестр, уже давно высохли слезы у «неудачников» этого года, уже прошло достаточно много времени после публикации писем Олега Янона и Сергея П. («Смена» № 16, 1975 г.), а отклики на них все идут и идут в редакцию. Не стало их меньше и после того, как мы поместили читательские письма на страницах 22-го номера. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию еще часть полученной нами корреспонденции.

МОЖНО УЧИТЬСЯ И ЗАОЧНО

Дорогая редакция! Я не сверстник Сергея и Олега, открывшие письма которых опубликовала рядом (и правильно сделала) «Смена» под рубрикой «Прошу слова!». И незабываемые студенческие годы у меня давно позади. Но тема эта все так же близка и волнует по-прежнему, а характер мыслей этих юношей не оставляет безучастным.

Знания... Помните, с чем сравнивала их — наше духовное богатство — Н. К. Крупская? С винтовкой в бою! Как метко и убедительно сказано! «Век живи — век учишься» — так говорит народ. А какими титанами мысли стали лучшие дети земли, те, кто никогда «не позволял душе лениться»!.. Вспомним и горьковские университеты — какой прекрасный пример для вас, Сергей и Олег, для всех нас...

Только вот что беспокоит... Сегодня еще нередки случаи, когда вчерашний десятиклассник, провалившись на экзамене в вуз, считает, что уже все пропало, потому что, оказывается, и родители ему внушали да и сам он уверовал в одну «истину»: после школы — только в институт, а если недобор баллов — трагедия...

Казалось бы, все ясно: в институт должны поступать по призванию, а не случайно. Но вот читая письмо Олега Янона и невольно думаешь: для иных наших совсем еще юных граждан вуз — самоцель. Для них главное — поступить любой ценой (а подчас и в любой институт). Но зачем же, во имя чего? Оказывается (сами признаются), для них «на институте свет клином сошелся». И они, видите ли, хотят быть... «в лучшей половине». Читать это, право, неприятно, выходит, Олег, тех, кто отлично трудится, но не имеет вузовского диплома, ты причисляешь к «худшей половине»?

«Отчего люди так поздно узнают?» — размышляет второй юноша — Сергей, имея в виду и себя, свой пока еще небольшой жизненный опыт. Нельзя не поддержать Сергея в его решении заняться самообразованием. Но и в его рассуждениях есть крайность: «В институт не пойду, не хочу». Он охотно иронизирует по адресу студентов-отличников, считая их «мучениками». Он вполне доволен собой. Отрадно, что Сергей включил, по его словам, в сокращенную программу самообразования и философию и литературу. Но, думается, не стоит гордиться тем, что не признаешь героев русской классической литературы. Безуховым, конечно, можно и не восхищаться, но его нужно научиться понимать.

И последнее. Почему Сергей и Олег забыли, что, кроме стационара, есть еще и вечерняя и заочная формы вузовского обучения? Напоминаем им об этом мне и хотелось бы закончить свое письмо.

П. П. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
работник книжного издательства,
г. Днепродзержинск.

ГОРДИСЬ, ЧТО ТЫ РАБОЧИЙ

Так же, как и многие выпускники, я не смог поступить в институт сразу после школы. Но я особо не расстроился. Значит, решил, кто-то учился лучше меня. К тому же в то время и характер у меня был довольно-таки неустойчивый: то мне хотелось сконструировать радиоаппаратуру, то быть летчиком. И тогда я решил пойти пока на производство. Отслужил в армии и

только после этого совершенно твердо убедился: надо работать и учиться. В этом году я успешно сдал экзамены в заочный институт связи. Убежден, что заочная учеба даст мне гораздо больше, чем учеба на дневном отделении. Ведь знания, полученные в вузе, я каждый день смогу подкреплять практикой.

А вот с Олегом я не согласен. По его словам получается, что у станков стоят одни глупые и бездарные люди. Он просто не понимает, кто играет главную роль в жизни современного общества. Вбил себе в голову институт и больше знает ничего не желает. Взгляни на жизнь пошире, Олег, и гордись, что ты РАБОЧИЙ. А учеба от тебя не уйдет. Да и не хватит ли висеть на шее у родителей? Решай сам сложные проблемы жизни, ищи пути к самостоятельности.

Николай ЛАГУТИН,
рабочий, студент-заочник,
г. Москва.

В САМООБРАЗОВАНИЕ Я НЕ ВЕРЮ

Я в институт поступил и уже перешел на 3-й курс. Но недавно я забрал свои документы (понял, что этот вуз не мой). Мне было в нем неинтересно. Вы скажете: «Долго же ты думал, парень». Но за время учебы в институте я многое понял. Буду теперь поступать в другой, уже мой, институт. Пока же пойду работать туда, где мне нравится. Многие считают меня «ненормальным», а у меня есть цель, они думают, я «спятил», а я нашел себя...

Прочел я оба письма в «Смене» и считаю, что Сергей во многом прав. Я рад за него, рад, что он нашел свою стезю в жизни. Но в его систему самообразования я не верю.

Олег, по-моему, заурядный человек, и нет ничего удивительного в том, что Ольга ушла в свою студенческую компанию. Мне кажется, что, если бы на твоём месте, Олег, был Сергей, этого не произошло бы. Вполне естественно, что теперь для тебя «на институте свет клином сошелся»... Допустим, ты поступишь. Окончив вуз. И... появится еще один, не хуже и не лучше других, инженершишка, который учился лишь потому, что учились другие. Поэтому, Олег, советую тебе: ищи сейчас такую работу, чтобы нравилась. Когда найдешь, когда побарахтаешься в ней и поймешь, что тебе не хватает именно института, тогда можно «кусаться и царапаться».

Валерий СУХАРЕВ,
г. Саратов.

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Включаясь в число спорящих по поводу двух писем, опубликованных в «Смене», я, пожалуй, быстрее соглашусь с Сергеем, чем с Олегом. Неужели все должны учиться в вузах? Ведь труд рабочих не менее почетен, чем труд врача или педагога. И о какой это «лучшей половине» ты говоришь, Олег? Конечно, если ты с образованней, да еще и с высшим, тебе и уважение и авторитет. Но разве нельзя иметь все это, работая на заводе рабочим? Вот ты, Олег, хочешь обязательно поступить в институт, чтобы принадлежать к «лучшей половине». И ты уверен, что «так рассуждают большинство вчерашних десятиклассников». Нет, не спеши говорить от имени всех. Я тоже учусь в институте, на библиотечном факультете. Любила книги с детства и мечтала работать с ними. Так что поступала я не ради того, Олег, чтобы в «лучшую половину» попасть, а ради того, чтобы получить любимую профессию! То, что я стала студенткой, нисколько не отразилось на моих отношениях с друзьями. Парень, с которым я дружу, работает шофером. Самая простая профессия, но я никогда не сказала ему, что «я в институте, а ты кто?». Мы всегда находим, о чем поговорить, поспорить, и я никогда не ставлю себя выше его.

Ну, а насчет того, что не надо плакать, если вы не поступили, — это верно. Зачем убиваться? Ведь все еще впереди, вся

долгая жизнь. И сбудется еще все мечты, если только этого захотеть.

Мария КРАСОВСКАЯ,
Витебская обл., Шарковщинский р-н.

ГОРЖУСЬ СВОИМ БРАТОМ

Прочитав новую рубрику «Прошу слова!», я сразу почувствовала, что нужно написать и мне. Правда, я еще не закончила среднюю школу, учусь только в 10-м классе. А написать я хочу о своем брате Сережке. Он окончил среднюю школу с золотой медалью. И с радостью пошел бы учиться дальше, но у него «на шее» есть я. Папа и мама у Сергея — это я, а у меня — он.

Сережка говорил, что не пойдет учиться в институт, пока я не закончу 10 классов. Но ведь тогда бы у него пропало три года! Я уговорила его поступить на вечернее отделение нефтяного института, обещая, что буду слушаться с полуслова, во всем помогать ему. И Сережка согласился.

Вот уже два года днем он стоит у станка, делает по полторы нормы. После работы он только и успевает переодеться, умыться... и на станцию. Мы живем в селе, и институт от нас в 30—40 минутах езды на автобусе. Обратный Сережка добирается на последней электричке. Возвращается и садится за учебники. Занимается почти до утра. А утром опять на работу. И все же он успевает заниматься спортом, читает много книг, играет на гитаре. Правда, вот только в квартире у нас постоянно не убрано, кругом все завалено книгами.

Я не знаю, правильно ли я все написала, просто я хотела, чтобы знали о моем старшем брате Сережке. Я им горжусь!

СВЕТЛАНА М.,
Куйбышевская обл.

С ОЛЕГОМ Я НЕ СОГЛАСЕН

Уважаемая редакция! Вы очень хорошо сделали, что ввели новый раздел в вашем журнале. Прочитав я твое письмо Олега Янона. Позвольте кое-что высказать ему.

Читая твое письмо, Олег, я сначала нисколько не удивлялся: многие не поступают в институт, многие соотражаются с любимыми. Тяжело это, не отрицаю. У меня даже сочувствие к тебе появилось, но чем дальше читал, тем быстрее оно исчезало. А когда я дошел до твоих строк «...хочу быть в лучшей половине», сочувствие к тебе сменилось недоумением. Олег, где ты нашел эту «лучшую половину», кого в нее поместил? Я тоже не поступил в вуз, тоже работаю на заводе. Так что же, по-твоему, мы с тобой, простые рабочие, относимся к «худшей половине», а твоя Ольга после окончания института будет относиться к «лучшей»? Так, что ли? Нет, я с этим не согласен. Пойми, Олег, у нас, у советских людей, где бы и кем бы они ни работали, одна-единственная цель — двигать человечество вперед. И каждый сознательный гражданин нашего общества делает это независимо от занимаемой должности. Так что делить людей на худших и лучших, исходя из наличия диплома, неравномерно.

Валерий ЖУКОВ,
токарь,
г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! На этом мы хотели бы завершить дискуссию по письмам Олега Янона и Сергея П. К сожалению, мы смогли опубликовать лишь часть, притом незначительную, ваших откликов, хотя письма, не вошедшие в подборку, были не менее интересны и содержательны. Подводя итоги дискуссии, заметим, что все письма, поступившие в редакцию, можно было бы разделить на три категории. К первой мы отнесли письма, авторы которых выступили совершенно опре-

деленно на стороне Сергея П. Ко второй — письма тех, кто не менее стойко и твердо приписал себя к сторонникам Олега Янона. И, наконец, третьи составили письма людей, мнение которых, на наш взгляд, удачно выразил Юрий Паутов из Алма-Аты. Он пишет: «...Вуз — это не панacea от бескультурья, а диплом отнюдь не удостоверяет тот факт, что ты стал полноценным человеком. Высшее образование дает в руки ключ к знаниям, которые помогут тебе овладеть любимой специальностью, профессией. Умение применить эти знания на практике, на пользу общему делу и есть, по-моему, главное достоинство современного человека. И потому позиция авторов двух писем представляется мне шаткой и необудительной, ибо поистине смешон человек, подобно Сергею П., отвергающий институт как источник знаний, и столь же нелеп тот, кто, как Олег Янон, не видит в жизни ничего, кроме врат института, и даже не думает о будущей работе, забывая, кстати, что знания останутся бесполезным грузом, если не использовать их в процессе трудовой деятельности».

Трудно не согласиться с автором этих строк, тем более что он, прежде чем стать студентом, десять лет проработал на заводе сварщиком и, следовательно, знает «жизнь не понаслышке». Нам представляется, что он и те многочисленные наши корреспонденты, которые высказывают аналогичную точку зрения, находят ближе всех к истине в споре, вызванном опубликованными на страницах журнала письмами. Действительно, не может вызвать уважение человек, свысока относящийся к работе у станка (ведь к «лучшей половине» человечества О. Янон причисляет людей с высшим образованием!), и невозможно всерьез воспринимать тех, кто отвергает учебу в вузе. Именно отношением к труду, к знаниям — правильным отношением! — определяется сегодня нравственный и культурный уровень общества в целом.

В заключение этой дискуссии мы благодарим читателей, приславших свои отклики на публикацию «Прошу слова!»: Л. Гаврилюк из г. Правдинска, М. Седлецкую из Каменец-Подольска, Н. Кононову из г. Уварова, А. Поклад из г. Липая, Р. Лукьянову из г. Орла, Н. Сидоркина из г. Горького, Т. Худоярова из г. Ленинска, В. Фаринника из г. Капустин-Яр, М. Тертерова из Боржом, Ф. Верназина из Баку, О. Рыбакову из Орджоникидзе, Ю. Чурнову из Казани, И. Удзину из Череповца, Т. Пермякову из Красноперекоска, Т. Филиппову из Херсона, группу воинов из Амурской области, В. Теллева из Николаева, Т. Ковальскую из Омска, Н. Миоина из Каховки, Н. Ахметалиеву из Ижевска, С. Иванова из Ижевска, Е. Димонт из Николаева, В. Голованова из Петрозаводска, Б. Гейне из г. Гагры, военнослужащего Л. Жезлова, Н. Зайцеву из Воркуты, военнослужащего А. Алесова, Л. Чупракову из пос. Харитонов, П. Бурачка из Ленинградского области, Н. Степула из Львова, И. Горбачеву из Москвы, Н. Максимова из Перми, З. Арыбаева из Красноводска, Г. Жетписбаеву из Алма-Атинской области, Л. Рожкову из Москвы, Т. Дзыгарь из Краснодар, Т. Заречкина из Темиртау, М. Логиновских из Свердловской области, М. Павлову из Москвы, Н. Гуревич из Ленинграда, Л. Любимцеву из Череповца, Ю. Сливака из г. Кропоткина, В. Кузнецова из г. Павловский Посад, В. Корсуна из Харькова, А. Жданова из Новосибирска, В. Сергиенко из села Чуваша Новосибирской обл., Л. Орлову из Канева, А. Финюгева из Оренбургской обл., Ф. Шшалова из Кургана, А. Аронова из Фрунзе, Т. Ермакову из Горького, В. Синанова из г. Акстафы, Р. Сибаву из Перми, В. Галданова из Бухары, В. Родионова из Ивановской обл., В. Разинкина из Ростовской обл., Д. Дорохина из г. Ленска, Э. Каранкевич из Тайшета, А. Овсепян из Ленинграда, С. Катю из Краснодара, В. Сыроваткина из Житомира, О. Климова из Алма-Аты, А. Мировну из Житомира, Г. Кулагина из Комсомольска-на-Амуре, Е. Шматову из Кировограда, А. Ефремову из г. Люберцы, А. Иштырякову из Тюмени.

Фамилии многих читателей мы не смогли включить в этот список, так как они подписались либо инициалами, либо вообще выступили «инкогнито», либо забыли указать свой адрес.

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ВЫДЕРЖАВ ВСЕ ИСПЫТАНИЯ...
2. ВЕНЕЦИЯ ПОДНИМАЕТСЯ
3. БУМАГА РАСТВОРЯЕТСЯ В ВОДЕ
4. ШПИКИ НА УЛИЦАХ
5. НА АРЕНЕ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ
6. ЗАГАДКИ ДОКОЛУМБОВОЙ ЭРЫ
7. ВЛАДЫКА КОКОСОВЫХ ОСТРОВОВ
8. ПЛЕМЯ С ОСТРОВА МИНДАНО
9. НЕОБЫЧНАЯ ДАЧА
10. ГОЛОСА ПРИРОДЫ
11. КРИЗИС ОБОСТРЯЕТСЯ

1.

Весной 1973 года, когда Демократическая Республика Вьетнам отмечала великую победу, машиностроительный факультет Высшей политехнической школы был награжден орденом Труда третьей степени.

Как известно, в апреле 1972 года начались особенно ожесточенные бомбардировки страны агрессорами. Последовал приказ немедленно эвакуироваться, и однажды ночью восемьсот студентов и преподавателей покинули город. Дважды неделями позже они были разделены на девять групп, которые отправились по двадцати девяти адресам. Студенты успевали многое. Пока одна группа была занята выпуском промышленной продукции, другая перевозила станки и машины, третья защищала их, четвертая ремонтировала оружие. Часть факультета оставалась в Ханое, продолжая занятия и помогая расчетам зенитных батарей защищать город.

Спустя четыре месяца студенты вернулись, и возобновились обычные занятия. Но разве забудет кто-нибудь из них эти дни и месяцы, полные энтузиазма, забудет годы борьбы, которые стали историей факультета?

Факультет был создан восемнадцать лет назад. Студентов тогда было немного — чуть более ста двадцати. И десять преподавателей вели две дисциплины: механизмы машин и ткацкие станки. Но шло время, факультет боролся, сражался, мужал, расширялся, и сейчас здесь 127 преподавателей, среди которых 28 кандидатов наук. Студенты изучают резание металлов и подъемные механизмы, обработку металлов холодным давлением и процесс сварки. У факультета есть свой опытный завод и учебные лаборатории. За восемнадцать лет факультет подготовил три тысячи инженеров.

Студенческий и преподавательский коллективы сочетают изучение теории с практической деятельностью, занятия — с выпуском промышленной продукции. Студенты и преподаватели принимают участие в строительстве, помогают предприятиям, борются с наводнениями и последствиями разлива рек, помогают населению строить дома.

Перед страной новые перспективы и новые задачи, и студенты-машиностроители делают все возможное, чтобы их Высшая политехническая школа стала крупным научным центром столицы ДРВ Ханоя.

ВЬЕТНАМ ЮФ», ДРВ

2.

Вопреки утверждениям пессимистов далеко не все бедствия носят необратимый характер. В течение почти целого десятилетия мир знал, что Венеция медленно, но неуклонно опускается в море. Сейчас, после трех лет тщательнейших исследований и измерений, итальянские ученые пришли к твердому убеждению, что Венеция одержала принципиальную победу: острова, на которых расположен город, перестали опускаться в громадную лагуна Адриатического моря. Как свидетельствует Оттавио Виттори, руководитель венецианского центра научных исследований, город поднимается на едва уловимые доли миллиметра в течение пяти лет.

Это изменение процесса, представлявшегося ранее необратимым, — результат десятилетней

кампании, направленной на спасение города, во время которой в Венеции и ее окрестностях пробурили тысячи артезианских колодцев. Итальянцы разрабатывают сейчас новую систему, которая позволит регулировать потоки внутренних рек. И все-таки... Все-таки потребуются еще немалые усилия, чтобы «приручить» приливы и отливы, которые наносят громадный ущерб бесценным шедеврам венецианской архитектуры и скульптуры. Вода по-прежнему раз в несколько месяцев вторгается на площадь Святого Марка, вынуждая жителей Венеции доставать мостки и сходни, поднимать повыше столы кафе, вынесенные на улицу, и с тоской наблюдать, как вода постепенно вымывает их город.

«ТАЙМ», США

3.

В научно-исследовательском институте бумаги и целлюлозы в Братиславе разработан метод получения бумаги, которая растворяется в воде. По внешнему виду растворимая бумага ничем не отличается от обычной. Изменяя состав бумажной массы, можно получать различные сорта бумаги, растворяющиеся в воде с разной скоростью. Основным сырьевым материалом для получения новой бумаги служит карбоксиметилцеллюлоза.

Растворимая бумага находит широкое применение в технике, в медицине, в быту. Она может использоваться в качестве упаковочного материала в фармацевтической промышленности (цемент, например, сбрасывают в бетонную смесь прямо в куле, если куль сделан из растворимой бумаги). Из растворимой бумаги делают салфетки, бумажные полотенца, этикетки на бутылки и банки. Используется она и в лесоводстве при механизированной посадке деревьев.

«ШТИИИЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ», РУМЫНИЯ

4.

Шпики на заводах и в учреждениях, шпики в школах и в университетах, шпики в автобусах: фашистская хунта узаконила в Чили тотальную слежку.

Был основан (и узаконен) союз донощиков, шпионов из рядов членов фашистской организации «Родина и свобода». Только для столичного университета его ректор генерал Цезарь Руис выделил около тридцати шпииков, после чего тотчас начали сыпаться доносы на известных профессоров и ученых. Их обвиняют в «дружбе с коммунистами». На основании доносов было уволено с работы тридцать девять из сорока профессоров истории в университете в Вальпараисо. В чилийском Техни-

ческом университете был образован отдел, служащие которого не имеют никаких других обязанностей, кроме слежки за студентами и профессорами.

Под различными вывесками функционируют группы шпионов, которых содержит на иждивении непосредственно хунта. Одним из филиалов разведывательной службы стала, например, рыболовная компания. Работники этой компании «торгуют рыбой» преимущественно в рабочих пригородах с целью выявления чилийских патриотов, которые не смирились с военным режимом.

Использованием методов гитлеровского гестапо чилийская хунта пытается ослабить антифашистское сопротивление. Напрасные попытки: сопротивление хунте набирает силу.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

5.

Человек двести набилось в небольшой зал позади трактира во французском городе Генин-Льетар. В помещении шумно, накурено; посередине — проволочный загон. Это арена петушиного боя, который должен вот-вот начаться.

На двух сторонах арены таблички, на которых мелом написано: «Коши» и «Рамбакур». Это имена петухов, которые должны выступать первыми. Шум мгновенно стихает, когда раздаются выкрики: «Коши — две тысячи, пять тысяч!» «Принято!» «Рамбакур — тысяча, две тысячи!» «Рамбакур — три тысячи!» «Коши — семь тысяч!» Это заключаются пари. Сразу же после начала боя цифры поскачут вверх.

Петухи бросаются друг на друга. Крылья хлопают, перья летят, блистают острые маленькие шпаги, прикрепленные к ногам. Атака следует за атакой. Птицы вновь и вновь бросаются в схватку, пытаются напасть на соперника сверху, яростно клюют друг друга и колот шпагами.

Вскоре из многочисленных ран обоих петухов брызжет кровь. Особенно трудно приходится Рамбакуру. Убедать бы, но куда? Он в изнеможении сникает, но грозный соперник не дает ему покоя. Рамбакуру ничего не остается, как из последних сил продолжать бой. Наконец он падает и остается лежать без движения. На арену Рамбакур больше не вернется, он мертв.

Эти кровавые соревнования имеют в Северной Франции и Бельгии давнюю традицию: в XVI веке их принесли с собой испанские войска под командованием герцога Альбы. Теперь традиция эта расширяется все больше и больше, несмотря на многочисленные протесты обществ защиты животных как в самой Франции, так и в других странах. Протесты привели к тому, что в 1963 году французское правительство запретило петушиные бои. Но еще большая масса контрпротестов жителей Северной Франции заставила президента де Голля год спустя отменить запрет. С тех пор ежегодно с молчаливого согласия властей происходит не менее 25 тысяч боев. Не удивительно, что резко увеличилось (до 100 тысяч!) число тех, кто выращивает и поставляет любителям бойцовых петухов.

«ПАРИ МАТЧ», ФРАНЦИЯ

6.

Сравнительно немного лет прошло после того дня, как Франциско Пизарро с отрядом в 180 человек, отправившись на трех судах из Панамы за золотом инков, разграбил и опустошил их государство. Так погибла одна из самых загадочных и удивительных цивилизаций в мире. Но это была цивилизация не только инков — они были лишь последними ее представителями, — а всех народов, которые за тысячи лет до этого населяли американский континент и о которых ни Колумб, ни другие европейцы не имели ни малейшего понятия. Это были, как их иногда называют, «доколумбовские» народы.

Кто они были, откуда пришли, как проникли из Европы, Азии и Африки в Америку, какие контакты имели с людьми других частей света?

Загадок, относящихся к тем временам, немало.

Вот, например, четыре вазы. Лицо человека, изображенного на первой, имеет, несомненно, негритянские черты. Ваза изготовлена за 1000 лет до нашей эры, но нам известно, что первые негры-рабы были завезены на американский континент в 1500—1510 годы.

Другая ваза сделана около 700 года нашей эры. Она характерна для тиагуанакской культуры, которая процветала на берегах озера Титикака в Андах между 300 и 700 годами нашей эры. На голове человека оригинальной головной убор, совершенно неизвестный в этих краях. Зато такой узор типичен для Японии того времени.

Какими же путями пришли древние люди в Америку?

Единственным наземным путем была дорога, идущая с северо-востока Азии через Берингов пролив в Северную Америку, а затем через Панамский перешеек в Америку Южную. Еще каких-нибудь 10 тысяч лет назад Берингов пролив был покрыт льдом, так что перейти его не составляло труда. Древние люди, которые пришли тогда в Южную Америку и оставили там следы своего пребывания, были весьма похожи на наших предков из степей Центральной Европы и берегов Средиземного моря.

Другим возможным путем проникновения людей в Южную Америку является путь водный, через океан. А то, что этот путь также реален, доказал своим знаменитым плаванием Тур Хейердал.

ТЕМПО», ИТАЛИЯ

7.

В 1827 году шотландский капитан Кланис-Росс высадился на Кокосовых островах, находящихся в 1500 милях к западу от Австралии. Подчинив себе немногочисленное местное население, предприимчивый капитан решил поселиться там навсегда. Права потомков капитана на «вечное владение» всеми 27 островами были официально подтверждены в 1886 году английской королевой Викторией.

Ныне Кокосовыми островами правит 46-летний «король» Джон, представитель уже пятого по счету поколения семьи. На страницах мировой печати некоронованный владыка 27 островов, где в настоящее время живут 600 человек, попал не случайно: специальная миссия Организации Объединенных Наций установила, что Кокосовые острова по-прежнему являются частной собственностью, хотя формально подлежат юрисдикции Австралии. В докладе было сказано, что острова «представляют собой реликт прошлого, почти средневековое владение, правитель которого — хозяин жизни и смерти своих людей».

«Король» Джон воплощает в себе административную, судебную, полицейскую и всякую другую власть, а все 600 жителей трудятся от зари до зари на его плантациях кокосовых орехов. За свой труд они получают не деньги, а пластмассовые жетоны, которые могут потом обменять на товары в единственном магазине, принадлежащем Джону.

Австралийское правительство приняло решение прекратить существование этого феодального минигосударства. Но доклад миссии ООН не был, пожалуй, при этом главным мотивом. Таким мотивом стало стратегическое значение островов.

Никто, конечно, не собирается изгнать силой некоронованного владыку из его феодального гнездышка — ведь острова по закону являются его частной собственностью! Но собственность можно купить, и австралийское правительство предложило Джону за Кокосовые острова 3,9 миллиона долларов. «Король» в принципе против продажи не возражает, но заявил, что острова дороги ему, как память о предках, и поэтому сумма должна быть увеличена ровно в десять раз...

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

8.

Здесь не существует каких-либо регламентаций относительно того, в каком виде удобно позировать перед фотокамерой, съемка никого не смущает, и потому профессор Самуэль Брионес щелкал и щелкал затвором, чтобы запечатлеть для истории первую встречу человека, представляющего современную цивилизацию, с племенем, которое открыла возглавляемая им антропологическая экспедиция в джунглях Минданао, одного из крупнейших филиппинских островов.

Профессор Брионес рассказывает, что племя, ведущее кочевой образ жизни, встретило экспедицию весьма дружелюбно. Выяснилось, что племя никогда прежде не вступало в контакты с окружающим миром. Любопытно, что профессору и его спутникам диалект, на котором разговаривали их новые знакомые, показался весьма легким для понимания. Кстати, в состав экспедиции входил и специалист по языкам. «Люди, которых мы встретили, отличаются необычной манерой легонько постукивать руками по голове, когда они выражают страх или сомнение», — сообщает профессор.

Гидом группы был местный житель, который и раньше имел связь с племенем, выступая в роли арбитра, в чьи обязанности входит разрешение споров, возникающих

между национальными меньшинствами.

Путь к племени был неблизким. Ученым пришлось преодолевать горы и реки, пробираясь к малодоступным местам острова, но тем не менее поиск увенчался успехом, и мы услышали о племени, не знающем жестокости окружающего его внешнего мира.

«ФОКУС ФИЛИППИНС», ФИЛИППИНЫ

9.

45-летний австрийский художник Эдвин Литургер из Вены решил удивить всех и вся, построив себе необычную виллу. По его эскизам на краю деревеньки Кацельсдорф в Нижней Австрии было сооружено здание странной конструкции: деревянный шар с дверями и окнами.

Власти, контролирующие частное строительство в Австрии, не очень, правда, восхитились выдумкой художника и заставили его «раскрыть шар». Тот подчинился их воле, но не отказался от своей идеи.

В другом месте, селе Нойдорф, земля Бургенланд, Литургер соорудил очередной шар-дачу, который остроумно поторопился назвать «картинной галереей», наполнив рисунками интерьер жилища и сделал их даже снаружи. Дача-«галерея» Литургера имеет объем 236 кубических метров и состоит из 128 отдельных элементов. Она в действительности представляет собой художественный экспонат.

«ПРОФИЛЬ», АВСТРИЯ

10.

Слоны никогда не затрудняются в поисках «слова», если они находятся на таком расстоянии друг от друга, что могут видеть хобот сородича. У этих гигантов существует целая система сигналов, напоминающая «морскую сиг-

нальную азбуку»: различными положениями хобота слоны, как флажками, передают разные сведения.

У других животных существуют иные возможности для «разговора»: кролики, например, общаясь друг с другом, стучат задними лапами или помазывают хвостиком. Грекучие змеи трещат, а мыши облачают едва уловимыми запахами, которые многое значат для других мышей.

Пчела дает знать своим друзьям, что обнаружила нектар, исполняя очаровательный танец у стен улья. Птицы, отправляясь в дальний перелет, поддерживают в воздухе столь совершенную связь, что им может позавидовать эскадрилья британских военно-воздушных сил. Например, когда скворцы взлетают, подчиняясь четкому и аккуратному строю, ведущий поддерживает этот строй, отдавая приказы кратким односложным чириканьем. Следующие птицы движениями и наклонами крыльев передают это распоряжение дальше.

А вот термиты располагают неизмеримо более тягостной и даже болезненной, на взгляд человека, системой связи. Они стучат собственной головой по ближайшему твердому предмету, чтобы созвать на сбор весь свой клан.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

11.

Жесткая цензура контролирует все каналы, по которым информация о положении в Никарагуа поступает за границу. О чем бы ни писали иностранные корреспонденты, аккредитованные в Никарагуа, их сообщения урезаются до нескольких строчек. Диктаторский режим Сомосы старается любой ценой не допустить, чтобы правда о положении в стране стала известна за рубежом.

Никарагуа переживает глубокий кризис. Недовольство антинародной политикой Сомосы охватило самые различные слои населения. Оно проникло и в армию, а недавно значительно усилилось в связи с действиями национальной гвардии, занявшей территорию университетов Манагуа и Леона. Национальная гвардия, надежная опора правительства, произвела аресты студентов.

Беспокойство дальнейшим развитием страны охватило даже некоторые правые политические силы. Недавно консервативная партия опубликовала документ, в котором подчеркивается, что страна движется к провалу. Недовольство политикой Сомосы начинает проявляться в Соединенных Штатах Америки, издавна оказывающих ему свою поддержку. Американский журналист Джек Андерсон опубликовал серию статей о Сомосе. В них он утверждал, что помощь, предоставляемая США Никарагуа, используется диктатором в целях личного обогащения. Как известно, после разрушительного землетрясения, опустошившего столицу страны Манагуа, правительство многих стран мира, руководствуясь гуманными соображениями, предоставили Никарагуа помощь для восстановления города. Однако, по словам Андерсона, Сомоса использовал большую часть денежных средств для строительства военных сооружений, аэродромов и роскошной резиденции в своей усадьбе, расположенной в Коста-Рике.

Кризис еще больше обострился после сильной засухи, охватившей северо-западную часть страны. Правительство не оказало практически никакой помощи бедствующему населению. Здесь особенно активно действуют партизанские отряды Сандинистского фронта национального освобождения. Этот фронт сочетает вооруженные формы борьбы с политической работой среди рабочих, крестьян и студенчества, мобилизуя их на решительное выступление против диктатуры.

«БОЭМИА», КУБА

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Аня сразу сказала:
— Вы просто обязаны спасти его...
— Ты-то помолчи! Ты под пули-то, чай, не полезешь.
— Это не женское дело! А свое дело я лучше вас делала, все денежки через меня к вам прибегали!— Она кричала в голос, на истерике, судорожно рвались крылья носа, посинело лицо.— И такой же голос, как все, имею!..
— А у нас тут не избирательный участок!— стукнул по столу горбун.— И не собрание— я вопросы решаю не голосованием, я хочу всех послушать, может, мыслишку кто-нибудь подходящую подбросит...
Чугунная Рожка показал на меня рукой:
— Его убрать отсюда надо, не верю я ему...
Горбун быстро глянул на меня, помотал головой:
— Пускай сидит, безразлично это. Мне хоть и жаль его, но не в свое дело он встал. Один у него есть только шанс...

Я ему зло сказал:
— Пожалела глупая чушка, когда поросенка своего сожрала.
— Цыц!— прикрикнул он на меня.— Ты сиди, помалкивай...

«Убийца-Тягунов» взял с дивана гитару, перебрал струны... Все ждали, что он скажет, а он налил полстакана водки, выпил, сморщился, закусывать не стал, бормотнул быстро:

— Мне один черт! Хотите— пойдем резать ментов, хотите— завтра же разбежимся, на дно ляжем...

— Тебе-то один черт. А я? Куда нажитое деню? И старуха согласно ему закивала, и по морде ее противной я видел: кабы взяли ее, то и она бы с охотой пошла нас резать.

Лошак оторвался от ады, поднял грязную, кудлатую голову.

— Пропадет Фокс, жалко. От него мы еще пользу могли бы поиметь. Да и коли он расколется, мы тута заскучаем...

— Ты потому смелый, что думаешь в кабине отсиديшься, нас дожидаясь, пока мы там с ментами душитесь будем,— сказал горбун.— Не рассчитывай: с нами в подвал пойдешь, если решишься...

— Без водилы не боишься остаться?— спросил Лошак.— Ессина-то больше нету.

— Не боюсь,— ядовито ухмыльнулся горбун.— В крайнем случае я вон его за баранку посажу...— и показал длинной корявой рукой на меня.

— Ага,— сказал Чугунная Рожка.— Он тебя привезет на Петровку...

— Кончайте базар!— вдруг сказал Левченко, и сердце у меня бешено замолотило: началось!

Левченко помолчал и сказал:
— Надо идти... Если не вызволим Фокса, тогда и нам всем кранты!

И снова отодвинулся в тень.

Не мог я понять, что он себе думает, да и горбун не дал мне времени, потому что сказал:

— Я вот что решаю: мы тебя с собой возьмем...

— Зачем?— привстал я на стуле.

— Затем. Допустим, ты мент, мы тебя если сейчас прирешем, ничего не получим. А возьмем о собой— получим. Коли приведем нас в засаду, мы тебя первого начнем в куски рвать. У вас ведь какой был план, если ты, конечно, мент? Ты нам тут песни свои споешь, и мы тебя отпустим, чтобы ты начальству доложил, как нас обхитрил...

— Да что мне с вами хитрить? В гробу я ваши дела видел...

— Знаем, знаем, ты нам Лазаря не пой. Только обхитрить меня кишка еще тонка. Я тебя с собой возьму в магазин, и, как первого опера увидим, сразу начнем тебя резать, ломтями настругаем, падаль...

Это был для меня действительно непредвиденный поворот. И заканчивался он тупиком—оттуда мне уже наверняка выхода не было.

— Тогда режь меня в ключья сейчас!— сказал я ему.— Никуда я с вами не пойду! Нечего мне там делать...

— Аа-а!— проткнул горбун.— Вот это уже теплее...

— Теплее, горячее— мне наплевать! Только ты подумай, с какой мне стати туда соваться? Ну, у вас там дело— дружка выручаете, вместе картишки раскинули, теперь пора колоду сымать. А мне-то на кой черт в пекло лезть? Вы себе лихим делом карманы набили, завтра рискнете, и если выгорит, вы и на свободе и при деньжищах. А я за что на пули милицейские нарываться должен? За пять тысяч ваших паршивых?

— А что же ты соглашался, если они такие паршивые?

— Так я на что соглашался? Передать записку и обсказать, как там и что у Фокса. А под пули либо под смертную казнь я не согласен. Уж лучше вы меня убивайте, может, матери какую-то пенсию за меня положат, чем вот так забесплатно против власти...

— А если не забесплатно?— с усмешкой глядел на меня горбун.

Я долго бубнил себе под нос, потом выдавил:
— Несерьезный это разговор. Если всерьез говорить, ты скажи мне цену, условия скажи: что делать придется, я же ведь не козел ходить за тобой на веревке...

— У тебя сейчас одно дело— живыми уйти отсюда. И за это дело ты будешь стараться на совесть...

— Не буду,— сказал я тихо и дернул с силой гимнастерку на груди.— На, режь, сроду никому не был бобиком и перед тобой плясать не стану. Что вы меня вытарите? Что душу из меня рвете? Зарежем, задушим, убьем!.. Вы мне не верите— ваше право! Но вы меня на враках не словили, а я-то вижу уже: нет у вас людской совести и слова железного блатного нету! Мне что Фокс говорил? Так вы хоть за друга своего слово держите!

— Когда тебя на враках мы словим, поздно уже будет,— горестно кивнул горбатый, и мне показалось, что начал он колебаться.

— Ну, граждане дорогие, товарищи мазурики, подумайте головой своей сами, вы же не только лихостью проживаетесь, но и хитростью, наверное...

— Об чем же нам думать?— сказал Чугунная Рожка, глядя на меня с ненавистью.

— Ну, был бы я у ментов на откупе, и велели бы они мне бабке звонить Аню искать, так разве дали бы они мне к вам сюда свалиться? Там бы, на Банковском, похватили бы и ее и этих двух оборотов, а уж на Петровке-то по слабому ее женскому нутру выкачали бы из Ани распрескрасной и имена, и портреты ваши, и адреса. На кой же ляд им было вас мною манить? Понаехало бы их сюда два взвода, из автоматов раскросили бы вас в мелкий винегрет, и всем делам вашим конец...

— Складно звонить, да об одном забываешь: а не стала бы Аня на Петровке колотиться? Что бы тогда уголовное делала?

— А им четверых, думаешь, мало? Вместе с Фоксом-то? А с шофером уюканным— пять! Почитай, половины этим вечером вы бы не досчитались. Это, значит, первое. А второе— не стала бы Аня колотиться, говоришь? Может, и не стала. Только со мной сидели и не такие бобры— и тех в МУРе кололи...

— Свиныя ты противная,— сказала мне душевно Аня, и ноздри ее, синевавшие от марафета, прыгали в страхе и злости. Я уже видел косяком глаза, как она к носу белую поношку подносила, и глаза сразу маслялись, темнели, слеза слепая подступала, и отключалась она в эти минуты от нас. А потом снова выныривала, вот как сейчас.— Свиныя ты противная...

Ладно, пускай. Известно, доживу ли, увижу ли своими глазами, но одно-то я наверняка знаю: Желгов тебе марафету не даст. Ты у него без «дури» попрыгаешь...

— Вопрос у меня к тебе имеется,— наклонился ко мне и кролика с колен спихнул горбун.— Зачем тебе деньги, что Фокс посулил?

— Как это зачем? Кому же деньги не нужны?

— Ну, что сделать с ними хотел? Пропить, с бабами прогулять, в карты проиграть, может, костюм справить?

— Это у вас деньги легкие, быстрые— вы их и можете с бабами прогулять да в карты проигрывать. Мне для дела надобны деньги...

— Для какого?

— Рассуди сам. Живем мы у себя там, в Буграх, в чужой

избе. Я все амнистии дожидал, чтобы прописку в Москве вернули, а мне кукиш под нос. Значит, надо на новом месте обжиться. Мужиков в деревне мало, а я к тому же и на машине и на тракторе умею, руки у меня спорые, дадут мне, значит, какую-то избу. Но ведь покрыть ее надо? Венцы новые ставить, стеклить, печь перекаладывать, сараюшку сладить— это же все матерьял, за все платить надо! Женился бы, корову купил, кабанчиков пару на откорм пустил. Да мало ли что сделать можно, когда в кармане копейка живая шевелится!..

— Любишь деньги, значит?— прищурился горбун.

— Люблю,— сказал я с вызовом.— Ты мне такого покажи, что деньги не любят. Их все любят...

— Вот завтра ты и пойдешь с нами за Фоксом, и если выяснится, что ты не мент, а честный блатной, дам я тебе денег,— твердо сказал горбун.

— Нашел дурака!— сказал я.— Моей жизни и сейчас-то цена две копейки, а завтра, коли все хорошо получится, она у тебя в руках и гроша стоить не будет...

— Это почему же?

— А потому, что уже сейчас, чтобы деньги мои отнять,— заработанные, пять кусков кровных— ты меня ментом выставишь, и под этим соусом глотку мне готовы спокойно перерезать. Вот и выходит: если выгорит у вас завтра дело, вы меня из-за этих денег тем более прикончите, а если менты ловчее вас окажутся, то они меня вместе с вами в подвале угрохают...

— Ты говори, да не заговаривайся!— насупился горбун.— Если блатной украл у друга, его за это судят «правилом воровское». А о деньгах потому разговор, что ты не блатной и мы тебе пока не верим...

— Палаша, дорогой, что же мне сделать, чтобы ты мне поверил? Самому, что ли, зарезаться? Или с Петровки справку принести, что я у них не служу?

Заерзали, зашуршали недовольно, и вдруг неожиданно громко засмеялся Левченко, и от смеха его я вздрогнул— уж маленько привык я сидеть на этой гранате с сорванной чекой, а она вдруг зашевелилась.

— Смешной парень!— сказал Левченко, повернулся к горбуну.— Ты, Карп, все правильно мерекуешь, нам сидится этот тип, он парень шустрый и жох. И дух у нас есть живой. А дураков наших не слушаешь, ты правильно решил...

— Поучи жену цыи варить! Не решил я еще ничего,— зло кинул ему горбун и повернулся ко мне.— А тебе, мужичок, я больше повторять не буду: пойдешь с нами и сиди-засосни...

— Сколько же ты мне денег дашь,— спросил я с вызовом,— если Фокс завтра с тобой за этим столом сидеть будет?

Горбун подумал, пошевелил тонкими, змеистыми губами:

— Десять кусков...

Я встал из-за стола, подошел к нему, низко, до земли, поклонился:

— Спасибо тебе, палаша, за доброту твою, за щедрость. Значит, если я мент,— зарежете вы меня, а если всю вашу компанию спас я сегодня от гибели неминуемой,— насыплешь ты мне целых десять кусков. Двадцать бутылок водки смогу купить. Спасибо тебе, палаша, за доброту твою небывалую...

Не успел я еще разогнуться, как мелькнул удивительно быстро его валеный сапог в воздухе, и брызнули у меня искры из глаз, и боксом завалился я на пол, размазывая по лицу хлынувшую из носа кровь. Привстал я на четвереньки, потом, качаясь, поднялся, и носило меня всего по воздуху от волнения, выпитой водки и боли в лице...

— И еще раз тебе, палаша, спасибо за справедливость. И за ласку, что мне Фокс обещал...

А горбун беззвучно хохотал, разевая свою ужасную белую пасть с отарательными пористыми зубами, и я видел, что силы в нем пока еще предостаточно. И остальные довольно ухмылялись, и Левченко смотрел на меня мрачно и грустно...

— Дал бы ты ему еще пару раз для ума,— посоветовала Аня, и глаза ее черные были сплошь залиты безумными страшными зрачками.

Кролик перебежал через комнату и, как кошка, попросился к горбуну на колени, уместился там и, шевеля длинными ушами, смотрел на меня с любовью, и от этого белоснежного кролика, ластящегося к рукам мучителя и убийцы, от молчаливой глыбы непонятно откуда взявшегося здесь Левченко, от трясущихся тонких ноздрей Ани и слепых ее огромных зрачков, от серой рожи Чугунного, от пристального взгляда старухи Глаши и безмолвного жуткого смеха горбуна— от всего этого и от кровавой мути в моей голове показалось мне на миг, что ничего этого не происходит, что все это продолжение какого-то кошмарного сна, ужасной привидевшейся дури, что все они—небыль, выдумка, надо просто потрясти сильнее башкой, встряхнуться, вырваться из цепких объятий страшного сновидения, и все они, все это гнусное гнездовье, исчезнут бесследно, навсегда...

Но не стал я трясти башкой— они мне не привиделись, и кровь по моему лицу текла самая настоящая. Мамочка, мама моя дорогая, сколько же из меня по миру крови натекло! Мама, ты слышишь меня, мама?! Мамочка, я очень устал...

Не назначат тебе за меня пенсию, мама... Она ведь тебе и не нужна совсем... Тебя ведь уже четыре года нет... И я даже не знаю, где твоя могила...

Мамочка! Неужели у них всех тоже были матери?..

...— Расписочку получил?— мирно спросил горбун.

— Получил, спасибо большое...

— Теперь веришь мне на слово?

— Нет, не верю...

Не видел я, как вигнул он Чугунной Рожке, и тот сзади ударил меня сложенными вместе кулаками по шее. От такого леща снова я брякнулся на пол и, сплевывая на белые доски красно-черные густки, сказал:

— Палаша дорогой, не верю— рви меня на куски...

Горбун, задумчиво глядя на своего снежного кролика, сказал:

— Люблю я кроличков, божья тварюшка—добрая, благодарная, ласковая. И к смерти готова благобно. А вы, людишки, все суежитесь, гоношите, денег достигаете...
 — Засуетишься, пожалуй,— и старался я скорее встать на ноги, чтобы они хоть не толтали меня перед смертью, последнему поруганию не подвергли, и билась во мне мысль, неустанная и громкая, как мое хриплое дыхание: умереть мне надо, как жил—стоя!
 — И зря, и зря! Ты бы о душе подумал,— сказал горбун и, еще почесывая у кролика за ухом большим пальцем, взял со стола вилку и мгновенным движением ткнул его в красную дрожжащую пуговку носа, и я видел, что проступила только одна крохотная капля крови, и весь этот пушистый, теплый ком жизни вдруг судорожно дернулся, вздрогнул, пискнул еле слышно. И умер.
 Горбун поднял его с колен за уши, пустым белым мешком вытянул заверек в его руке.
 — Хорош,— сказал горбун.— Фунтов десять...— Бросил его бабке и прибавил тихо:— Затуши с грибами,— резко крутанул ко мне, зыркнул глазами воспаленным:— Понял, чего ты стоишь на земле нашей грешной?
 — Понял,— кивнул я.— Вот ты завтра и пошли кого-нибудь из своих архаровцев в сберкассу—положить на мое имя деньги. Сорок тысяч. И будут у нас полная любовь и доверие друг к другу. И послужу тебе на совесть...
 — Ну и упрямый же ты осел!— засмеялся белыми деснами горбун.— А на что тебе сберкишка?
 — В ней вся моя надежда, что не пришлете меня потом, как падала ненужную. Денежки-то эти вам с моей книжки не выдадут. Так ведь? А коли Фокса высвободим, они мне еще сгодятся. Да и он сам, даст бог, мне чего-то подкинет. Нет, мне с вами без сберкишки никак нельзя...
 — Черт с тобой, кулацкая морда!— сказал с каким-то облегчением горбун.— Смотреть на твою жадность крестьянскую отвратно.
 — Тебе на твоих харчах, может, и отвратно, а я тоже белый хлеб с мясом люблю...
 — Цыц, дурак! Ты, Промокашка, завтра к восьми пойдешь в сберкассу, положишь на его имя двадцать пять кусков, пусть подавится ими. Сберкишку принесешь мне...
 — Мне,— поддал я голос.— Сберкишку— мне. Она меня у сердца согреет, когда я в подвал полезу. С ней мне милицейские «пушки» не так страшны будут—знаю, за что рискую...
 — Заткнись,— устало сказал горбун.— Время позднее, всем дрыхнуть до утра. Завтра нам силенки понадобятся. В шесть вставать. Кто этого стеречь будет?
 Всем спать хотелось, и в этой короткой заминке прозвучал вязкий голос Левченко:

— Я.
 Помолчав немного, добавил:
 — Он со мной в светелке наверху пусть дрыхнет. Я его не просплю...
 Встал из-за стола, подошел ко мне и легонько толкнул в спину:
 — Давай, шевели копытами...
 По скрипучей лестнице поднялись на второй этаж, и я чувствовал, как ступеньки пружинят и гнутся под каждым тяжелым шагом идущего позади Левченко. Вошли в темную комнату, и во влажно-синем отблеске окна я рассмотрел сбоку топчан и сел на него, и состояние у меня было такое, будто я вынырнул из обморока. Где-то совсем рядом мучительно взвизгнули пружины под могучим телом Левченко. И снова было тихо. Откуда-то снизу доносились сюда истертые лоскуты голосов, звякала посуда, и долго, занудно, на одной гудящей ноте говорил что-то Чугунная Рожка. А здесь только слышалось ровное дыхание Левченко, и молчание его было тяжким, как каменная плита, и давил он меня этой плитой невыносимо.
 И так неожиданно, что я вздрогнул, он сказал чуть слышно, не шепотом, а просто очень тихо:
 — Ну, здорово, ротный...
 — Здорово, Левченко...
 Он помолчал и так же тихо, но очень внятно сказал:
 — Через час они уgomонятся. Я тебя выведу отсюда...
 И в новой тишине уже не было прежней ненависти, не было таким страшным его молчание.
 — Нет, Левченко, я не пойду...
 Не спешил он с ответом, а когда заговорил, то в словах его была грустная уверенность:
 — Убьют они тебя, Шарاپов. Я бы этого не хотел...
 — А тебе-то чего?
 — Ничего. Не хочу, и все...
 — Нет, Левченко. Не надо. Кабы я хотел уйти, я бы не пришел сюда...
 — Понятно,— сказал Левченко, помолчал, и тишина стугилась.— Тогда придется, Шарапov, заложить тебя моим друзьям. Ты за их жизнями пришел ведь. И за моей. На меньшее ты не согласишься...
 — Заложить меня, Левченко, заложить... Кровь моя на тебя падет, и земля тебя не примет, а будет вышвыривать, как грязь и камни...
 — А что же мне делать, Шарапov?
 — Уходи отсюда ты. Еще не поздно, ты можешь завтра не ходить в подвал, если уйдешь сегодня...
 — И что будет?
 — Я сделаю то, зачем пришел сюда. И жизнь твою не возьму...

— Но они наверняка возьмут тогда твою жизнь...
 — Да, наверное. Но это уже будет тогда неважно...
 — Разве это бывает неважно?
 — Бывает, Левченко. Когда мы с тобой год назад плыли через Вислу, нам обоим это было не так важно. И Сашке Коробкову. А теперь ты в том окопе. А я снова плыву с нашей стороны. Поэтому ты уходи, отваливай, «уволься». Нам обоим будет легче...
 И снова мы надолго утонули в молчании, плотном и едком, как прачечный пар. Шуршали, скрипели внизу голоса, заплакала громко, на крик Аня, зудел, пиллой подвизгивал старушечий голос вурдалачки Клаши. Текли, капали минуты, и Левченко наконец подал голос:
 — Давай спать ложиться, завтра вставать рано...
 — А что решил-то?
 — Пойду с вами со всеми...
 — Убьют тебя там. Наши убьют, коли окажете сопротивление. А сдашься—тюрьма тебя ждет. Надолго...
 Левченко покашлял, вытянулся, кряхтя, на матрасе, и скрипнул под ним испуганно пружины.
 — Убьют—суждено, значит. Семи смертям не бывать, а одной не миновать. А в тюрьгу—не-е, в тюрьгу я больше не сяду. В жизни больше не сяду...
 Громадное тело Левченко глыбой темнело на матрасе у стены. Он дышал громко и ровно: вдох-выдох, вдох-выдох, и я ощущал его, как бомбу с часовым механизмом—тик-так, вдох-выдох, и нельзя было угадать ни за что, на каком тик-таке рванет она и разнесет все вокруг адрезбги.
 Внизу «убийца-Тягунов» напился, видимо, и пел песню, здесь отчетливо слышался его высокий злой голос, пьяный и бесшабашный. Цыкнул на него с ожесточением горбун, и громче, истеричнее заплакала Аня. Тик-так, вдох-выдох, тик-так, вдох-выдох, тишина, темнота и тоска.
 — Завидую я тебе, Шарапov,— сказал Левченко.
 — Завтра некому будет завидовать. А так все хорошо,— усмехнулся я.
 — Вот этому я и завидую,— сказал Левченко.— В твоей жизни был смысл...
 И я невольно обратил внимание, что он говорит обо мне как о покойнике.
 — Знаешь, Левченко, мне, наверное, завтра лихо достанется. Но я ведь не жалею. Я на это иду за очень большое дело. А ты? Из-за этого горбатого упыря? Помнишь, мы с тобой в разбитом блиндаже под Ковелем сидели и мечтали, как заживем после войны?
 — Беда только, что с нами вместе не мечтал тот пёс поганый, из-за которого моя жизнь снова под уклон побегала...

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Это кто такой?

— Когда разбомбили немцы под Новоградом санитарный поезд, документы все сгорели. Оклемались я, раньше срока из госпитала рванул — хотел вас догнать. Размечтался о небесных кренделях и в запасном полку все про себя обсказал: так, мол, и так, ранее трижды судимый, имел год штрафной роты, представлен к снятию судимости как искупивший кровью свою вину, и направлена на меня наградная — ты же мне в медсанбате еще сказал. А там сидит такая крыса тыловая, рожу раскормил красную, хоть прикуривай. И говорит мне: нет на этот счет в вашем деле никаких сведений, рядовой Левченко, и пока мы выясним, направляйтесь-ка вы снова в 76-ю штрафную роту 307-го пехотного полка. Обидно мне стало, что же это — совсем правды на земле нет, что ли? Сказал я мне пару ласковых, он в крик, то, се, до рук дошло, ну, мне трибунал армейский — новый срок. И привет! В июне сбежал, и вот с этими гнидами кантуюсь. Куда же мне деваться теперь? Один путь...

— Слушай, Левченко, я тебе больше не командир, приказывать не могу, но прошу тебя как человека — уходи сегодня. Если только вывернется так, что уцелею завтра, по всем инстанциям с тобой пройду, расскажу, как ты воевал...

— А про подвиги мои после войны тоже расскажешь? — тоскливо спросил Левченко. — Нет, Шарاپов, со мной дело кончено. А тебя я не расколочил потому, что под одной шинелью нам спать доводилось, и офицерский свой доплек ты под койкой втихаря не жрал, за спины наши не прятался под пулями. А с Вислы на себе меня с осколком в спине до санитаров дотащил. Поэтому мы с тобой вместе завтра пойдем, и как уж там бог даст — так и будет.

— Левченко, — окликнул я его.

— Ладно, Шарاپов, хватит! Давай спать, не о чем толковать...

И громко, часто задыхался — вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох, тик-так, тик-так... Вытянулся я на своем топчане, закрыл глаза и только сейчас ощутил, что всего меня еще до сих пор трясет дрожь уходящего напряжения и страха. Конечно, не так нам все это мнилось: Жеглов этого в виду не имел, да и я не собирался из себя живца устраивать. Мы ведь думали их только к магазину этому подманить, а делать из меня заложника не собирались. Да вот так уж выкрутилось: для дела лучше, для меня — хуже. И, прикидывая сейчас шансы выйти живым из этой заварухи, я с грустью убеждался, что их не существует. Реальных. Даже если руководство МУРА отменит операцию и заманивать банду в ловушку не станут, а нападут прямо у магазина, всегда у бандитов останется миг, чтобы выстрелить в меня или воткнуть нож. И не помогут даже уроки инструктора по само Филлимонова — слишком их много вокруг меня будет, и рассердятся они наверняка очень сильно. Так что, Шарاپов, финиш? Или еще покувыркаемся? Ведь там, на воле, остался Жеглов, он же не сидит сложа руки, они ведь там наверняка все думают, как меня выволочить. Но нет связи, даже если придумаю, — мне этого сюда не передать. Но придумаю наверняка! Должны придумать! Они не могут меня здесь бросить.

Эта мысль снова вдохнула в меня какую-то надежду, и я начал лихорадочно думать о том, что могут сделать наши ребята. Только суетиться не надо, нужно медленно, не спеша думать, обстоятельно, как думают там сейчас они. Они наверняка думают, может быть, даже придумали уже. Но не имеют возможности сообщить мне. Хорошо, давай так прикинем: я с Жегловым на воле, а на моем месте здесь парит Пасюк. И мы придумаем план его спасения, а сообщить не можем, и из-за этого план не сработает — он ведь расписан на две роли или на несколько, и, если Пасюк не будет знать, что делать, то спектакль не состоится. Что бы мы с Жегловым тогда решили? Использовать какой-то план, или обстоятельства, или условия, которые нам были известны и до нашей операции и о них ничего не надо сообщать дополнительно...

От этих быстрых, судорожных мыслей гудела голова, и сна не было ни в одном глазу — мне очень хотелось отыскать лазейку, я так не хотел умирать!

Что же нам обоим с Жегловым было известно заранее? Состав банды? Нет!

Их характеры? Нет!

Изменение плана? Нет!

Место операции? Да!

...Место операции! Да! Да! Да!

Изменить место действия они не могли! Фокса привезут туда, где мы рассудили удобным им взять.

И мне и Жеглову место хорошо известно — подвал магазина. Длинный туннельчик, «приемка», кладовые... Так, а там была еще кладовая, из дверей которой Фокс огрел сторожа ломиком по голове. Маленькая комнатка, полтора на полтора, с толстой оббитой дверью. Мы там долго крутились с Жегловым — у порога этой кладовки лежал убитый сторож... Дверь в нее открывается вовнутрь...

Там было очень светло... Гриша для осмотра и фотографирования свернул специально стосечковку... На двери кладовки был тяжелый засов... А если там будет темно? Совсем темно в туннельчике и на «приемке»? Если Жеглов догадается отпереть и приоткрыть дверь в кладовку?.. Туда в темноте можно нырнуть... Дверь, конечно, бандиты могут взломать... Но для этого нужно время, хотя пара минут... За пару минут много чего может произойти... Кладовка квадратная, с прилавком вдоль стен... Сбоку от двери приступочек и маленькая ниша в кирпичной стене... Ниша совсем крохотная... Но боком в ней можно поместиться, если бандиты будут стрелять через дверь. Можно выгадать одну-две минуты — и в них вся моя жизнь... Ах, если только догадается Жеглов!.. Он должен, он просто обязан догадаться... Ведь это мой единственный шанс... Глеб, я еще очень жить хочу!.. Глеб, меня ждет Варя!.. Мы должны были сегодня вечером встретиться, но дело не сорвалось... Мы договорились встретиться, если дело сорвется... Но дело не сорвалось, и я сделал все, что мог...

Варя, любимая моя, я знаю, что ты сейчас тоже не спишь — у тебя ночное дежурство, от ноля до восьми утра... Варя, родная, я и сам не знал, что так все выйдет... Я не хотел тебя обманывать, я всегда знал, что тебя нельзя обманывать... Варя, жена моя, счастье мое короткое и светлое, мы ведь с тобой так и не попали в загс... Варя, а как же наши пять неродившихся сыновей?! Варя, ведь у нас с тобой есть сын — найденный, который должен был принести мне счастье?.. Варя, свет моей жизни, любовь моя, Варя, я знал, что полюбил тебя на всю жизнь в тот момент, когда ты, тоненькая, высокая, легкая, вошла с нашим сыном-найденным на руках в двери роддома имени Грауэрмана, где когда-то незапамятно давно я и сам родился... Варя, не моя вина, что такая короткая была у нас любовь... Варя, ты же сама говорила, что через двадцать лет пройду по нашим улицам люди, не знающие страха... И я заплачу за это всем своим ужасным страхом, всей тоской своей, всей болью... Варя, родная моя, а вдруг под сердцем своим ты понесла крохотную искорку — продолжение меня самого?.. Варя, насколько мне легче было бы завтра умереть, Варя, если бы я знал, что не исчезну совсем, что останется в городе без страха часть меня, мой сын, твоё дитя, моя любимая... Не забывай меня, Варя, ты еще совсем молодая и очень красивая, Варя, тебя еще будут любить, и я очень хочу, чтобы ты была счастлива, Варя, но только не забывай меня совсем, хоть чуточку памяти сбереги обо мне, Варя...

Варя, как хорошо, что ты пришла ко мне сейчас... Но ведь ты до утра должна была дежурить?.. И где ты набрала столько цветов?.. Сейчас же осень... Эти цветы мне?.. Не плачь, Варя, ты такая красивая, когда ты смеешься... Спасибо тебе за цветы, Варя, я никогда не видел ромашек в ноябре... Ты все можешь, Варя... Различи нашего найденного, Варя... Ты сдала его в роддом имени Грауэрмана, около Арбатской площади... Жеглов тебе поможет, Варя... Он спасет меня в подвале, и мы оттадим ему ромашки... Он спасет... Варя, он спасет... Куда же ты, Варя? Не уходи, Варя... Мне одному очень страшно... Варя!..

Я открыл глаза и увидел над собой черное лицо Левченко, и снова смежил веки в надежде, что все еще длится сон, надо подождать миг, открыть опять глаза, и навязание исчезнет.

— Вставай, Шарاپов, пора, — глуховато сказал Левченко своим везшим голосом.

Комната была залита серым рассветным сумраком, и в этом утра было предчувствие какой-то еще неизвестной мне перемены. Я встал, подошел к окну и увидел, что за ночь все укрывало снегом. На грязную, истерзанную осенними дождями землю пал снег — толстый, тяжелый, как мороженое.

— Что, Шарاپов, окропим его сегодня красненьким? — спросил у меня за спиной Левченко.

— Посмотрим, как доведется...

В уборную меня уже конвоировал Чугунная Рожа и с этого момента не отходил от меня ни на шаг. В большой комнате внизу сидел на своем месте горбун, его мучнистое лицо за ночь стало отчетливым, серым. Но он пошучивал, бодрился, покрикивал на бандитов, меня спросил, заливаясь своим белым страшным смехом:

— Ну, как, не передумал за ночь? А то мы тебе по утрамочке живо сообразим...

— Допрежь чем общаться, я думаю. Коли будет мне сберкишка, пойду, все, что скажешь, сделаю...

На завтрак ели вареное мясо, яичницу на две дюжины яиц со смальцем, пили чай. Глупая мысль промелькнула: хоть наемся по-людски напоследок... Ани не было — то ли спала еще, то ли ночью уехала. Да она интересовала меня совсем мало, куда она денется... А кроме Промокашки, все были в сборе. Опохмелиться горбун разрешил всем одним стаканом.

— Бог даст, вернемся с добром — тогда возрадуемся, — сказал он. — А на деле ум должен быть светел и рука точна...

Поддеватою явился Промокашка и протянул горбуну серую книжечку, хрустко-новую, с гербом на обложке.

— На обычный или на срочный вклад положи? — спросил я.

— На обычный, — сказал горбун, листая сберкижку.

— Это жаль, на срочном за год еще один процент вырастет.

— Ты проживи сначала этот год, — сказал горбун и бросил мне книжку через стол так, что она скользнула по столешнице и упала на пол, и видел я, что сделал он это нарочно — заставить меня нагнуться еще раз, снова поклониться себе. Ничего, поклонимся. Поднял с пола, перелистнул, все чин чинарем: «Сидоренко Владимир Иванович — двадцать пять тысяч...»

— Спасибочки вам, папаша, — спрятал ее в карман и сел допивать чай. И во всем этом чаепитии и беспостылой утренней суете, в ожидании и в неизвестности уже витал потихоньку сладковатый тошнотный запах смерти...

В начале десятого горбун слез со своего высокого стульчика и скомандовал собираться. Лошак подавал ему тулупчик, он неспешно заматывал шею длинным шерстяным шарфом, рыжий лисий малахай напяливал, продавал длинные обезьяньи руки в романовский теплый тулупчик, а Лошак терпеливо стоял за его спиной, как лакей.

Нацепил малокопеечку и пальтишко Промокашка, влез в реглан «убийца-Тягунов», накинул на плечи ватник Чугунная Рожа, подпоясал ремнем шинель Левченко. У стены неподвижно стояла бабка Клаша и буравила меня глазом. Но молчала.

— Ну, молодцы родимые, с богом? — сказал-спросил горбун. — Присядем на дорожку, за удачей двинуться мы... И снег нам сподручен: коли там оперы были, то на пустыре они наследились обязательно...

Все присели, а горбун сказал:

— Верю я, будет нам удача: по святому делу пошли, друга из беды вызволят.

Я подумал, что он гораздо охотнее отработал бы друга своего, как кролика вчера, кабы не боялся, что он их завтра всех сдаст до единого...

Горбун встал, подошел к бабке Клаше, обнял ее, и троекратно расцеловались они.

— Жди, мать, вернемся с удачей...

Ах вы, нечисты! Ульиры проклятые! Кровью чужой усосались, гнездовье на чужом горе выстроили, на слезах людских...

Да ты, бабка Клаша, не на меня смотри, а на своего распрекрасного горбуна! Последний раз вы видите! Конiec вашей паучьей семейке наступил! Не вернется паук, не вернется...

— Стерегись его, Карпуша, — сказала бабка и показала на меня в упор пальцем.

А я ей поклонился и сказал:

— Готовь, бабка Клаша, выпивку-закуску, пировать к тебе приеду...

— Пропади ты пропадом! — громко, с ненавистью шепнула она и отвернула лень.

Горбун толкнул меня логонько в спину:

— Хватит языком трясти. Пошли...

На улице был сладкий снежный запах, близна и тишина. Во дворе за двухметровым заплотом стоял уже прогретый хлебный фургон, горбун уселся с Лошаким в кабину, а мы попрыгали в железный ящик кузова. Заурчал мотор, затряслась под ногами выхлопная труба, грузовик медленно тронулся, переехал через бугор у ворот и выкатил на улицу. И поехали мы...

Тягунов, Левченко и я уселись на пустых ящиках, а Чугунная Рожа и Промокашка сняли с борта длинную доску, и под ней открылись продольные щели, как амбразуры. В фургоне стало светлее, и через щели мне были видны мелькающие дома, трамвай, алетела и сразу же исчезла пожарная каланча. Мы ехали из района Черкизова в сторону Стрмынки...

Ужасно хотелось курить. В кармане я нащупал кисет, который мне дал вчера Копытин: «Зашемит коли — потяни, легче на душе станет...» Сильно трясло на ухабах заледневшей мостовой или руки у меня так сильно тряслись, но свернуть сигарку никак не удавалось — все время табак просыпался. Левченко долго смотрел на меня, потом взял из моих рук кисет и очень ловко, быстро свернул самокрутку, оставил краешек бумажки самому заливать и протянул мне. Чиркнул, прикурил, затянулся горьким дымом, ударило мягко, дурманяще в голову, оперся я спиной о холодный борт и закрыл глаза.

Вот и подъезжаю я к концу своего пути. Вся надежда на нашу встречу, если Жеглов догадается насчет двери в кладовку... Интересно, о чем думал Вася Вехшин, когда к нему на скамейку подсел бандит... За тебя, Вася, отомстили... И за меня с ними со всеми рассчитаются... Только самому еще очень хотелось пожить... Дожить до обещанной Михал Михалыч Эры милосердия... Прощайте, Михал Михалыч... Вы как-то сказали, что люди узнают о вашей жизни только из заметки в газете о вашей смерти... А получается все наоборот... Обо мне...

Заскрипели тормоза, фургон стал притормаживать...

Да ничего! Я ведь разведчик! Я ведь муровец! Убить меня можете, а напугать — нате, выкусите! Я и безоружный одного из вас успею сделать... Вот тебе, наверное, Чугунная Рожа — ты все от меня не отходишь, значит, судьба тебе такая!

Машина совсем остановилась, стало тихо, и я приподнялся с ящика, чтобы выглянуть в щель.

— Садись на место, — зашипел на меня Чугунная Рожа.

Да, не зря ты так из меня кидашься — я ведь твоя судьба. И обойдусь с тобой круто.

— Что ты пылишь, дурак? — сказал Чугунной Роже Левченко. — Он сейчас с нами вниз пойдет, а ты ему осмотришься не даешь. Сядь на место и не вякай...

Я посмотрел в щель и от этой ослепительной близны кругом зажмурился. Фургон стоял в переулочке, неподалеку от магазина, отсюда был виден вход в него и угол пустыря, который примыкал к черному входу и подсобкам. Снег вокруг был девственно чист, лишь одинокая цепочка следов вела от подсобки к воротам. Из кабины вышел горбун и сказал нам через щель:

— Промокашка пусть сходит к магазину, посмотрит, как там и что...

Своей развинченной походкой Промокашка добрал до магазина, и по шуплой его спине было видно, что он сильно боится. Он потоптался недолго у входа и вернулся, сказав, что магазин заперт, а внутри видел двух женщин в белых халатах — похоже, продавщицы. И сердце у меня бешено заколотилось: все, значит, операция началась. Женщины в халатах не продавщицы, это должны быть девушки из комендантского подразделения.

— Все время смотрите, не отвлекайтесь, — сказал горбун и влез в кабину.

Минуты замерли, заледенели секунды, время пропало. Неизвестно, сколько это длилось, и я тщательно старался вспомнить, сколько приблизительно шагов от двери до туннельчика, потом припомнил длину туннельчика и сколько еще от него до поворота, сразу за которым дверь в кладовку. Ах, глупость какая, поганая дверка, она моя единственная дверь в жизнь...

— Вот они! Вот они! — сдавленно крикнул Промокашка.

Мы одновременно метнулись к щели и увидели, что у дверей магазина притормозил наш «фердинанд», в лобовом стекле мне виден был Копытин. Он въехал на левый тротуар, потом стал сдавать задом и остановился так, что выход из него оказался прямо перед входом в магазин. Отворилась дверца кабины, и я увидел, как из нее прыжком вымахнул Жеглов. Он постучал в стекло и показал что-то находящимся внутри магазина. Отперли входную дверь, и из автобуса вышел Пасюк, держа за руку Фокса, сзади его страховал Тараскин. Они мгновенно провели Фокса в помещение, и снаружи остались только Гриша и Копытин.

Вот и все. В магазине наверняка еще наши, да и здесь-то, на улице, держат хлебный фургон под плотным прицелом. Лошак завел мотор, и фургон на первой скорости покотил за угол, на пустырь, к черному

ходу, перекрыв его так же, как Копытин главный вход с улицы.

Горбун проворно вылез из кабины и стукнул рукой в борт, и мы быстро попрыгали из фургона на снег. Замка на двери не было, Чугунная Рожка потянул ее легонько на себя — отворилась. Первым шагнул на наклонную дорожку Тягунов, за ним пошел горбун. Чугунная Рожка взяла меня за руку, но Левченко толкнул его:

— Иди вперед и смотри, чтобы он мимо тебя к ментам не рванул. Я прикрою его сзади...

Исчез в двери Чугунная Рожка, Левченко оглянулся, но сзади уже напирала Промокашка и Лошак, и в руках у них были пистолеты. Левченко махнул рукой, и я тоже ступил на бетонный спуск в подвал.

...После ослепительной белизны на улице все в первый миг ослепило в тусклом сумраке подвала, и я только слышал негромкий шорох шагов впереди и тяжелый топот Левченко, Промокашки и Лошака за своей спиной. Постепенно глаза привыкли, и горбун уверенно прошел через «приемку», быстро юркнул в туннельчик, и на повороте слабо блеснул в свете запыленного пятнадцатисвечечки вороненый «вальтер» в его длинной обезьяньей руке. И Тягунов шагнул в туннель, зашуршали его ботинки по цементу, увесисто грохотнул Чугунная Рожка, согнувшись, вошел я, сзади Левченко... Где-то впереди, наверху раздавались громкие голоса, и горбун вел нас прямо на эти голоса. Пять шагов, шесть, семь, восемь, девять, сейчас кончается туннельчик, кромка низкого свода, надо присмотреть какую-нибудь палку, чтобы свалить Чугунную Рожку одним ударом... Эх, не сообразил, видно, Жеглов, куда я от них на свету-то денусь? Я так надеялся, что Жеглов догадается погасить свет в подвале...

Конец туннельчика... Тут в четырех шагах должен быть поворот направо, за ним еще два шага — и кладовая... Три, четыре... Поворот... Раз... два...

Погас свет! Свет погас! Чернильная, непроницаемая подвальная тьма окутала нас. И тишина — все остановилось. Это будет длиться еще несколько секунд...

Шаг в сторону, вплотную к стене. Шаг вперед. Тише, тише, легче ступайте, ноги мои! Не грохочи так, сердце! Не рви с хрипом затхлый воздух, мое дыхание! Короткий матерок горбуна, бряк спичек в чьей-то руке... Жесты на двери, холодное прикосновение застывшей в подвале жести. Зябко трясутся руки. Господи, дверь, не заскрипи только, не визжит, петли! Поддайся, дверь, бесшумно...

Плавню уступила моим пальцам дверь, скользнула вглубь на смазанных петлях, приняла меня кладовая, как река, как материнское объятие, как спасение, как жизнь...

И не было в голове ни одной мысли, а билась судорожно во мне бешеные инстинкты, годами нарабатанные навыки ходить по проволоке смерти. Мысли были у Жеглова, когда он крепил здесь вчера здоровый брус засова, намазав его жирно солидолом, так что и он скользнул в гнездо беззвучно, как сом в сети.

Я стоял, прижавшись к кирпичной стене, и холод ее ласкал воспаленное лицо, и удушье взяло меня железной хваткой за горло — не хватало воздуха и не хватало смелости поверить, что я смогу обо всем договориться с Жегловым, смогу за двадцать километров, сидя в гнусном притоне, передать ему свой крик души...

За дверью раздался голос горбуна, чуть дрожащий, напряженный, но страха в нем не было:

— Володя! Ты где, Володя? Ну-ка, подай голос! Ты что, в прятки придумал играть, а?..

Боком встал я в кирпичную нишу, провел рукой по стене и на прилавке вдруг наткнулся на что-то тяжелое и холодное. Пистолет! Мой «ТТ»! Жеглов и это предусмотрел: если я догадаюсь, то и пистолет у меня под рукой будет!

— Володя! — негромко взвизгнул горбун. — Зубами порви!

Я по-прежнему молчал, прижимаясь к стене.

— Уходить надо! — сказал Левченко.

— Здесь дверь где-то справа, — раздался голос Чугунной Рожки. — Он туда мог рвануть...

И сразу же в дверь тяжело, грузно стали ломиться. Ничего, продержится немного, а там еще посмотрим.

— Карп, оставь ты его, уходить надо! — снова глухо сказал Левченко.

— Убить его надо, суку, тогда пойдем, — верещал сквозь зубы горбун. Они стали, видимо, вдвоем наседать на дверь, петли протяжно заскрипели.

И вдруг в этом злом пыхтенье и чертыханье раздался очень громкий, просто пронзительный баритончик Жеглова:

— Граждане бандиты! Внимание!

Напор на дверь утих, они там замерли от неожиданности, да и я не сразу сообразил, что Жеглов говорит с ними через вентиляционный люк, и в этой затхлой сводчатой тесноте, в этой мгле кромешной звучал его голос ирионской трубой. Я почти уверен, что Жеглов предвидел этот эффект.

— Ваша банда полностью блокирована. Оба выхода перекрыты. Фургон ваш, кстати, уже отогнали от дверей. Я предлагаю вам сдаться, иначе вы отсюда не выйдете...

— И кто это говорит? — крикнул горбун.

— Капитан Жеглов. Слышал, наверное? Вот я вам и предлагаю сдаться по-хорошему...

— А если по-плохому? — спросил горбун.

— Тогда другой разговор. В связи с исключительной опасностью вашей банды я имею указание руководства живьем вас не брать, если вы не примете моих условий. Как устраивает вас такой вариант?

— А мента своего нам отдаешь на съедение? Мы ведь кожу с него живьем сдерем!

Жеглов сказал рассудительно:

— Ну что ж. Пусть он за вас похлопочет, мы рассмотрим.

Молодец, Глебушка, дал мне шанс на всякий случай. Несколько секунд плавало напряженное злое молчание, потом Жеглов громко рассмеялся, и его хохот громом разнесся по подвалу:

— Дырку от бублика ты получишь, а не нашего опера. Он уже давно — ты-ты! Руки у тебя коротки — до него дотянуться.

Они совещались прямо около моей двери, и я слышал, как вместе запальчивой первой злобы прихода окончательная уверенность, что им отсюда не вырваться, капкан захлопнулся намертво.

— Даю еще две минуты! — оглушительно прогремел голос Жеглова.

Кружилась голова, занемели ноги, голоса бандитов то возникали, то снова где-то растворялись, и в какой-то момент — прошла, наверное, тысяча лет — горбун крикнул:

— Черт с вами. Мы сдаемся!..

— Выходите из подвала. По одному. Перед дверью останавливайтесь и выкидывайте наружу стволы и ножи. Предупреждаю: дверь под прицелом, никаких фокусов, стреляем без предупреждения...

Затопотали, прогремели, зашуршали удаляющиеся шаги, стало тихо, и вдалеке, измятыми сводами, поворотами, искроверканный дверями прозвучал голос Жеглова, уже не радиострашный, а обычный быстрый его баритончик:

— Значитца, так: первый пусть бросает оружие и выходит...

Прошло несколько секунд, и я снова услышал Жеглова:

— Может выходить второй...

— Третий...

— Теперь пусть выходит горбатый... Я сказал: горбатый!

— Пятый...

— Выходи следующий...

Неразборчиво гудели еще голоса, и наконец Жеглов ликующе заорал:

— Все! Шаратов, выходи! Все здесь!

Я стал отодвигать засов, и руки меня не слушались. На ватных ногах добрал я до спуска, медленно сделал последние шаги и вышел на улицу, а пистолет еще держал в руках...

Ошалело озирался я по сторонам: здесь уже было полно людей, тискали меня в объятиях Тараскин и Гриша, хлопнул сильно по плечу Жеглов:

— Молодец, Шаратов, мы тут за тебя страха натерпелись...

Пасюк хозяйственно собирал сваленное на снегу оружие, бандитов, обысканных и уже связанных, сажали в торевный фургон «черный ворон», милиционеры с винтовками из оцепления смотрели на меня с любопытством. У дверей «воронка» стоял Левченко.

— Руки! — командовал ему милиционер. Левченко поднял на меня глаза, и была в них тоска и боль. Протянул милиционеру руки.

А я шагнул к нему, чтобы сказать: ты мне жизнь спас, я сегодня же...

Левченко ткнул милиционера в грудь протянутыми руками, и тот утуп. Левченко перепрыгнул через него и побежал по пустырю. Он бежал прямо, не петляя, будто и мысли не допускал, что в него могут выстрелить. Он бежал ровными широкими прыжками, он быстро, легко бежал в сторону заборов, за которыми вытянулась полоса отчуждения Ржевской железной дороги.

И вся моя оцепенелость исчезла — я рванул за ним с криком:

— Левченко, стой! Сережка, стой, я тебе говорю! Не смей бежать! Сережка!

Я бежал за ним, и от крика мне не хватало темпа, и углом глаза увидел я, что стоявший сбоку Жеглов взял у конвойного милиционера винтовку и вскинул ее.

Посреди пустыря я остановился, раскинул руки и стал кричать Жеглову:

— Стой! Стой! Не стреляй!..

Пыхнул коротеньким быстрым дымком ствол винтовки, я заорал дико:

— Не стреляй!

Обернулся и увидел, что Левченко нагнулся резко вперед, будто голова у него все тело перевесила или увидел он на снегу что-то бесконечно интересное, самое интересное во всей его жизни, и хотел на бегу присмотреться, и так и вошел лицом в снег...

Я добежал до него, перевернул лицом вверх, а глаза уже были прозрачно стеклянными. И снег только один миг был от крови красным и сразу же становился черным. Я поднял голову, рядом со мной стоял Жеглов.

— Ты убил человека, — сказал я устало.

— Я убил бандита, — усмехнулся Жеглов.

— Ты убил человека, который мне спас жизнь, — сказал я.

— Но он все равно бандит, — мягко ответил Жеглов.

— Он пришел сюда со мной, чтобы сдать банду, — сказал я тихо.

— Тогда ему не надо было бежать, я ведь им говорил, что стрелять будут без предупреждения...

— Ты убил его, — упрямо повторял я.

— Да, убил и не жалею об этом. Он бандит, — убежденно сказал Жеглов.

Я посмотрел в его глаза и испугался: в них была озорная радость.

— Мне кажется, тебе нравится стрелять, — сказал я, поднимаясь с колен. — Если доведется, ты и через меня переступишь...

— Ты что, с ума сошел?

— Я с тобой больше работать не буду...

Жеглов пожал плечами:

— Как знаешь...

Я шел по пустырю к магазину, туда, где столпились люди, и в горле у меня колотали ругательства и слезы. Я взял за руку Копытина:

— Отвези меня, отец, в управление...

— Хорошо, — сказал он, не глядя на меня, и полез в автобус. Я оглянулся на Пасюка, Тараскина, взглянул в лицо Грише, и мне показалось, что они неодобрительно отворачиваются от меня, никто мне не смотрел в глаза, и я не мог понять почему. У них у всех был какой-то странный вид, не то виноватый, не то недовольный. И радости от законченной операции тоже не видно было.

Копытин мчался по городу и бубнил себе под нос, но не про резину, а что-то про молодость, про несправедливость, судьбу. Но я не очень внимательно слушал его, потому что обдумывал свой рапорт. С Жегловым я работать больше не буду.

У дверей управления я сказал:

— Спасибо тебе, Копытин. За все. И за кiset... Он у того парня остался, убитого...

... Я с тобой пойду, — сказал Копытин, слезая со своего сиденья.

— Зачем? — удивился я. — Хотя, если хочешь, пошли...

В вестибюле, как всегда, было многолюдно, сновали озабоченные сотрудники, и только у меня сегодня дел никаких не было. Я пошел к лестнице и увидел на стене портрет Вари. Большая фотография, будто увеличенная с удостоверения.

Варя? Почему здесь ее фотография?

Отнялись ноги, вкопанно остановились. И сердце оборвалось.

СЕГОДНЯ...

— Володя, Володя, ну, что ты... не воротись, — загудел над ухом Копытин.

Варя! Варя! Этого не может быть! Это глупость! Вздор! Небыль! Варя!

Варя, это я должен был сегодня погибнуть, но я же вернулся! Ты обещала дожидаться меня, Варя!..

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ВООРУЖЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ ПОГИБ НАШ ТОВАРИЩ — ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ ДЕВУШКА ВАРЯ СИНЧИКИНА.

НЕТ ЧЕЛОВЕКА В УПРАВЛЕНИИ, В КОТОРОМ НЕ ВЫЗВАЛА БЫ ЭТА ВЕСТЬ ЧУВСТВА ГЛУБОКОЙ СКОРБИ.

Подпрыгнула подо мной мраморная плита, заплесало все перед глазами. Варя! Не может этого быть... И обрушился на меня страшный крик наших пяти неродившихся сыновей, жалобно плакал маленький найденный, который должен был принести мне счастье, кружилась Варя со мной в вальсе, и глаза ее полыхали передо мной, и я помнил сердцем каждую ее клеточку, и добрые ее, мягкие губы ласкали меня, я слышал ее шепот: «Береги себя», — и руки мои были полны ее цветами, которые она принесла мне в ноябре, в самую страшную ночь моей жизни, уже мертвая. Она ведь умерла, когда ушла от меня во сне на рассвете, и сердце мое тогда рвалось от горя, и я молил ее оставить мне чуточку памяти... Варя!

Обнимал меня за плечи Копытин, гудел что-то надо мной, я взглянул на него — слезы каплями повисли на его длинных рыжих усах. Они все знали, поэтому боялись посмотреть мне в лицо...

Какой-то серый туман окутал меня, я ничего не понимал, и сколько меня ни тащил Копытин, я не двигался от Вариной фотографии.

Волосы ее были забраны под берет, и ярко светили ее веселые глаза.

ПАМЯТЬ О ВАРЕ СИНЧИКИНОЙ, СЛАВНОЙ ДОЧЕРИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ...

Я оттолкнул Копытина и выбежал на улицу. Снова пошел крупными хлопьями снег, он таял на лице прохладными щекочущими капельками. Где-то я потерял свою кепку, но холода совсем не чувствовал. Я вообще ничего не ощущал — я весь превратился в ком режущей, полыхающей боли, одну сплошную горячую рану. Варя...

Не помню, где я бродил весь день, что происходило со мной, с кем я разговаривал, что делал. Беспмятство поглотило все.

Когда я опомнился, то увидел, что сижу в нашем кабинете. Был ли это еще день или уже накатила ночь, я не знал, но вокруг были ребята: Гриша, Пасюк, Тараскин и Копытин.

— Володя, пошли ко мне, у меня переночуешь, — сказал Тараскин.

— Пошли, — согласился я, мне было все равно.

Открылась дверь, заглянул какой-то краснощекий майор, спросил:

— А где Жеглов?

— Вин по начальству докладает, — сказал Пасюк и махнул рукой.

Все стали собираться, а я сидел за своим кургузым столиком, который мы с Тараскиным так долго делили на двоих, и мне не давала покоя мысль, что и в беспмятстве своем я все равно помнил о чем-то очень важном, чего никак нельзя забывать — от этого зависела вся моя жизнь, — а сейчас вот забыл. И пока все одеваюсь, а в тарелке репродуктора слышно надрылся певец: «Счастье свое я нашел в нашей дружбе с тобой», — я все старался вспомнить это очень важное, но мне мешало сосредоточиться то, что точно так же все происходило, когда мы выходили с Васей Векшиным на встречу с бандитами. Только Жеглова сейчас не было.

— Пойдем, Володя, — сказал Тараскин.

И у самой двери я вспомнил. Вспомнил. Вернулся назад и сказал:

— Ребята, идите, мне хочется посидеть одному...

Когда стихли шаги в коридоре, я снял телефонную трубку. Долго грел в ладонях ее черное эбонитовое тельце, и гудок в ней звучал просительно и гулло. Медленно повернул диск аппарата до отказа — сначала ноль, потом девятку, коротко пискнуло в ухе, и звонкий девчачий голос ответил:

— Справочная служба...

Еще какой-то миг я молчал, и снова передо мной возникло лицо Вари и, прикрыв глаза, потому что боль в сердце стала невыносимой, быстро сказал:

— Девушка, разыщите мне телефон родильного дома имени Граузэрмана...

ПРЕМИИ «СМЕНИ» ЗА 1975 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

- Владимиру ГУСЕВУ — за статью «Герцен» (№ 16);
- Ивану ДРАЧЕНКО — за статью «Память» (№ 9);
- Леониду ЖУХОВИЦКОМУ — за цикл статей «Размышления о проблемах молодежной стройки» (№№ 6, 10, 16, 18, 24);
- Юрию КОРТНЕВУ — за статью «Ответственность хозяина» (№ 1);
- Гранту МАТЕВОСЯНУ — за рассказ «Чужак» (№ 22);
- Эдуардасу МЕЖЕЛАЙТИСУ — за поэму «Ника — богиня победы» (№ 13);
- Алексею НИКОЛАЕВУ — за очерки «Песня Севера» и «На Оке у Поленова» (№№ 18, 24);
- Тынымбаю НУРМАГАМБЕТОВУ — за повесть «Прощай, ата...» (№ 12);
- Марине ПИНКИСЕВИЧ — за серию рисунков к литературным произведениям (№№ 1, 2, 3, 14, 16);
- Юрию УВАРОВУ — за цикл стихов (№ 6);
- Ларисе ЧЕРНИКОВОЙ — за повесть «Сказка о сказке» (№ 11).

Владимир ГУСЕВ Иван ДРАЧЕНКО Леонид ЖУХОВИЦКИЙ Юрий КОРТНЕВ Грант МАТЕВОСЯН Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС Алексей НИКОЛАЕВ Тынымбай НУРМАГАМБЕТОВ Марина ПИНКИСЕВИЧ Юрий УВАРОВ Лариса ЧЕРНИКОВА

ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ЛАУРЕАТЫ НАШЕГО КОНКУРСА

Подведены итоги конкурса «Смены» на лучший разбор шахматных позиций. На старт этого читательского соревнования вышло 3872 читателя. Почти две трети из них — 2506 человек — получили впервые или повысили спортивные разряды по шахматам.

Победителями конкурса признаны 30 читателей, которым присуждено 38 очков из 40 возможных. Редакция благодарит всех, кто принял участие в этом конкурсе, а отличившихся товарищей награждает специальными дипломами и фото грамотами.

Вот имена лауреатов: Александр Алешин, работник нефте-разведочной экспедиции (г. Нарьян-Мар, Архангельская область), Борис Баранов, слесарь-монтажник СМУ-27 «Металлург-строй» (г. Набережные Челны, Татарская АССР), Валентин Баташов, агроном колхоза (село Окуновка, Каргаловский район, Курганская область), Рамзиля Безродная, студентка инженерно-строительного института (г. Новосибирск), Сугонбек Бокотбеков, инженер-сантехник комбината коммунальных предприятий (село

Кировское, Кировский район, Киргизская ССР), Виктор Верин, главный механик хлебозавода № 7 (г. Ярославль), Владимир Власов, инженер станции технического обслуживания автомобилей (г. Ефремов, Тульская область), Эльбрус Габуев, конструктор завода сопротивлений (Алагирский район, Северо-Осетинская АССР), Николай Громадечий, инструктор райкома комсомола (пос. Барановка, Житомирская область), Василий Грдинев, забойщик горного цеха (пос. Заозерный, Целиноградская область), Иван Джум, сотрудник Института ядерной энергетики Академии наук Белорусской ССР (г. Минск), Геннадий Дьяков, сменный мастер лесозавода (г. Ялуторовск, Тюменская область), Гульнара Жирнова, медсестра (пос. Зирган, Мелеузовский район, Башкирская АССР), Василий Загоскин, рабочий совхоза (пос. Старцево, Верхнекамский район, Кировская область), Марина Киржой, ученица средней школы (г. Улан-Удэ), Татьяна Корнеева, студентка технологического института (г. Ленинград), Владимир Кустов, начальник карьера (пос. Полярный, Магаданская область), Нина Малюткина, воспитательница (г. Норильск, Красноярский край), Анатолий Моряхин, офицер Военно-Морского Флота,

Владимир Минченков, взрывник шахты (прииск Ленинградский, Шмидтовский район, Магаданская область), Сергей Осыкин, студент кораблестроительного института (г. Ленинград), Андрей Райкин, техник кондитерской фабрики «Ударница» (г. Москва), Людмила Савкина, младший научный сотрудник (г. Новосибирск), Владимир Сергеев, врач (г. Чапаевск, Куйбышевская область), Владимир Смолин, педагог музыкальной школы (г. Челябинск), Виктор Танский, мастер Щёкинской ГРЭС (г. Советск, Тульская область), Татьяна Трофимова, ученица средней школы (г. Кривой Рог, Днепропетровская область), Александр Фикс, инженер радиотехнического института (г. Горький), Александр Фисенко, сотрудник управления буровых работ (г. Нижневартовск, Тюменская область), Борис Ялымов, начальник гидрометеостанции (пос. Усть-Омчуг, Магаданская область).

Приводим краткие ответы на конкурсные позиции.

Первый тур. 1. Фа3—f3+! Крe4:f3 2. Кс6—e5X; 1. Лd2—e2! Крc6—d5 2. Cf1—g2X; 1. ...Кс6:e5! 2. d4:e5 Фb6:f2+ 3. Крe1—d1 Фf2:d2+! 4. Кf3:d2 Ke4—f2+ 5. Крd1—e1 Kf2:g4, и черные выигрывают.

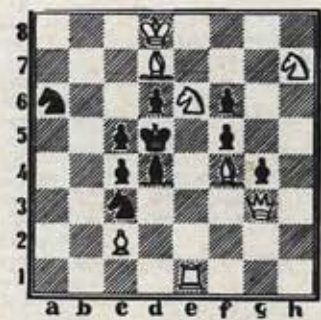
Второй тур. 1. Фе2—c4!! b5:c4 2. Kb3—c5! Крf6:e5 3. Cf8:g7X; 1. Lb3—b5! c7—c5 2. Cd5—a8! Cf3:a8 3. Lb5—b1! a2:b1Ф 4. Фа1:a8X; 1. ...Лd8:d3! 2. c2:d3 Кс5:d3 3. Фf4—d2 Kd3—b4+ 4. Крb1—a1 Фb6—e5! 5. Ke2—c3 Kb4:a2! 6. b2—b4 Ka2:b4+ 7. Кра1—b2 Lh8—d8!, и черные побеждают.

Третий тур. Красивую, с весьма замаскированным решением трехходовку этого раздела, которая, судя по редакционной почте, понравилась читателям больше всех остальных позиций, а для многих участников конкурса явилась «камнем преткновения», мы даем на диаграмме.

1. Le1—c1!! Кс3—e4 2. Фg3—b3!! c4:b3 3. c2—c4X; 1. Фd8—h8+ Крh6—g5 2. h3—h4+! Крg5:g4 3. Фh8—d4+ Крg4—f3 4. Фd4—f2+ Крf3—e4 5. Фf2—f4+ Крe4—d5 6. c2—c4+ b5:c4 7. b3:c4X; в заключительной позиции преимущество и шансы на успех у черных.

ТОЛЬКО ФЕРЗЕМ!

В канун Нового года предлагаем читателям этюд с довольно нестандартным условием: белые начинают и выигрывают, не делая ни одного хода своим королем. Думается, что эта любопытная шахматная головоломка доставит всем немало приятных минут.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/XI 1975 г. А 00932. Подписано к печати 21/XI 1975 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2762. Заказ № 1360. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЕРЬЯНО

Слова Евгения ЕВТУШЕНКО.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО

Музыка Эдуарда КОЛМАНОВСКОГО.

*Хочется, хочется синих-синих волн,
Хочется, хочется плыть по ним подальше.
Рано или поздно не будет в мире войн,
Но лучше все-таки, если бы пораньше!*

*Хочется, хочется белых облаков,
Хочется, хочется жить с людьми по правде.
Рано или поздно не будет дураков,
Но лучше все-таки, если бы пораньше!*

*Хочется, хочется голубых лугов,
Хочется, хочется солнышка поярче.
Рано или поздно приходит к нам любовь,
Но лучше все-таки, если бы пораньше!*

*Хочется, хочется малость поумнеть,
Хочется, хочется сделать бы побольше.
Рано или поздно придется помереть,
Но лучше все-таки, если бы попозже!*

К Р О С С В О Р Д

Составил В. МАНЧЕНКО,
г. Азов

По горизонтали:

9. Рыхление почвы. 10. Артист цирка. 11. Остров в восточной части Средиземного моря. 13. Изложение в литературном произведении о действиях и событиях. 14. Направление движения корабля, самолета. 15. Приток реки Уфы. 17. Точка небесной сферы, из которой исходят видимые пути метеорного потока. 18. Город в Италии. 19. Газета Итальянской компартии. 22. Производственное объединение. 25. Исполнитель ролей на сцене. 26. Брюхоногий моллюск. 27. Химический элемент, газ. 28. Басня И. А. Крылова. 29. Направление движения, определяемое по карте и компасу. 31. Областной центр в Сибири. 35. Медный духовой инструмент. 38. Малая планета. 40. Английский экономист XVIII—XIX веков. 41. Яркая звезда в созвездии Возничего. 44. Венгерский пианист, композитор XIX века. 45. География отдельного государства. 46. Выпуклая замкнутая кривая. 47. Композитор, Герой Социалистического Труда. 48. Воплощение в кино литературного произведения.

По вертикали:

1. Элементарная частица. 2. Город в Ленинградской области. 3. Река, вытекающая из Чудского озера. 4. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 5. Основное население одной из республик Югославии. 6. Оттенок, тонкое различие. 7. Курорт в Литве. 8. Специалист, изучающий строение Вселенной. 12. Электрическая соединительная арматура. 14. Медицинское учреждение. 16. Наука о землетрясениях. 20. Преподаватель, педагог. 21. Литературный жанр, посвященный разбору произведений. 23. Часть дерева. 24. Ценная промысловая рыба. 28. Высокий детский голос. 30. Советская футбольная команда. 32. Подлинник. 33. Мелодический оборот, завершающий музыкальное произведение. 34. Система способов в исследовательской работе. 36. Народная республика. 37. Древнегреческая эпическая поэма. 39. Южный цветок. 42. Крупный знак. 43. Вид лица спереди.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

7. Циклон. 10. Ацтон. 11. Амарант. 12. Гарлун. 13. Ратмир. 14. «Арктика». 15. Каркас. 18. Нарзан. 21. Планк. 24. Аптека. 25. Ариэль. 26. Латур. 27. Синица. 28. Атташе. 29. Салат. 32. Ибадан. 36. Салака. 39. Арабист. 40. Вереск. 41. Август. 42. Статист. 43. Фигаро. 44. Остров.

По вертикали:

1. Цитата. 2. Слепок. 3. Ананас. 4. Катран. 5. Сектор. 6. «Родина». 8. Байкал. 9. Радиан. 16. Реплика. 17. Америка. 19. Ариетта. 20. «Золушка». 21. Палас. 22. Автол. 23. Карат. 30. Арагац. 31. Анилин. 33. Брешиа. 34. Дренаж. 35. Наксос. 36. Статор. 37. Лыгота. 38. Кастор.

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА и Сергея ТЮНИНА

